

ОГОНЁК

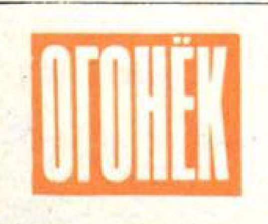
№ 11 МАРТ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«ВЫПОЛНЕНИЕ НОВОГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА — ЖИВОЕ ДЕЛО МИЛЛИОНОВ, ВСЕГО СОВЕТСКОГО НАРОДА, ЕГО ИНИЦИАТИВЫ, РАЗУМА И ВОЛИ».

(Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану)

Нина Никитишина, окончив десятилетку, пришла на стройку по комсомольской путевке. Была бетонщицей. Поступила в профтехучилище и стала химиком.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 11 (2020)

13 МАРТА 1966

«ПРЕДУСМОТРЕТЬ ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ... ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ...

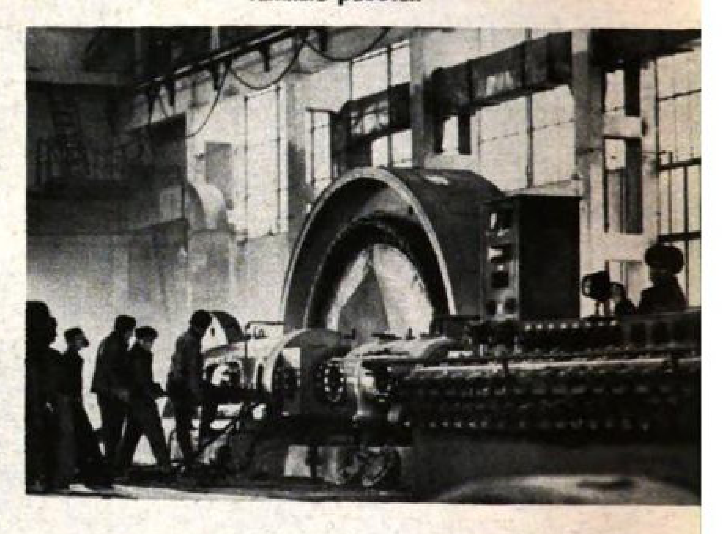
ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧИТЬ ПОСТАВКИ СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ... МИНЕРАЛЬНЫХ УДОБРЕНИЙ И ХИМИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ РАСТЕНИЙ».

Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.

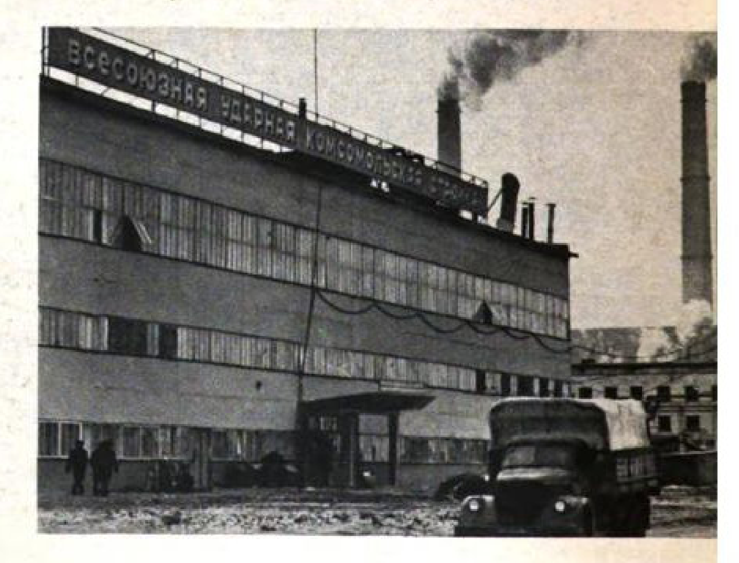

Город Тольятти. Площадь перед речным вокзалом.

В компрессорном цехе идут завершающие монтажные работы.

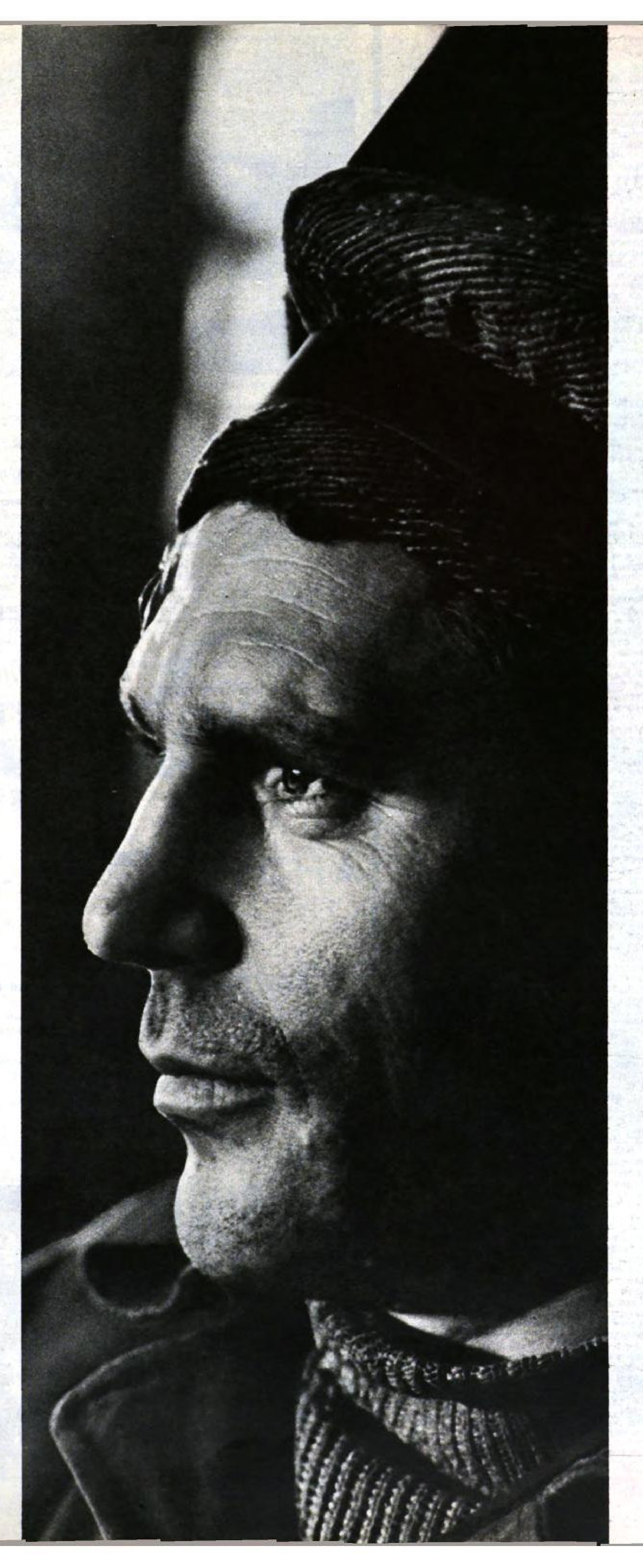
Азотнотуковый — всесоюзная комсомольская стройка. Сюда приезжает молодежь по комсомольским путевкам, получает специальности строителей, монтажников, химиков.

На открытых площадках Тольяттинского азотнотукового завода завершается строительство и монтаж сложного химического оборудования.

ХИМИЯ ПРОПИСАНА НА ВОЛГЕ

Ия МЕСХИ

Фото Л. Бородулина.

Позади обледенелые шлюзы Волжской ГЭС, застывшее Жигулевское море и на том берегу, в синей дымке, сказочные Жигули. А тут — сосны, сосны, стройные, запорошенные снегом... И, наконец, показалась вдали громада домов из белого силикатного кирпича. И транспарант на дороге предупредительно извещает:

«Вы въезжаете в город Тольятти...»

В поселке Комсомольск сходит попутчик, назвавший себя строителем,— веселый, добродушный малый, из тех, кому со всеми легко и с кем всем легко. Он возвратился из Сочи, сменил плюс пятнадцать градусов на минус тридцать и радуется: соскучился по морозам. Подхватив свой небольшой чемоданчик, выпорхнула из машины другая путешественница по Кавказу, девушка в модных брюках и меховой шапочке, Валя — маляр из СМУ.

— А что пропустила уроки в вечерней школе, не беда: догоню!..

И она скрылась в подъезде девичьего общежития на улице Мира.

Хорошо приезжать домой, в тепло своих квартир, к близким, друзьям! Каков же ты, Тольятти, снежный, белый, такой волжский городок, принявший в сентябре 1964 года мягкое южное имя замечательного итальянского коммуниста? Кажется, такие далекие: По и Волга. Но в городе на Волге только что получена телеграмма. Ее послал Луиджи Лонго, возглавивший Итальянскую компартию после кончины Пальмиро Тольятти. Он благодарит за теплое послание XI съезду Итальянской компартии и просит передать всем коммунистам и всем гражданам города Тольятти «наш привет и выражение нашей сердечной и прочной дружбы». И, оказывается, от Волги до По рукой подать, потому что дружба сердечная и прочная, потому что и там и здесь люди одной идеи — коммунисты.

Телеграмма адресована товарищу Андрееву, секретарю Тольяттинского горкома КПСС. Он держит ее в руках, смущается, радуется. Товарищ Андреев, Геннадий Николаевич, еще очень молодой человек. Четыре года назад студенты Уральского политехнического называли его просто Геной, а профессора усиленно подогревали в нем увлеченность «фосфорными темами». Но уже год спустя, надев на себя два ватника и накрывшись сверху брезентом, он лазил в раскаленную печь, чтобы поскорее ее наладить, пустить. Он — по комсомольской путевке — стал инженером на пусковом химическом заводе, куда попросился из-за того же самого фосфора. Было много славных дел, в которых участвовал Геннадий Андреев, и вот у коммунистов города Тольятти появился двадцатидевятилетний темпераментный «фосфорный» секретарь.

Газоэлектросварщик Иван Бажанов — «пожарная команда» цеха слабой азотной кислоты. Его задача — быстро ликвидировать перебои в системах этого цеха.

«Вы въезжаете в город Тольятти...» Новый универмаг, кинотеатр, который называется «Космос». Строится стадион. К главному зданию филиала Куйбышевского индустриального института (хорош филиал — на три тысячи студентов!) пристраивается большой лабораторный корпус. Только что пущен первый троллейбус... Нет, лучше пройтись пешком по широкой, красивой, заснеженной улице Жилина. Она приводит на площадь Свободы, где стоит памятник Герою Советского Союза Василию Жилину и его товарищам по оружию. На обелиске высечены слова:

В битве великой
Не сгинут бесследно
Павшие с честью
Во имя идей...

Этот обелиск поставили на площади комсомольцы Тольятти. Василий Жилин — их земляк. Из этого города он ушел на войну.

Из этого города? Но ведь городу не больше шести-семи лет!.. И тут выясняется, что это вовсе не молодой город, что он даже старше Ленинграда. В XVI веке был крепостью на берегу Волги, потом поселением, потом городком Ставрополем. В пятидесятых годах нашего века в нем жили восемь с половиной тысяч человек. А теперь старый Ставрополь покоится на дне Жигулевского моря. Все, что было в нем мало-мальски ценного из строений, перенесли. Город надо было затопить. На Волге строилась по тем временам крупная ГЭС — имени В. И. Ленина. В 1955 году, 29 декабря, она дала первый ток. Тогда в поселке строителей ГЭС, бывшей Кунеевке, которая теперь называется Комсомольском, работал двадцатитысячный коллектив треста «Куйбышевгидрострой». Он сооружал электростанцию. Закончив ее, начали строить заводы: «Волгоцеммаш», который делает теперь гигантские цементные печи; электротехнический, создающий мощные трансформаторы; заводы синтетического каучука и химический, производящий из апатитов Кольского полуострова фосфор и фосфорные соединения, и, наконец, азотнотуковый завод.

В самом деле, ничто не возникает на голом месте: четыре века назад руки волгарей сложили Ставропольскую крепость для охраны русских земель. И вокруг нее затеплилась жизнь. В сороковых годах нашего века руки ставропольца Василия Жилина сжимали автомат, чтобы не пропустить за Волгу врага. А уже через какой-нибудь десяток лет волжане перенесли свой городок с одного места на другое, и построили плотину, и начали использовать энергию реки. Из Жигулей шагнули линии электропередач. И еще через десять лет здесь вырос город с населением в 140 тысяч человек. Ныне это город большой химии.

И есть для коммунистов всех стран глубокий смысл в его теперешнем имени — имени руководителя братской Итальянской компартии. Если б знал это Владимир Ильич, совершавший некогда свою «жигулевскую кругосветку» по Волге и Усе!

Тольяттинские химики дали промышленности первый советский изопреновый каучук, тот самый, который по своим качествам не отличается от натурального. Они уже научились производить самые разнообразные каучуки — стойкие к морозу, стойкие к щелочам. А завод синтетического каучука еще не набрал полной силы — продолжает строиться.

Строятся и фосфорщики. Но тем временем в Тольятти уже летят заказы: тут получен очень нужный синтетический продукт, триполифосфат натрия, заменяющий в ряде производств пищевые жиры — пусть они идут не в промышленность, а к нашему столу. И здесь же впервые в стране освоено производство пластификатора, без которого не обойтись целому ряду пластмассовых изделий. Наконец, в Тольятти пустили азотнотуковый завод. И все это в течение трех последних лет.

Над промышленной площадкой азотнотукового завода высится длинная серебристая труба. Под этой трубой уже действует цех слабой азотной кислоты. А рядом, в шестидесятиметровой грануляционной башне, происходит таинство превращения жидкого сплава в твердые гранулы. Это селитра.

Правда, сюда еще не подведен газ, из которого химики должны получить аммиак. И можно было бы пустить первую очередь завода, как это и было предусмотрено, только через год. Но азотнотуковый — всесоюзная комсомольская стройка. И было решено выдать продукцию досрочно. Здесь подсчитали: если запаздывает технологическое оборудование аммиачных цехов, мы пока наладим выпуск удобрений на привозном аммиаке. Непременно наладим, потому что наша продукция нужна селу сейчас, перед новым сельскохозяйственным годом. И люди трудились, не считаясь со временем. Коммунисты и комсомольцы выходили на стройки в воскресные дни. Каменщики, плотники и бетонщики работали в две смены — и когда мороз и когда ветры свистят на вершине башни. Строители помогали монтажникам, монтажники — строителям, бригады забирались на высокие отметки и там при обжигающем морозе клали кровлю. А химики, не дожидаясь окончания строительства, параллельно с ними вели пуско-наладочные работы.

Здесь Иван не кивал на Петра, а Петр на Ивана. Здесь все было общим, все «своим». И сейчас, когда селитра уже пошла, начальник СМУ-2 Алексей Михайлович Харитонов заходит в башню, перебирает на ладони гранулы, радуется, что они стали белее, чем в первые дни. Хотя, в общем-то, какое, казалось бы, дело строителю до этих гранул?! А начальник цеха слабой азотной кислоты Николай Алексеевич Кирсанов может рассказать, каково было монтировать конвертеры и газгольдеры и как с этим справлялся газорезчик Миша Нечаев, который пришел на стройку по комсомольской путевке. Ведь Николай Алексеевич только сейчас занялся своей кислотой, а до этого строил цех вместе с другими. И химик Нина Никитишина до пуска тоже строила и, строя, обучалась в профтехучилище премудростям химии. Строил цех и газоэлектросварщик Иван Бажанов. А сейчас он ремонтник, не спускает глаз с агрессивной системы, в которой получается азотная кислота.

Первый на Волге завод минеральных удобрений действует! Теперь задача — довести первую очередь до проектной технологии, подбросить к заводу газ, смонтировать оборудование в аммиачных цехах. И все это завершить к открытию XXIII съезда КПСС.

Начальник СМУ-2 ведет нас в пусковые цехи, где завершается монтаж оборудования. Потом мы поднимаемся на шестидесятиметровую грануляционную башню, и любуемся широкой панорамой всей площадки строящегося завода, и видим 150-километровый газопровод, который завтра будут испытывать («прессовать!»). Суровый на вид Харитонов нет-нет и поворчит: «Планировать надо бы так, чтобы не было авралов... Завод надо бы строить компактнее!»

Другой наш спутник, секретарь партийной организации «Куйбышевгидростроя» Борис Самуилович Кашунин, настроен более лирично:

— А все-таки строитель — лучшая на свете профессия. У нас много праздников, много радостей. Построим, сдадим — праздник!.. Снова построим, сдадим... Видели бы вы Харитонова, когда сдавали эту башню!..

Приехали люди в старый Ставрополь и стали пробивать в лесу просеку, к месту, где сейчас стоит со своими заводами город Тольятти. Все произошло, как в сказке, за каких-нибудь пятнадцать лет.

Построить, увидеть, передать с рук на руки свое создание — в этом радость профессии. Человек строил всегда. Он и сейчас строит во всех уголках земного шара. Но что же тогда так волнует именно здесь, в этом новом городе, каких, собственно, немало на нашей земле?

Наверное, не башни и трубы, не дома и троллейбусы. Наверно, судьба Вали-маляра, которая сейчас догоняет в учебе своих подруг-десятиклассниц. Наверно, строгое лицо случайного прохожего, паренька, рассказавшего мне о герое Василии Жилине. Наверно, высокая мера ответственности, которую взял на себя молодой партийный секретарь Геннадий Андреев. И расчетливая трезвость начальника СМУ Алексея Харитонова и романтическая приподнятость вожака строителей Бориса Кашунина — словом, все то, что называется человеком, и то, из чего он «строится».

«КИРГИЗСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Обеспечить дальнейшее развитие цветной металлургии, электротехнической, легкой и пищевой промышленности...

Обеспечить дальнейшее развитие тонкорунного и полутонкорунного овцеводства. Увеличить производство сахарной свеклы, хлопка, табака, мяса, шерсти, молока, фруктов».

(Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.)

ЕРЕВАН

«АРМЯНСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Предусмотреть дальнейшее развитие цветной металлургии, химической промышленности, точного машиностроения, легкой и пищевой промышленности...

Предусмотреть увеличение производства винограда, плодов, овощей, эфирномасличных культур и табака. Обеспечить дальнейшее развитие орошаемого земледелия».

(Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.)

МОЙ ЧУДО-ГОРОД

Чингиз **А Й Т М А Т О В**, лауреат Ленинской премии

Труднее всего рассказывать о каком-либо городе, даже о своем родном. Всегда чувствуешь, что не в состоянии поведать и сотой доли того, что хотел бы. Города — это миры нашей планеты, города — это далекое прошлое, и сегодняшний день, и наше будущее.

Вот и сейчас не знаю, с чего начать. То ли о прошлом моего города Фрунзе, о старом Пишпеке, о семиреченском городишке с 15 тысячами населения, куда, бывало, три года скачи и не доскачешь, то ли о том, как после Октября Пишпек стал именоваться столицей Киргизской республики городом Фрунзе, и как он вырос, и как преобразился неузнаваемо. И если рассказывать обо всем этом, то не хватит целого номера «Огонька». В своем городе все кажется важным, интересным, значительным, не хочется упускать ни того, ни другого, потому что все это история возрожденного народа, история становления социализма в Киргизстане.

Лучше всего просто ходить по городу ранним утром, когда тут еще тихо и спокойно, ходить по широким и прямым проспектам, по сохранившимся еще полусельским улицам, любоваться этим чудо-городом, раскинувшимся под белоснежными отрогами Тянь-Шаньских гор.

Бульвары, сады, площади, аллеи...

Улицы, кажется, сбегают с гор, как реки, а горы всегда на виду, сияющие и громадные. Высятся они сразу за окраиной, как гигантский барельеф, вписанный в небо.

Город наш не только красив, он и могуч своей индустрией. Сегодня промышленная продукция столицы республики, как и всей Киргизии, разнообразна и сложна — это точнейшие электронные приборы и цемент, это первосортные шерстяные ткани и современные сельскохозяйственные машины. А впереди — строительство Токтогульской ГЭС и Майлисайского электролампового завода, Ошского хлопчатобумажного комбината и фабрики верхнего трикотажа... Так записано в проекте Директив XXIII съезда партии.

Город Фрунзе, вся республика трудится, созидает изо дня в день. Особенно в нынешнем году, в нынешние дни. И это понятно: близится открытие XXIII съезда партии, предстоит большой для моего народа юбилей — 40-летие Советской Киргизии. Труженики заводов и полей, ученые и художники, все люди Киргизии свои лучшие достижения и помыслы посвящают съезду партии, юбилею республики.

...На свете много разных городов — больших и малых. Каждый из них по-своему дорог и хорош для его жителей. Однако многим, наверное, кажется, что именно их город самый красивый и самый лучший на свете. Что ж, это хорошая людская слабость. Я тоже страдаю ею и тоже думаю о своем городе Фрунзе как о самом красивом и самом лучшем городе на свете...

Н а с н и м к е: город Фрунзе, Советская площадь.

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР. 28—29.

...И СНОВА ВЕСНА

Серо **Х А Н З А Д Я Н**, писатель

Если вас не пугает высота в две тысячи пятьсот метров над уровнем моря, поезжайте в горы Каджарана, на рудник. Вы попадете сюда вместе с весной, которая уже поднимается из ущелий к снежным вершинам. Не надо быть альпинистом, чтобы увидеть этот край во всем его очаровании. Здесь хорошие шоссейные дороги. Но когда рудника еще не было, о шоссе можно было только мечтать. Этот заоблачный горный край был недоступным.

А знаете, сколько лет промышленному Каджарану? Свой первый молибден он дал в тот год, когда открылся XIX съезд нашей партии. Съезд указал путь к сокровищам неприступных скал.

«Что у вас нового?» — спросите каджаранцев, и они ответят вам, как провели новую линию канатной дороги от рудника к обогатительной фабрике, а в этом году начнут рыть огромный тоннель в самом сердце горы. Этот тоннель соединит две житницы молибдена — Каджаран и Агарак.

В Каджаране вы можете познакомиться с Фрунзиком Петросяном. Он прототип Вагана Минасяна, одного из героев моего романа «Каджаран». Если вы читали роман, то, может быть, помните молодого инженера, секретаря парторганизации комбината, строящего первый город в горах. Сейчас у этого человека побелели виски, прибавилось забот; захудалая деревенька с несколькими десятками хозяйств стала городом с 25-тысячным населением.

Я уже работал над «Каджараном», когда начался XX съезд партии. Тогда Фрунзик Петросян только закончил Ереванский политехнический институт и по призыву партии поехал в горы. В ту пору немного добывали там руды. Но год от года наращивались темпы. И вот теперь подсчитали — за время, прошедшее от XXI съезда партии до XXIII, ежедневная добыча руды увеличилась в три раза. А Фрунзик, опытный горный инженер, вместе с учеными и экономистами выискивает пути, чтобы в новой пятилетке ежедневная выработка молибдена возросла еще в два раза. Таково новое поколение людей. Кремень и сталь могут позавидовать твердости этих ребят.

И если вы помните в романе маленького Христика, рад сообщить вам, что Христик сейчас знатный экскаваторщик в каменоломнях. А в общем, милости просим к нам, в наши горы, в Каджаран, Агарак, Дастакерт. Вы увидите здесь истых смельчаков, настоящих горных богатырей.

Весна пришла в горы. К XXIII съезду партии много весенних цветов пробьется к свету, много дум созреет у делегатов-горняков.

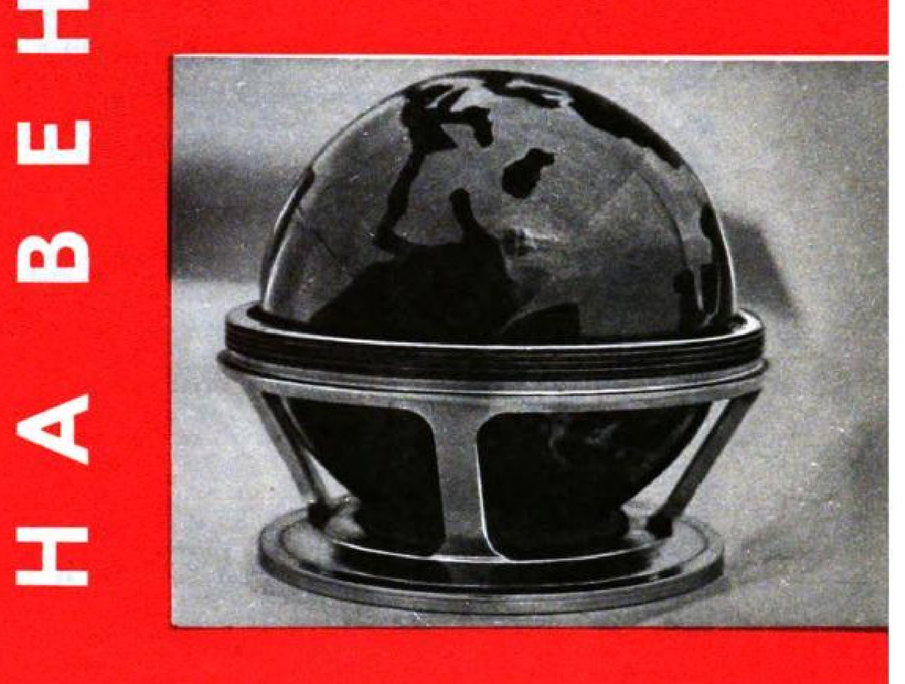
Пусть идет весна по стране, пусть она идет в горы родной Армении!..

Н а с н и м к е: Ереван. Центр города.

Фото С. Кропивницкого.

НАШ ВЫМПЕЛ НА ВЕНЕРЕ

1 марта 1966 года автоматическая станция «Венера-3» доставила на планету Венера первое послание землян: вымпел с Гербом Советского Союза. Это шар диаметром 70 миллиметров, на его поверхности выгравированы контуры материков Земли. Внутри помещена медаль, на одной стороне которой изображен Герб Советского Союза, на другой — отчеканены планеты солнечной системы и надпись: «Союз Советских Социалистических Республик, 1965».

БРАТСКИЕ СВЯЗИ

Социалистическая Болгария с каждым годом расширяет братские связи с Советским Союзом. Замечательные плоды приносит заключенный восемнадцать лет назад Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Экономическое сотрудничество между Болгарией и СССР крепнет, внося большой вклад в развитие народного хозяйства обеих стран. На снимке: в сухом доке судоремонтного завода в Варне. На ремонт встал советский теплоход «Аджигол».

СИБИРЬ И ПЯТЬ КОНТИНЕНТОВ

Март в Восточной Сибири — зимний месяц. Чрезвычайные и полномочные послы закутывали шеи в теплые шарфы и прятали лица в воротники.

Зато впечатлений было достаточно. Снежный наряд бесконечных просторов, стремительный бег не замерзающей в лютые морозы Ангары, байкальская красота, сибирские пельмени... И, наконец, новая Сибирь, которая воплощена в могучей плотине Братской ГЭС, в растущей промышленности Иркутска, в советских людях, чьим трудом перерождается земля. Группа иностранных послов, аккредитованных в Москве, открывала для себя сегодняшнюю Сибирь. В этой группе были дипломаты со всех пяти континентов земного шара. Вот результаты их открытий.

Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Судан Осман Абдалла Хамид: «Это была очень интересная поездка. Еще существует представление о Сибири как о пустыне. Но на самом деле Сибирь—огромный развивающийся район. Иркутск — это современный город, живущий так, как живут все цивилизованные города. Несмотря на суровый климат, город функционирует нормально. Те, кто осуществляет планы развития Сибири,— способные люди, вкладывающие сердце в свой труд. Я слышал, как они говорили о своей работе,— так, как если бы речь шла о любимых детях. Они гордятся тем, что делают. Я уверен, что они добьются успеха».

Чрезвычайный и Полномочный посол Мексики Хосе Э. Итурриага: «Для развития богатств каждой страны нужен мир. Братская ГЭС — пример того, что можно добиться, если на земле будет мир. Я уверен, что Советский Союз, живя в мире, достигнет еще большего».

Чрезвычайный и Полномочный посол Сирии Салах эд-дин Таразн: «Между арабскими народами и советским народом всегда существовали хорошие отношения, и поэтому в Сибири во мне всегда смешивались чувство восхищения и чувство гордости, ибо я знаю, что Советский Союз посвятил себя задаче строительства светлого будущего для себя и для всего человечества. Сибирь — это хороший пример для народов развивающихся стран. Помня о прошлом Сибири и зная ее настоящее, можно сказать, что видел будущее этих народов».

Г-на Салах эд-дин Таразн дополняет его супруга г-жа Ферзат Таразн: «Женщины Сибири очень милы, симпатичны и гостеприимны».

Чрезвычайный и Полномочный посол Великобритании сэр Джоффри Харрисон: «В Англии Сибирь считают местом очень далеким и очень холодным. Что же, пожалуй, это верно. Я думаю, что при развитии Сибири найдется место для использования достижений Англии в некоторых областях техники. На меня произвели большое впечатление достижения советского человека по освоению природы Сибири».

Чрезвычайный и Полномочный посол Гвинеи Камара Сике: «Социалистический опыт Советского Союза показывает, как можно поднять до небывалых высот развитие страны. В Сибири я увидел, что социальный строй Советского Союза может преодолевать все трудности. Этот строй объединяет людей на созидание, на покорение природы».

Чрезвычайный и Полномочный посол Австралии Джон Роулэнд: «Для дипломата очень полезно увидеть не только Москву, но и Сибирь. Я хотел побывать на Братской ГЭС, о ней хорошо известно в мире. Было очень интересно узнать об истории ее строительства, о трудностях, с которыми пришлось встретиться во время стройки, о размерах этого сооружения. Во время поездки мы узнали об экономическом развитии Сибири».

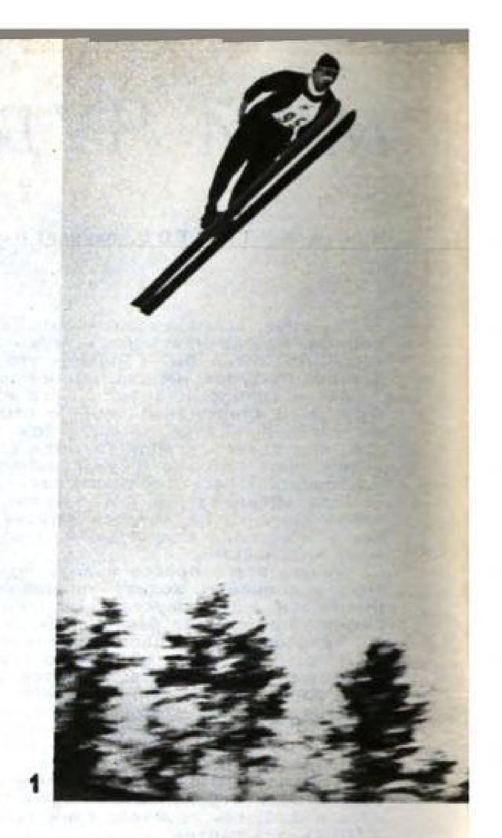
Чрезвычайный и Полномочный посол Сенегала Сейни Лум: «Я узнал теперь, как велика Сибирь. Теперь это не потерянный мир, а край заводов и электростанций. Братская ГЭС достойна такой страны, как Советский Союз. Мне было очень приятно узнать, что такое сибирское гостеприимство».

А. СЕРБИН

Фото автора.

Беседа на Братской ГЭС.

1

3

5

7

2

ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ СПОРТИВНОЙ ЗИМЫ

II зимняя Спартакиада народов СССР превратила в один стадион чуть ли не полстраны. На Урале, в Свердловске состязались скороходы, прыгуны с трамплина и лыжники, в Терсколе, в горах Кавказа мерялись бесстрашием слаломисты, на берегах Волги, в Горьком, встретились хоккеисты, а в Киеве на искусственном льду Дворца спорта с успехом выступали фигуристы.

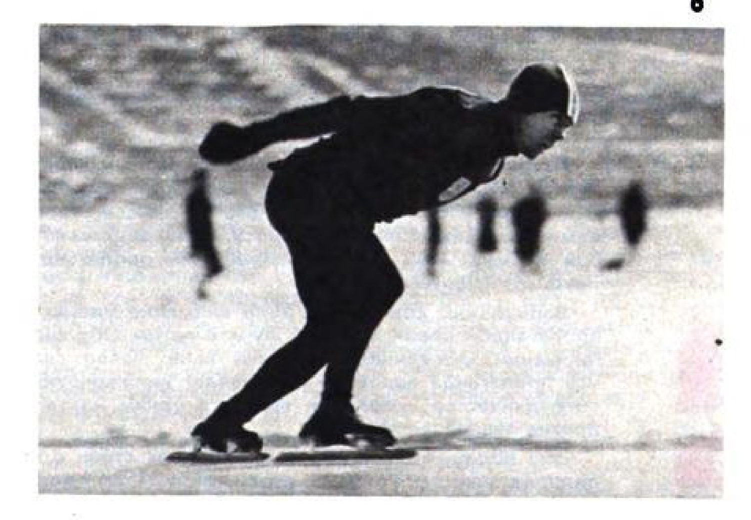
Это были посланцы 8 миллионов спортсменов, принявших участие в предварительных соревнованиях, которые дали стране 1 200 новых мастеров спорта. А теперь в финальную борьбу вступили спортсмены 14 команд: Украины, Казахстана (два коллектива), Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Свердловской, Горьковской, Кировской, Московской и Омской областей, городов Москвы и Ленинграда. По отдельным видам соревнований выступали спортсмены Грузии, Армении, Киргизии, а также Карелии, Новосибирской и Мурманской областей.

XXIII съезду партии посвятили миллионы советских физкультурников и спортсменов свою зимнюю Спартакиаду.

4

6

1 Свердловчанин Валерий Емельянов одержал победу по прыжкам с трамплина.

2 Победа молодого скорохода из Москвы Валерия Лаврушкина на дистанции 5 000 метров стала сенсацией.

3 Клавдия Боярских у себя на родине, на уральской лыжне, завоевала золотую медаль в гонках на 5 километров.

4 Трехкратная чемпионка мира Валентина Стенина стала абсолютной чемпионкой Спартакиады.

5 Вот они, призеры Спартакиады. Валерий Каплан, Эдуард Матусевич и Антс Антсон.

6 Иркутянин Станислав Селянин установил всесоюзный рекорд в беге на 10 000 метров.

7 На горьковском льду. Хоккеисты Свердловской области ведут борьбу с командой Литовской ССР.

8 Терскол. На трассе скоростного спуска горнолыжница из Ленинградской области Анна Мелентьева.

Фото Л. Бородулина, В. Войтенко, Р. Дика (ТАСС).

8

ПОЗЫВНЫ

Федор ВАСИЛЬЕВ,
председатель колхоза «Красный доброволец», Смоленской области, делегат XXIII съезда КПСС

Мир познается в сравнении. Недавно обитатели нашей планеты с восторгом и удивлением разглядывали фотографии лунной поверхности, переданные советской автоматической станцией. Вразброс, совсем как на плохо разделанной пашне, лежали камни и камушки вполне земного вида. Ученые объяснили, что это мертвая равнина, оплавленная космическим жаром, побитая метеоритами. Смотрел я на дорогие для нашей науки снимки и с радостью думал о живой, теплой земле, земле, на которой растет хлеб, цветут клевер и черемуха, бьют родники, бродят стада. Прекрасно обычное поле за деревенской околицей. Даже сейчас, под снегом, это поле живет, покоит зимний сон огромного зеленого мира. Как же мы должны дорожить своей близостью к этому полю, как должны любить его и беречь, неустанно заботиться о нем!

«...Прекрасна земля, и на ней человек.»— восклицал Сергей Есенин. Добавлю: и прекрасны дела человека земли! В дни, когда колхоз готовится к весне, в канун съезда нашей Коммунистической партии и в первую годовщину со дня опубликования постановления мартовского Пленума ЦК КПСС, я не могу не думать о людях деревни, о тех, кто в самые тяжелые годы не оставил ее, кто сегодня, быть может, впервые познал, как отзывчива земля на заботу о ней.

Сейчас все чаще разговор о сельском хозяйстве сводят к цифрам. Это и понятно. За цифрами всегда скрываются ум и деятельность человека, объективное состояние дел в хозяйстве. Наш колхоз докладывает партийному съезду, что по производству и продаже молока и мяса он вышел на рубеж 1970-го и уже в конце нынешнего года выполнит свою пятилетку. Откуда такая уверенность?

В проекте Директив XXIII съезда КПСС твердо сказано о последовательном осуществлении системы экономических мероприятий, выработанных в марте 1965 года. А раз так, то за нами дело не станет.

Нередко приходится слышать, что значение мартовского Пленума ЦК партии — в повышении закупочных цен. Да, повышение цен дало нам дополнительно свыше ста тысяч рублей. Но, во-первых, прибавку получил тот, кому было что продать государству сверх плана. С другой стороны, нельзя ждать, что эти цены навсегда останутся такими же высокими. Цена — категория чисто экономическая, очень подвижная, ее диктует спрос. Я вижу главный результат, как бы историческое значение мартовского Пленума ЦК партии, в другом: наконец-то оказано доверие хозяевам земли. Нам дано право самим планировать, самим определять не только когда, но и что сеять, выбирать выгодные для данного хозяйства культуры, а также самим определять специализацию и устанавливать поголовье скота.

Принято думать, что Смоленщина не может сама себя прокормить. Да, так было до недавнего времени, урожаи в области оставались очень низкими. А нынче не только продали хлеба государству сверх плана, но впервые за многие годы область имеет собственные семена. Доходы колхозов области в 1965 году увеличились на 31 миллион рублей, в том числе 15 миллионов получено за счет повышения закупочных цен. Значит, большая половина прибавки — это цена доверия! Но земля Смоленщины еще не сказала своего последнего слова. Дать ей сколько нужно удобрений — урожаи повысятся, а влаги нам не занимать. И очень хорошо, что в проекте Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану намечена широкая программа улучшения земель нечерноземной полосы. Давно пора привести в порядок исконные русские пашни, выпаханные, закисленные, поросшие кустарниками.

Большим событием в жизни колхоза является отчетное годовое собрание. Тут уж надо выйти к людям с открытой душой, не утаивая горечи ошибок или неудач. Люди слышат лишь голос правды и давно не верят посулам краснобаев. И если ты их не обманул, то и впредь их коллективные решения будут мудры и справедливы. Один пример. В минувшем году мы должны были выдать по килограмму хлеба на трудодень. Но год сложился так, что колхозники получили немало денег — и полторы, и две, и две с половиной тысячи рублей. Поэтому я предложил: а не лучше ли ограничить выдачу зерна, расплатиться за него деньгами, чтобы побольше концентрированного корма оставить для ферм? И люди меня поняли. В самом деле, чем больше молока и мяса мы продадим с начала года государству, тем выше будет денежная оплата.

Самое дорогое для деревни — такое вот непосредственное участие колхозников в хозяйственной жизни артели, в решении главных вопросов. В такие моменты у них крепнет и развивается чувство хозяина. Даже десять—двенадцать лет назад, когда люди видели только потребительское отношение к деревне, и тогда они понимали, что их сила—в богатстве колхоза. И уж никак нельзя этот расчет грубо ломать, нельзя попирать принципы колхозной демократии.

Двенадцать лет назад, когда я, работник райфинотдела, пришел по призыву партии в колхоз «Красный доброволец», мяса на сто гектаров угодий было произведено... один центнер, а молока — чуть больше тридцати центнеров. На складе лежал один центнер льносемян, и ничего больше, ни одного хлебного зернышка.

В нашей колхозной парторганизации ныне сорок один коммунист, а тогда я был один...

Сейчас у нас чистая прибыль составила более 263 тысяч рублей, за труд колхозникам в денежном выражении за год выплачено более 346 тысяч рублей, колхоз имеет в банке свыше 400 тысяч рублей. Все это не с неба упало, это результат огромных человеческих усилий на трудной смоленской земле.

А как люди отзывчивы на заботу о них! Мы строим новый колхозный поселок, вполне современную центральную усадьбу. Уже есть главная улица, мастерская, клуб, школа, в нынешнем году закончим строительство еще двенадцати жилых домов, школу-интернат, детский городок с яслями и садиком, комбинат бытового обслуживания, будем строить и баню. Это не планы, а дело, наполовину сделанное. И строим мы на свои колхозные денежки.

Колхоз ничего не жалеет для своих тружеников. Наши люди сей-

Николай ТИХОНОВ,
председатель Советского комитета защиты мира

Пятнадцать лет назад Советский комитет защиты мира обратился в Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик, следуя призыву Второго Всемирного конгресса сторонников мира, к парламентам всех стран, по вопросу, непосредственно связанному с борьбой за мир. Речь шла о запрещении пропаганды войны и принятии Закона о защите мира.

Варшавский конгресс особое внимание уделил вопросу о борьбе с пропагандой новой войны. В пункте пятом Обращения Конгресса к Организации Объединенных Наций было точно сказано: «Мы считаем, что пропаганда новой войны создает величайшую угрозу для мирного сотрудничества народов и является одним из тягчайших преступлений против человечества.

Мы обращаемся к парламентам всех стран с призывом, чтобы они приняли закон об охране мира, предусматривающий уголовную ответственность за пропаганду новой войны в какой бы то ни было форме».

Принятие такого закона определялось состоянием печати, радио, кино, художественной литературы и искусства в странах Североатлантического блока, в США, где открыто проповедовалось, что война неизбежна, что чудовищные затраты на вооружение оправданны, что Советский Союз угрожает странам «свободного мира». Самые разнузданные угрозы в адрес стран социалистического лагеря, призывы к истреблению целых народов раздавались на газетных полосах, звучали с экранов кинотеатров и телевизоров, по радио. Издательства выпускали книги, наполненные призывами к термоядерной и бактериологической войне в первую голову против Советского Союза.

Рассмотрев вопрос во всех подробностях, Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик принял следующий текст Закона о защите мира:

Е З Е М Л И

Предсъездовские раздумья

час живут лучше, чем многие горожане. Я имею в виду оплату труда, материальные блага. Но мы в правлении хорошо понимаем, что не хлебом единым жив человек. Поэтому немалые средства вкладываем в строительство жилья, культурных и бытовых учреждений. Это лучший вид агитации за то, чтобы люди не уходили на сторону, оставались в деревне. А рабочих рук нам все еще надо много. Мы, правду сказать, не обижаемся, как иные соседи,—к нам-то еще люди едут. За последние три года в колхоз принято около ста семей! Тем, кто любит труд и землю, создаем все условия. У нас неограниченный кредит для строительства личных домов, даем желающим телку или корову, а демобилизованным солдатам или молодоженам выделяем квартиру из общественного жилого фонда. Оплата неплохая, так что в среднем нынче каждая наша доярка заработала в месяц 130—140 рублей, свинари — по 180, полеводы по 60—75, механизаторы — 110—130 рублей. Это только деньгами, но у каждого есть приусадебный участок, свои овощи, мясо, молоко. Оплата у нас ежемесячная. А надо тебе купить обнову, или мотоцикл, или телевизор — приходи в правление, всегда получишь аванс, в любое время.

Колхоз высоко ценит тех, кто работает с душой. Сейчас лишь на центральной усадьбе, на той, что строится заново на пустыре, в домах колхозников — полторы сотни телевизоров. Через дом антенна над крышей! Примерно каждый третий телевизор — подарок от колхоза. На подарки хорошим людям мы не скупимся. Подводя итоги 1965 года, в канун XXIII съезда партии мы в торжественной обстановке вручим новые подарки нашим ударникам.

Человек ценит и доброе слово. В минувшем году мы чествовали семьи колхозников. Праздники трудовой семьи — наша новая традиция. На всю жизнь, думается, запомнят такие клубные встречи в их честь семьи Григория Тимофеевича и Ольги Михайловны Гутиных, Марии Федоровны и Ивана Григорьевича Симоновых, Анны Алексеевны и Ивана Дмитриевича Костюковых. Были пожелания, цветы, музыка, танцы.

В колхозе более ста пенсионеров, ветеранов труда. На пенсию мы провожаем всем колхозом и стараемся отметить это событие в жизни человека как можно лучше, теплее. Не собес, а именно совет колхоза вручает ветерану пенсионную книжку! Это имеет огромное значение и по-человечески всегда волнует. А еще правление решило просить общее собрание установить для ветеранов персональную пенсию — дополнительно, кроме пенсии государственной. Думаю, что люди одобрят наш замысел, колхозу теперь по карману отчислить для стариков тысяч десять в год. Оставлять без помощи тех, кто вынес на своих плечах великую тяжесть колхозного дела в послевоенные годы, никак нельзя. Они и сейчас на печке не сидят. Есть у нас Василий Лазаревич Лисовский, он хоть и пенсионер, но летом берет лопату, уходит на луг и не спеша копает водоотводные канавки. Не может человек угомониться, а колхозу огромная помощь. Василий Лазаревич осушил уже несколько десятков гектаров лугов и пастбищ. А недавно на празднике ветеранов труда он передал молодым колхозникам артельное знамя. От имени своего поколения старик вручил его комсомолке Маше Мышенковой, нашей лучшей доярке.

Конечно, условия труда и быта все еще у нас нелегкие. Поэтому молодежь и смотрит на сторону. Думается, что выход — в индустриализации сельского производства. Село ждет новых средств, серьезных бюджетных вложений. От этого никуда не уйти. И нас радует проект Директив партийного съезда, в котором говорится: «...увеличить государственные капитальные вложения в сельское хозяйство примерно в 2 раза...»

Часто упрекают председателей колхозов в том, что они неохотно занимаются механизацией. Это не так. Не председатели виноваты, а те, кто дело механизации сельского труда пустил на самотек. «Сельхозтехника» нам почти ничем не помогает. Мы сами ремонтируем свои машины. И выгоднее и пока надежнее. Не устраивают нас типовые проекты ферм. Они рассчитаны на беспривязное содержание скота. По типовым проектам возводят лишь стены и крышу. А вот механизация доения и кормления, очистки коровника в них не продумана. Проекты стоят нам недешево, но они не предусматривают ни холодильников, ни душевых, ни комнат отдыха. Более того, цены на технику до января нынешнего года для колхозов были намного выше, чем для совхозов (так же, как и на продукты в сельских магазинах). Теперь-то с этой дискриминацией партия и правительство покончили.

И еще несколько слов о строительстве новой деревни — тут нерешенных вопросов непочатый край. Нам строиться очень трудно. Подрядчик присылает лишь прораба, а строят, по существу, наши же колхозники — старички, не имеющие строительных профессий. Почему бы не обучать колхозную молодежь в специальных профессиональных училищах, как это организовано в городах? Тогда бы в деревне оставались не только юноши и девушки, решившие стать механизаторами, животноводами, но и будущие строители. Есть, конечно, «Сельстрой», но рабочих у него мало, очевидно, жизнь на колесах не всем по душе.

Деревня ждет и посейчас людей молодых, грамотных, способных научно вести хозяйство в бригадах. Хозрасчет — дело очень непростое, нужно уметь грамотно учитывать затраты, труд и оплату. Нынче у нас в Рогачеве цена трудодня 6 рублей 80 копеек, а в Суходоле — 2 рубля. Почему? Кто виноват — земля или люди? Требуется серьезный экономический анализ, а его не всякий еще может сделать.

Деревня ждет дружную весну. Не покладая рук колхозники работали всю зиму, стараясь удержать надои, вывезти как можно больше органических удобрений на поля. И, пожалуй, к весне мы готовы. Есть хорошее настроение, есть свой интерес в развитии производства. Прибавляют сил горизонты пятилетки, намеченной в проекте Директив XXIII съезда КПСС. Главное для нас — это чтобы намолотить теперь никак не меньше 20 центнеров зерна с гектара! Такой урожай, немыслимый еще три-четыре года назад, вполне возможен. А будет хлеб, значит, и клевер даст тонн шесть сена с гектара, и лен, самый щедрый наш источник дохода, даст больше двух с половиной тысяч рублей с гектара, и тогда все деревни колхоза изменят свой вид.

«ЗАКОН О ЗАЩИТЕ МИРА.

Верховный Совет СССР, руководствуясь высокими принципами советской миролюбивой политики, преследующей цели укрепления мира и дружественных отношений между народами,

— признает, что совесть и правосознание народов, перенесших на протяжении жизни одного поколения бедствия двух мировых войн, не могут мириться с безнаказанностью ведущейся агрессивными кругами некоторых государств пропаганды войны и солидаризируются с призывом Второго Всемирного конгресса сторонников мира, выразившего волю всего передового человечества в отношении запрещения и осуждения преступной военной пропаганды.

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

1. Считать, что пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, подрывает дело мира, создает угрозу новой войны и является ввиду этого тягчайшим преступлением против человечества.

2. Лиц, виновных в пропаганде войны, предавать суду и судить, как тягчайших уголовных преступников».

Этот закон был принят и в странах социалистического лагеря и получил одобрение широких народных масс во многих странах.

Со дня принятия этого закона прошло пятнадцать лет. К сожалению, положения аналогичных законов имеют силу далеко не во всех странах. Мы являемся свидетелями того, как и сегодня в странах Запада, особенно в США и в ФРГ, ведется разнузданная пропаганда гонки вооружений, в поддержку грязной войны во Вьетнаме, раздаются непрерывные речи о реванше со стороны боннских милитаристов, голоса всякого рода воинственных генералов и капиталистов, наживающихся за счет военных заказов и военных ассигнований.

Даже представители официальных кругов США выступают с речами, прямо призывающими к дальнейшей «эскалации», то есть к превращению войны во Вьетнаме в большую азиатскую войну.

То, о чем говорилось пятнадцать лет назад на Варшавском конгрессе,— пропаганда войны в радиопередачах, в искусстве, в литературе — продолжается и сегодня. Эта пропаганда, ведущаяся на Западе всеми способами психологического воздействия, вызывает большую тревогу у миролюбивых народов, наблюдающих за развитием событий.

Советское правительство за последнее время дало много существенных доказательств своей глубокой приверженности к миру. Ярким примером миролюбия явилась Ташкентская конференция, где по инициативе Советского Союза представители Индии и Пакистана Лал Бахадур Шастри и Айюб Хан достигли важного соглашения.

Советское правительство в своем послании на имя Комитета 18-ти в Женеве заявило о том, что необходимо безотлагательное заключение Договора о нераспространении ядерного оружия. Оно предложило новые меры для решения проблемы разоружения.

Советское правительство, верное своей миролюбивой политике, приветствует все шаги, направленные к миру и предотвращению агрессии.

Отмечая сегодня 15-летие со дня принятия Закона о защите мира, советские сторонники мира вместе со всеми людьми доброй воли осуждают всех пропагандистов войны, которые стремятся поддержать агрессоров и милитаристов. Сторонники мира твердо верят, что воля миролюбивых сил станет преградой на пути агрессоров, что в конечном итоге они понесут законное наказание за свои преступные действия.

Мы...

Михаил АБДУЛЛАЕВ,
народный художник СССР

Когда в эти весенние дни попадаешь в Манеж — Центральный выставочный зал, тебя охватывает ощущение, что ты самый желанный гость, приглашенный на чудесный праздник — праздник друзей. Затаив дыхание, идешь от полотна к изваянию, от эстампа к витражу, созданным руками наших братьев, талантливых мастеров Советской Прибалтики.

...Быстрые, как чайки, рассекают седую гряду вспененных изумрудных волн легкие суда. Они стремительно мчатся — белокрылые, стройные, а их паруса белыми и серыми штрихами прочерчивают суровое, предгрозовое небо.

Море... Любимая тема латвийского мастера Эдуарда Калниня, да и не только его. На выставке прибалтийских художников десятки произведений изображают море. Море и люди труда. Могучая природа и мужественные моряки, побеждающие упрямую стихию.

...«Мы»,— гордо звучит название картины латвийского живописца Яниса Осиса. Удивительно скупыми средствами, почти со скульптурной ясностью вылеплены мужественные фигуры детей моря — рыбаков.

«Индустриальные пейзажи» Эвальда Окаса. Картины, воспевающие наши дни. Все в них необычно: и романтический колорит и строгость конструкций. Но чем больше вглядываешься в живопись триптиха, тем больше чувствуешь верность ощущения времени. Поистине эти произведения эстонского мастера могли быть созданы лишь в 60-е годы XX века, настолько современны ажурные стальные кружева лесов, настолько точно ощущение дыхания огромных строек, запечатленное в пересечении дымов, в мерцании вспышек огней электросварок. Пульс эпохи отлично прослушивается в этих холстах...

И как антитезу гимну созидания и труда Эвальд Окас создает глубоко символичное для наших дней полотно — «Хиросима». Зловещее алое марево затянуло небо, осветило дантовым светом группу людей. В воздухе картины угар минувшей катастрофы, и люди, залитые голубым холодным рефлексом, спешат навстречу этому призрачному свету. Утро или ночь, жизнь или смерть ждет их? Этот немой вопрос, заданный старой женщиной с ребенком, идущей в центре картины, касается сегодня каждого жителя земли, именно сегодня, когда так свежа в памяти трагедия маленького испанского местечка Паломареса, на которое в результате аварии американских самолетов обрушились водородные бомбы, лишь чудом не взорвавшиеся. Народы мира протестуют против атомного психоза, и пафосом этой борьбы проникнута картина эстонского художника Окаса...

Разнообразны почерк, пластика, тематика картин на этой выставке. Словно первой радугой мироздания озарены полотна Эдгара Илтнера. Этот торжественный свет мягко обволакивает фигуры людей, архитектуру, деревья и делает пейзаж и человека особенно монументальным.

«Рижские башни». Шхуна после трудного похода и удачного улова возвращается в родную Ригу. Медленно скользит по зеркальным водам рыбачье судно, и мимо зачарованных рыбаков проплывают любимые берега, старые башни Риги. Удивителен ритм картины — сочетание покоя и мерного движения. Городской пейзаж, гордые, сильные люди, огромные рыбы — все как бы окутано поразительным «илтнеровским» мерцающим светом...

Литовская художница София Вейверите написала картины «Трактористы» и «Хоккеисты»... Трактористы — огромные, немного неуклюжие парни, с тяжелыми, натруженными руками. Они идут после работы домой. Вечерняя заря напоила полотно горячими, глубокими тонами. Земля служит не только фоном картины, она как бы вошла в самое существо своих сынов, сделала их вот такими непобедимыми, добрыми, простодушными. На первых порах манера художника кажется грубоватой, а краски — тяжелыми, но чем дольше смотришь картину, тем все больше тебя привлекает мужество и правдивость почерка художника.

«Хоккеисты» предельно контрастны «Трактористам». В одном случае холст насыщен покоем, колорит его темен и немного тяжеловат, в другом — светлый холст, само движение. И только в сравнении этих двух произведений убеждаешься в больших возможностях талантливой художницы. Сложный ракурс движения как бы подчеркивает стремительный ритм композиции, напряженность спортивной схватки.

...Нежный, задумчивый Виллис Озол воспевает изобилие земли. Герои его картины мечтательны, но их задумчивая ясность — это раздумье труженика после долгой страдной поры. Пейзажи и натюрморты Озола словно сотканы из цветов осени — блеклые, золотистые, оливковые,— все эти почти пастельные тона полны очарования. Тонкие переходы цвета в его картинах почти неуловимы. Картины латвийского живописца наполнены особой, присущей лишь ему музыкальностью...

* * *

Как все это символично! На территории огромной выставки ты без конца встречаешься со зрителями не только русскими, но и с узбеком, белорусом, туркменом, нефтяником Башкирии...

Ты слышишь их разговор, и тебя не покидает чувство, что эти самые зрители — не только очевидцы, но и участники жизни, запечатленной в этих произведениях. Мы как бы видим самих себя. Дела героев картин и скульптур — эстонцев, литовцев или латышей — родственны делам моих земляков — тружеников и тружениц полей, новостроек, новых комбинатов химии Азербайджана.

Вот я азербайджанец. Но мне близка жизнь латышского рыбака, ибо я в ней вижу созвучие с жизнью рыбаков Ленкорани. В лице нового человека — труженика Литвы, Латвии и Эстонии — я нахожу родственные ему черты азербайджанца из Сумгаита — города химии, в котором трудятся представители почти всех национальностей нашей страны. Всех их роднит одно общее — любовь к своей Родине, любовь к своему народу.

Мне пришлось немало ездить на своем веку по белу свету, и я буду несправедлив, если скажу, что где-то там кто-то не любит свою родину. Конечно, это абсурд. Но в тех странах, где господствует капитал, я не мог заметить того великого чувства дружбы, которым наделены народы нашей необъятной Родины...

Мы, среднее поколение художников, прошли единую школу — Суриковского художественного института. Земляк Есенина — рязанец Виктор Цыплаков, ташкентец Чингиз Ахмаров и я, сын бакинского чулочника, и каждый из нас нашел свой путь. И мы все внимательно слушали наставления нашего прекрасного учителя Сергея Васильевича Герасимова. Он умел с шуткой говорить об очень серьезном, и сейчас я словно слышу можайский говорок Сергея Васильевича, который любил подбадривать нас словами: «А вы давайте смелее, смелее! На страх врагам России!»

Но не только молодежь, но и старший отряд советских художников — Академия художеств творят рука об руку — С. Коненков, П. Корин и М. Сарьян, Б. Иогансон, А. Дейнека, У. Джапаридзе и У. Тансыкбаев, А. Пластов и Э. Окас, С. Чуйков и Т. Яблонская...

Всем нам памятна последняя речь замечательного русского советского художника Сергея Герасимова, где он кристально ясно выразил свое отношение к искусству: «Каждый из нас представляет определенную республику. Я русский, но я люблю и кавказское искусство, и искусство Прибалтики, и искусство Средней Азии. Оно мне тоже близко и интересно. Это искусство — результат родной Советской власти, результат той борьбы, которая впервые в мире поднялась у нас и которая неудержимо идет вперед!»

Художники-прибалтийцы с любовью запечатлевают красоты бирюзового Севана, знойные пески Апшерона, прелести древнего Мцхети. А мастера Советского Закавказья, в свою очередь, вдохновляются янтарным берегом Латвии, чудесной архитектурой Таллина, сказочной землей Литвы. Между художниками наших национальных республик завязалась такая прочная дружба, что, как на Руси говорят, «водой не разольешь». Бакинца Нариманбекова ждут в Вильнюсе как члена своей семьи, а рижанина Зариня, приехавшего в Баку, наверняка долго не отпустят домой.

Зритель выходит из Манежа на освещенную мартовским солнцем площадь, из-за древних стен Кремля смотрит на него Русь, золотые купола соборов как бы плывут в весеннем небе. Но, глядя на оживленную Москву, он поневоле воспринимает строительные каркасы через полотна Окаса. Он надолго запоминает Эдгара Илтнера, Озола. Лица тружеников-москвичей видит через образы мужественной Давыдовой-Медене — прекрасного пластика. А какой чудесный Микенас! Сколько светлого, жизнеутверждающего в его серии «За мир!» Во всем мы видим себя. Да, дорогой Осис, это мы! Да, Окас! Так же строятся и города моей республики. Слушайте, Вейверите, футболисты нашего «Нефтяника»— такие же сильные жизнелюбы, как ваши «Хоккеисты»...

Я с радостью поздравляю талантливых мастеров Советской Прибалтики с этой чудесной выставкой и говорю им товарищеское спасибо.

Я. Осис. МЫ.

Э. Окас. СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДА.

С. Вейверите. ХОККЕИСТЫ.

Н. ШМЕЛЕВ,
кандидат экономических наук

РЕАЛИЗМ, ПРОДИКТОВАННЫЙ ЖИЗНЬЮ

Может быть, главный ключ к пониманию смысла и значения проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану заключается в той спокойной уверенности в собственных силах, которой от начала до конца проникнуты строки этого документа. «Партия,— подчеркивается в Директивах,— говорит с народом языком правды, ничего не скрывая и не приукрашивая, показывает как реальные достижения, так и трудности нашего развития».

Наши хозяйственные успехи сами говорят за себя и не нуждаются в рекламе. В нынешний ответственнейший период развития советской экономики основное внимание, указывает партия, должно быть сконцентрировано на нерешенных проблемах, с тем, чтобы максимально повысить отдачу социалистического хозяйственного механизма, убрать все, что мешает свободному действию внутренних движущих сил социалистического общества. Народное хозяйство нашей страны — это сложный и высокоразвитый социальный организм, в котором все взаимосвязано и неотделимо друг от друга, идет ли речь о вариантах того или иного чисто технического решения или о взаимоотношении людей на различных стадиях процесса управления производством. В конечном счете ни одна конкретная хозяйственная проблема не может быть решена изолированно, в отрыве от всего сложного комплекса политических и экономических задач, которые ставит перед нами реальная действительность. Решать все необходимо одновременно и в комплексе — к такому выводу подводит нас проект Директив XXIII съезда партии. Только в этом случае возможен оптимальный экономический эффект, максимальная отдача труда во всем народном хозяйстве, и только в этом случае можно избежать положения, известного по старой русской поговорке: «Нос вытащишь — хвост увязнет».

Дух реализма, трезвая постановка наиболее острых народнохозяйственных проблем с одновременным указанием основных путей их решения характеризуют изложенные в проекте Директив наметки плана на предстоящее пятилетие. Они не обещают ни легких побед, ни какой-то магической формулы, которая в кратчайшие сроки обеспечила бы решение всех проблем,— многие из них складывались не годами, а десятилетиями. Работа предстоит большая и трудная, и результаты от нее ожидаются не какие-то сверхъестественные, а реально возможные, то есть такие, которые позволяет предвидеть объективный научный анализ, базирующийся на непредвзятой оценке нашего экономического потенциала и масштаба нерешенных задач, стоящих перед народным хозяйством. Ни партии, ни народу не нужны пустые обещания и попытки создать настроение вроде «шапками закидаем». Это, кстати сказать, вынуждены были отметить и наши противники за рубежом: буржуазная печать почти единодушно подчеркивает реализм нового советского пятилетнего плана.

В последние годы в силу ряда как объективных, так и субъективных обстоятельств эффективность нашего народного хозяйства несколько снизилась. Замедлились темпы роста производительности труда, снизилась примерно на 40—45 процентов фондоотдача — показатель производства продукции на рубль основных фондов в народном хозяйстве. Эти трудности не являются порождением каких-то органических пороков, якобы внутренне присущих социалистическому хозяйству. Рост, развитие любого здорового организма никогда не проходят гладко. Стопроцентно идеальный результат, который не сопровождался бы никакими издержками роста, возможен лишь в сказках. Проблемы, вызвавшие снижение результативности нашей экономики, вполне конкретны и определенны, их объективная оценка дана в ряде последних партийных документов. Среди важнейших народнохозяйственных проблем партия особенно выделила несовершенство ранее существовавшей системы планирования и системы ценообразования, недостаточное развитие материального стимулирования труда; отставание сельского хозяйства и легкой промышленности; медленное развитие некоторых наиболее прогрессивных отраслей промышленности; распыленность капиталовложений и медленное освоение производственных мощностей, чему в значительной мере содействовало отсутствие платы за фонды.

Партия в предстоящем пятилетии намерена добиться если не окончательной ликвидации, то по крайней мере значительного ослабления тормозящего действия этих проблем. Одновременно в эти же годы должен быть обеспечен быстрый рост всех отраслей производства, повышение эффективности хозяйства, рост обороноспособности страны, значительный подъем жизненного уровня населения. Такова масштабность задач, выдвигаемых проектом Директив XXIII съезда КПСС.

Предстоящее пятилетие будет периодом, когда новая система управления не только получит повсеместное распространение в народном хозяйстве, но и пройдет какую-то определенную проверку на опыте уже не отдельных предприятий, а всей промышленности, транспорта, строительства. Дальнейшее развитие централизующего планового начала, диктуемое современным характером крупного производства, будет сочетаться с расширением хозяйственных прав предприятий, развертыванием личной и коллективной инициативы, повышением непосредственной заинтересованности работников в количестве и качестве своего труда. Формула «То, что выгодно всему обществу, должно быть выгодно и отдельному коллективу и отдельному работнику», формула, обеспечивающая наиболее полную отдачу в производстве, должна стать основной движущей силой социалистического хозяйственного механизма.

Сложность заключается в том, чтобы вопреки неизбежным трудностям перестройки максимально сократить период освоения новой системы и быстрее достичь того рубежа, когда эта система начнет функционировать с предельным использованием заложенных в ней благотворных возможностей. Научный анализ не только убеждает нас в преимуществах новой системы, внутренне присущих ей, но и позволяет предвидеть, что проведение в жизнь планируемых мер ускорит создание фундамента и необходимых материальных резервов для дальнейшего совершенствования механизма социалистической экономики: постепенный переход от административного распределения к оптовой продаже продукции производственного назначения; расширение прав и ответственности производственных коллективов в таких областях, как определение фонда заработной платы, ценообразование на производимую продукцию, использование прибыли для капиталовложений и материального стимулирования.

Проект Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану предусматривает значительные изменения в технической структуре нашей промышленности и подтягивание некоторых важнейших отраслей, относительно медленное развитие которых отрицательно сказывалось на динамике хозяйственного роста.

Серьезное внимание уделяется повышению качественных показателей промышленности, таких, как производительность труда, фондоотдача, соответствие нашей продукции мировым стандартам. Новая система управления наряду с повышением заинтересованности работников в качестве продукции должна содействовать также повышению эффективности научных исследований и быстрейшему внедрению в производство перспективных технических решений. И не только под давлением сверху, но и по инициативе самих предприятий.

Предстоящее пятилетие должно стать поворотным этапом в развитии нашего сельского хозяйства. Значительный рост капиталовложений, проведенное в последнее время повышение закупочных цен, расширение демократических форм управления сельским хозяйством — все это значительно увеличивает возможность подъема сельскохозяйственного производства. Отрадно, что ликвидируются многие остатки прежнего предвзятого отношения к некоторым внутренним резервам роста производства на селе. Об этом убедительно свидетельствуют такие положения проекта Директив XXIII съезда партии, как намечаемые меры по развитию народных подсобных промыслов в деревне, а также признание той позитивной роли, которую приусадебные участки будут играть и в дальнейшем. Намечаемое в проекте Директив завершение качественной оценки земель в стране позволит еще выше поднять роль экономических, то есть стоимостных, в отличие от административных, рычагов в отношениях между государством и колхозами, в планировании сельскохозяйственного производства.

Проект Директив XXIII съезда вновь свидетельствует о том, что благо народа, повышение жизненного уровня трудящихся является главной заботой партии. Рост реальных доходов в расчете на душу населения примерно на 30 процентов, строительство почти 500 миллионов квадратных метров жилья, рост товарооборота и торговой сети, улучшение пенсионного обеспечения — эти и многие другие мероприятия подтверждают: социалистическое общество уверенно идет к тому, чтобы в обозримом будущем занять ведущее место в мире по жизненному уровню.

«Самая актуальная задача состоит в том, чтобы не допустить возникновения новой мировой войны»,— говорится в проекте Директив. Социалистическое общество, как и все прогрессивное человечество, заинтересовано прежде всего в том, чтобы результаты его упорного труда не были подвергнуты бессмысленному уничтожению. Впечатляющие цифры пятилетнего плана вновь неоспоримо свидетельствуют о том, что социализм имеет все необходимое для того, чтобы добиться более высокой, чем капитализм, эффективности производства, более высокой производительности труда, более высокого жизненного уровня народа.

Николай АСАНОВ

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ
С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА ВТОРАЯ

За промахи следует наказывать

Иван Александрович Гиреев сидел один в домашнем своем кабинете и рассеянно барабанил пальцами по полированному столу. Развернутая газета лежала перед ним, и он, чуть-чуть отстраняясь по дальнозоркости, перечитывал отдельные абзацы статьи. Кое-что теперь, после ознакомления с работой Ф. Моргана, в его собственной статье выглядело упрощенно, бездоказательно, а главное, все запоздало: и дифирамбы молодым физикам и описание открытия, сделанного этими молодыми людьми. Ах, если бы он послушался редактора научного отдела газеты и написал статью хоть месяц назад! А он все отнекивался, ссылался на какие-то причины, однако ж написал! Значит, мог сделать это и не ссылаясь на неясные причины, а главное, без задержки!

Он мучительно поморщился, представляя лицо Горячева, когда тому пришлось, чуть ли не через пять минут после панегирика его таланту, читать сочинение Ф. Моргана. Вот уж действительно: «Бедному жениться — и ночь коротка!» А ведь эти ребятишки заслуживают куда большего, нежели куцая похвала в газетной статье, да еще если вслед за похвалой следует холодный душ из-за Атлантики! И работа их с ро-мезонами еще недостаточно оценена. Трудно сказать, что помешало Горячеву сразу поднять открытие на щит, но, по-видимому, кроме заметки, напечатанной на ротапринте, никаких реальных шагов к пропаганде открытия сделано не было.

Редактор научного отдела газеты тоже хорош! Подковырнул Ивана Александровича замечанием, где же, мол, ваши молодые таланты, а когда Иван Александрович разгорячился и принялся доказывать, что физика вообще наука молодых, вдруг заметил: «Однако ж вы их не очень выдвигаете!» И позже еще несколько раз названивал по телефону, а как-то даже язвительно пропел в трубку с ехидной хрипотцой: «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет!» После этого Иван Александрович сдался и написал требуемую статью, а редактор еще неделю проманежил ее в разнообразных согласовательных инстанциях...

Между тем Иван Александрович уже видел практический путь применения новооткрытых частиц. Теоретическая физика обычно заглядывает в такие глубины вещества, где трудно предвидеть будущее того или иного открытия: может быть, оно тут же будет отринуто, а через какое-то время ляжет в основание стройной теории нового познания материальных изменений вещества. А может быть, его все признают и долго станут строить ложные теории на ложном фундаменте... Но то, что сделал Горячев, несомненно, победа. Если ро-мезоны нечто вроде цементирующих частиц, связывающих другие частицы ядра, то при бомбардировке ро-мезонами атомов металла можно было бы добиться такого изменения атомной структуры, когда прочность металла увеличилась бы в десятки и сотни раз. А именно таково последнее задание Академии наук, врученное некоторым научно-исследовательским институтам. Речь в нем идет по меньшей мере о металлах, из которых будут строиться космические корабли. Так, во всяком случае, прочитал это задание Иван Александрович. И именно корабли, а не просто спутники. И не одноместные, на каком взлетел недавно Юрий Гагарин, а крупные, пригодные, если понадобится, и для полета на Луну.

Ф. Морган, кажется, еще не сообразил практического значения своего открытия. Впрочем, если он даже о чем-то и подумал, то не обязательно станет делиться своими мыслями со всем миром. Там развитие науки зависит еще и от того, что именно *выгодно* разгласить *фирме*. Морган принадлежит фирме «Дженерал электрик», а там в основном интересуются электрической сверхпроводимостью металлов.

Но почему же такое важное открытие так долго дожидалось общего признания? Неужели Горячев и Чудаков ничего не увидели за своим экспериментом?

Бывало, что Иван Александрович тоже долго дожидался признания какой-нибудь своей идеи. Но он хоть слышал возражения, споры, должен был доказывать свою правоту. А тут не было ни споров, ни возражений. Правда, кто-то из теоретического отдела, кажется, Крохмалев, заявил, что эксперимент проведен не чисто, но после вторичной проверки умолк и он. И все-таки с публикацией результатов нового эксперимента задержались...

Иван Александрович становился, как говорится, на ноги в такие времена, когда в физике все было более чем зыбко. Точнее, перед ним была даже не поверхность, на которую можно было ступить, а жидкая среда. Швырнули тебя — и плыви. Не можешь держаться — поднимай руки и кричи: «Спасите! Я больше не буду!» И многие его сотоварищи, усомнившись в своей способности держаться на спасительной соломинке опыта, уходили из физики безвозвратно. А тут еще и общее недоверие к новым неожиданным выводам, теоретическим обобщениям, которые затрагивали всяческие незыблемые доктрины. Появлялось некое ощущение двойственности природы: одни законы — для обычного применения, а рядом — теория относительности, силлогизмы Дирака или Гейзенберга, никак к обычному миру не приложимые.

В те годы Иван Александрович интересовался трансурановыми элементами. Их было известно немного, но и эти немногие жили так недолго, что требовались неимоверные терпение и навык, чтобы уследить за их «рождением» и «смертью», то есть распадом на более устойчивые и, к сожалению, для экспериментатора, совсем уже обычные минералы. Но были в этой системе распада признаки какой-то грозной силы, которые заставляли умолкнуть и философов и практиков или, наоборот, исторгали у тех и других неумеренные восторги перед таинственной силой, заложенной в атомном ядре. Именно тогда появились первые подсчеты: а что именно может дать человеку высвобожденная энергия атома?

А в том возрасте, в каком сейчас находится Алексей Горячев, самого Ивана Александровича застигла внезапно начавшаяся война. И он пошел на фронт.

На фронте он стал командиром разведроты. Сначала он думал, что это чистая случайность, такое странное совпадение: в мирной жизни быть разведчиком нового материального мира, на войне стать разведчиком вражеских позиций. Но однажды он нечаянно услышал разговор комдива с командиром полка, которому была придана его рота. В полковом блиндаже и при желании некуда было спрятаться для откровенного разговора,— землянка была разгорожена маскировочными халатами, повешенными на веревке, а уйти Гирееву было нельзя: полковник сам его вызвал. Комдив спросил:

— Ну, а как твой ученый?

— Порядок! — с очевидной усмешкой ответил командир полка.— Сами же говорили, если он поисковик в науке, так уж тут непременно себя окажет.

— И оказал?

— Лучше некуда! По трем разведанным точкам такой анализ выдает, куда там начальнику штаба!

Гиреев невольно усмехнулся простодушной похвале командира, но внезапно остро почувствовал: а ведь командир прав! И вспомнил: никогда он не мог быть достаточно спокойным. Ворвавшись в мир неустойчивых «элементарных» частиц, где все так зыбко и неясно, что трудно было заранее представить, что же получится из любого опыта, он приучил себя сохранять самообладание, держаться ровно, невозмутимо, отыскивать выход из любого положения. Там, в той довоенной физике, все было, как на войне. Перед тобой темнота и пустота, и из этой пустоты в любую минуту может прогреметь выстрел... Не так ли погибли Кюри, его жена и многие другие первооткрыватели? А что он увидел на войне? Примерно то же самое. Ты врываешься в населенный пункт, который грохочет навстречу тебе огнем. Каждый дом — дот, каждый переулок и забор — ловушка. Рвани на себя дверь квартиры, швырни гранату, прижми дверь плечом и, едва отгрохочет взрыв, снова распахни ее, дай веером очередь из автомата и беги к следующей двери.

Да, так оно и получалось во время опы-

Продолжение. См. № 10.

тов: смотри на счетчики, записывай показания приборов, но помни — пустота может выстрелить. В таких условиях умение быть спокойным очень воодушевляет помощников. И Иван Александрович знал, почему молодые физики любят работать с ним.

Вот и сейчас разведчики любили ходить с ним на поиск.

После битвы под Курском Гирееву воевать не пришлось. Его отыскали в тыловом госпитале с простреленным легким. Суровое предписание одного из безвестных отделов Совета Труда и Обороны приказывало капитану И. А. Гирееву «по выздоровлении немедленно явиться в город Н., воинская часть №... в распоряжение майора Богатырева...». Только фамилия Богатырева и могла осветить хоть что-то в этом непонятном предписании, не то чтобы луч прожектора, но все-таки лучик, пусть хоть и от карманного фонаря. До войны какой-то Богатырев занимался в Ленинграде физикой атомного ядра... Но при чем тут физика, если враг не отполз еще и до Днепра?

Впрочем, война пришла в ту стадию, когда образованный капитан (Гиреев до войны окончил два института и имел звание доцента) должен был предполагать, что вопли гитлеровцев о «тайном оружии» могут иметь какую-то подоплеку. Советское ракетное оружие оказалось полной неожиданностью для гитлеровцев, но вот уже над Лондоном появились «Фау-1» и «Фау-2», и, если они не летали над Россией, то скорее всего только потому, что слишком велика была страна и далеко отстояли от стартовых площадок важнейшие ее города. А в Англии снаряд, видимо, окупал себя хоть паникой среди населения...

Едва залечив простреленную грудь, капитан Гиреев явился в город Н.

Его удивило, что о воинской части майора Богатырева никто в комендатуре не знал. Гиреева заносило все выше и выше, сначала к коменданту города, потом в обком партии, потом к первому секретарю обкома, и только тут он встретил своего будущего командира. Дело было поставлено так, что сам первый секретарь обкома познакомил безвестного капитана Гиреева с не менее безвестным майором Богатыревым да еще спросил: «Именно этот капитан вас интересовал?» А когда Богатырев ответил: «Да!» — то присутствовавший при этом свидании четвертый человек в штатском костюме быстро устроил Гирееву настоящий допрос и все время сверял его ответы с какими-то бумагами у себя в папке, даже имя и отчество жены спросил, и где Гиреев жил до войны, и какие у него были адреса по крайней мере в трех городах, где Гиреев работал в довоенные годы. Тогда ядерная физика была не в почете, и Гирееву приходилось часто менять место работы — то трудиться в лаборатории, то занимать вакантную должность преподавателя в каком-нибудь институте. Наконец все формальности были соблюдены, тот же штатский товарищ выдал Гирееву какой-то странный документ-пропуск, на котором ничего, кроме фотографии и фамилии владельца, не было, после чего строго предупредил, что отныне до последующих указаний Гиреев поступает в распоряжение майора...

Когда они с Богатыревым вышли из обкома, Гиреев довольно нервно спросил:

— Павел Михайлович, скажите, пожалуйста, что тут происходит?

Богатырев был русоволос, бледен какой-то «кабинетной» бледностью, но Гиреев понимал, что такая же бледность возникает и при долгой работе в лабораториях. Но Богатырев был едва ли старше возрастом, только в плечах пошире да, может, поспокойнее, и Гиреев считал, что вправе задать своему новому начальнику любой вопрос. И Богатырев ответил:

— Это не тут происходит.
— Что же и где?
— Где-то в Германии.
— Но при чем тут мы?
— Так уж получилось.— Богатырев вздохнул.— Вы ведь занимались трансурановыми элементами?
— Да... Но я не понимаю...
— Нам стало известно, что немцы работают над проектом атомной бомбы...

Он сказал это так же спокойно, как сказал бы, наверно: «Мессершмидт запустил новую серию самолетов...» И Гиреев, у которого вдруг захолонуло сердце, подумал: «Черт, он, наверно, думает об этой бомбе не первый месяц! А я? Я не могу...»

Но Богатырев был не так прост, каким казался с первого взгляда. Гиреев еще ничего не успел сказать, как Богатырев сухо заметил:

— Вы, вероятно, готовы признаться мне, что у вас душа не лежит к такому эксперименту? Можете успокоиться: я сам узнал об этом несколько недель назад. Так что придется через «не могу»! Пойдемте-ка ко мне, я вам кое-что покажу...

Да, люди, которые в эти страшные дни находились «где-то за линией фронта», сделали невозможное. Они сумели проникнуть в святая святых гитлеровского рейха. Сначала о проекте «А» были только неясные упоминания. Но потом эти люди каким-то образом связали этот «проект» с одновременным исчезновением из оккупированных фашистами стран десятков ученых, не то арестованных, не то выкраденных гестаповцами, выяснили, чем эти ученые занимались до войны, и перечень «исчезнувших» зазвучал подобно набату. Многие физики, проживавшие в Германии, после прихода фашизма к власти выехали или просто сбежали за границу. Среди них было немало и таких, кто занимался физикой атомного ядра. Теперь фашисты «импортировали» из покоренных стран именно «ядерщиков»...

В последних донесениях разведчиков сообщалось, что в фашистском рейхе организован центр не то по созданию, не то по производству «нового оружия» и что там, в этом «центре», находятся многие из исчезнувших физиков. Наверно, среди разведчиков были и такие люди, которые уверенно разбирались в новой физике ядра, потому что они обнаружили завод «тяжелой воды» в Норвегии, сообщили об открытии новых шахт в Австрии, где заключенные и военнопленные добывали урановые руды...

— Что вы скажете теперь? — спросил Богатырев, укладывая прочитанные Гиреевым бумаги в сейф.

— Они не пойдут на это! — растерянно сказал Гиреев.

— Пойдут! — сухо ответил Богатырев.

— Но они же отказались от использования ядовитых газов! — ухватился Гиреев за последний довод, как за спасительную соломинку.

— Да, потому, что посчитали: Германия заселена даже плотнее, чем Франция или Англия, не говоря уже о России. Войну они сразу планировали на два фронта. А достигнуть Берлина самолет может и со стороны Москвы и со стороны Лондона. Просто они учитывали закон возмездия. А газы они используют...— Он снова открыл сейф и вынул снизу черную папку. То были сообщения разведчиков о созданных фашистами «лагерях смерти».

Может быть, именно эти сообщения больше всего воздействовали на молодого офицера. Когда он возвращал папку Богатыреву, лицо у него было белое, как будто он сам прошел через ад лагерей и стоял перед дверями газовой камеры. Он с трудом проговорил:

— Я согласен.

— Имейте в виду, если они успеют ее сделать, то испробуют на нас...— тихо сказал Богатырев. Потом, помолчав, добавил: — Наши союзники тоже разрабатывают этот «проект», но нас они не информируют...

— Не информируют? — Гиреев сломал спичку, пытаясь прикурить, и смял в пепельнице незажженную папиросу. Он не мог оторвать взгляда от непроницаемого лица майора.— Но это означает только одно...

— Да,— подтвердил Богатырев то, что не осмелился сказать его новый подчиненный.

Гиреев почувствовал, как у него на спине дернулась кожа, словно в комнату ворвался декабрьский мороз. О чем они думают там, за океаном? Он знал кое-что о прошлых надеждах этих людей, ставших волей судеб союзниками. Не они ли считали, что лучше подождать, пока немцы и русские истребят друг друга, чтобы затем наверняка диктовать свою волю миру? Но представить себе, что эти люди принимают все человечество за кроликов, приспособленных лишь для проведения опытов над ними? Газовые камеры... Атомные бомбы...

Он встал и повторил, как присягу:

— Я согласен!

Позже Иван Александрович старался не вспоминать о своем торжественном заявлении. Тогда он полагал, что слово его прозвучит, подобно заклинанию: «Сезам, откройся!» — и он тут же вступит в общество чародеев. На самом деле все произошло далеко не так. Даже совсем не так.

Он получил назначение в один из институтов далеко на востоке. В подвалах местного университета раскопал эвакуированное оборудование одного из расформированных в начале войны научных центров. Людей для решения поставленной перед ним задачи пришлось выбирать среди инвалидов войны и студентов старших курсов. И тут-то Гирееву понадобились все умение администратора, сила духа, настойчивость, которые раньше требовались для проведения собственно эксперимента. Оказалось, что хозяйственные дела и заботы чуть ли не сложнее научных.

Но кое-какой опыт он получил. И когда окончилась война, когда уже взорвалась американская бомба над Хиросимой, он был не только умудренным опытом ученым, но и крупным руководителем, с которым

считались в партийных организациях и в министерствах. После взрыва экспериментального устройства, к созданию которого Гиреев приложил столько труда, ему поручили возглавить новый институт, где исследовались совсем другие качества и свойства атома, пригодные для использования в мирных целях.

К пятидесяти годам он стал руководителем этого института, академиком, профессором, консультантом ряда министерств, одним из теоретиков космогонии, почетным членом многих иностранных научных обществ, и т. д., и т. п. Отныне он изучал реакторы, участвовал в разработке атомных кораблей, помогал создавать космические корабли, хотя прямым его делом по-прежнему являлись наблюдения за «элементарными» частицами и атака на атомное ядро. Но ведь он одним из первых доказал, что только глубочайшее проникновение внутрь атома поможет человеку создавать новые металлы и материалы, которых не было и не могло быть в природе, но которые оказались необходимы человеку, едва человек решил оторваться от Земли...

А сейчас он сидел и грустно покачивал головой, представляя утомленное, разочарованное лицо молодого своего помощника, которого только что обрадовал, а затем так жестоко огорчил. И в то же время проскальзывала в сознании смутная мысль: сам он никогда не позволил бы перехватить свою идею. Да что он, Горячев, мальчишка, что ли? И его дружок Чудаков тоже давно вышел из школьного возраста! Если уж они открыли нечто новое, так должны были бороться за приоритет, за свой, за институтский, за приоритет страны, в конце концов! Если публикация их материалов почему-то задерживалась, они могли обратиться к нему, своему директору и учителю! Был ли когда-нибудь случай, чтобы Гиреев не помог этим молодым людям? Не было такого случая!

Эта гневная тирада, не произнесенная, но словно бы впечатавшаяся в сознание, вдруг рассердила Ивана Александровича. Зайди к нему или позвони в эту минуту Горячев или Чудаков, Иван Александрович выдал бы им по первое число! Но звонить Горячеву еще раз не стал: хватит с парня и того, что он получил. А вот показать им, как много они потеряли во мнении своего учителя и начальника, это Иван Александрович может! И еще покажет! И, вспомнив, что собирался поговорить с Горячевым на вечернем рауте у Михаила Борисовича Красова, сразу решил: на раут не пойду! И тем самым покажу и Красову, как отношусь к этому «проколу». Красов тоже мог настоять перед редакцией и перед президентом академии, что у него в отделе есть срочный и архиважный материал. Он ведь не такой растяпа, как эти мальчишки — Горячев и Чудаков, знает, что не боги горшки обжигают, что найденное одним экспериментатором может быть в тот же день и час найдено другим.

Закончив рассуждения о Горячеве и Чудакове, Иван Александрович повернулся вместе с креслом к соседнему столику, на котором стояла пишущая машинка: воскресенье — единственный день, когда он мог свободно поработать. Следовало только переключить телефон.

Но где-то в уголке сознания гнездилась злая мысль: сам Гиреев в том возрасте, в каком сейчас находятся Горячев и Чудаков, ни к кому из старших за помощью не бегал. Он доводил свою мысль до конца, а потом сурово и спокойно высказывал ее, и если она кому-то приходилась не по нраву, так же сурово и холодно нападал на противника. В свои тридцать лет Иван Александрович успел доказать, что в менделеевской периодической системе непосредственно за ураном должны находиться по меньшей мере еще два десятка элементов, а если мы их не обнаружили, так только потому, что плохо искали. И все, что он задумывал, он всегда доводил до конца! А эти мальчишки, оказывается, до сих пор нуждаются в няньках!

И хотя он занимался сейчас самым любимым своим делом, на лице его было такое гневное выражение, что жена, заглянувшая было в кабинет, тихонько прикрыла дверь и удалилась. Она прожила с Иваном Александровичем четверть века и знала: в такие минуты трогать его нельзя. Посидит, поработает и отойдет. А если и не отойдет, так гроза разразится где-то далеко от дома, в том мире, который так и не стал для нее понятнее за эти четверть века...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ученым нужны ученики

Науки имеют странную способность умирать и возрождаться. Но уже в другом качестве.

К концу семнадцатого века алхимия — величайшая из придуманных человеком наук, за исключением, может быть, медицины, — влачила жалкое существование. Вместо подлинных магов и волшебников возле алхимии пристроились мелкие мошенники и обманщики. Никто больше не верил в «философский камень». Постепенно переставали верить и в «эликсир бессмертия». Если какой-нибудь захудалый немецкий эрцгерцог еще и покупал рецепт «эликсира», то платил гроши.

Однако где-то в недрах алхимии уже нарождалась иная наука — химия.

Химия тоже трактовала вопросы превращения вещества. Но без «философского камня». И отрицала главную идею алхимии, будто можно при помощи заклинаний превратить свинец или медь в золото. А так как владетельным особам в основном требовалось именно золото — для войн, для сооружения замков и крепостей, — то на сию прозаическую науку властители перестали обращать внимание. Но она развивалась в покинутых алхимиками лабораториях.

Эту науку двигали ученики волшебников и магов. Но называть себя они стали простым словом: ученые.

В конце девятнадцатого века в недрах самой развитой науки — физики возникла принципиально новая наука, объяснявшая факты на основании новых закономерностей. Но ученые, разработавшие новую науку, помнили о подвиге предшественников и не стали отказываться от наследства. И назвали свою новую науку Ядерной Физикой.

Правда, в те далекие времена, на заре двадцатого века, вряд ли кто из провозвестников этой новой науки мог представить, к каким вершинам знаний приведет она человечество.

Всякая наука требует продолжателей. Если раньше это были магические секты, тайные сообщества посвященных, то теперь чаще всего такие группы единомышленников называются «школами». И, как отличие, нечто вроде орденского знака, ставят имя учителя. Школа такого-то. Школа вот этого.

Михаилу Борисовичу Красову не было и сорока лет, когда он стал членом-корреспондентом Академии наук. Поводом для такого выдвижения послужили открытия, сделанные школой, к которой он принадлежал, в области физики атомного ядра. Для школы выдвижение Красова тоже было достижением, и его сотоварищи вежливо приветствовали его победу. Тем более, что он сделал все, что мог, а мог он очень много, чтобы украсить послужной список и улучшить материальное положение участников школы.

После этого его энергия и инициатива достигли наивысшего расцвета. Очень скоро он оказался членом многих ведущих ученых советов, руководителем различных семинаров, которые проводят от случая к случаю, чтобы обменяться новостями в излюбленной отрасли науки. Он принимал активное участие в различных обсуждениях, как научных, так и ненаучных, и всегда его выслушивали с вниманием и принимали его мнение к сведению, а порой и к руководству...

Вскоре его стали приглашать и за границу для чтения разных лекций, тем более что в молодости он и сам прослушал курс таких лекций у знаменитого немецкого физика, отлично знал два языка, умел овладеть любой аудиторией.

Несмотря на такие явные признаки величия, в своем кругу он по-прежнему оставался просто Михаилом Борисовичем, так как предпочитал не подчеркивать свое превосходство в титулах, званиях, положении. Необычайная энергия сочеталась в нем с подкупающей мягкостью и простотой в обращении с коллегами и помощниками. Он с одинаковым уважением обращался по имени и отчеству ко всем окружающим, начиная от студентов и кончая старшими по званию. Впрочем, он мог быть и резким и высокомерным, но это только с «чужими».

Михаил Борисович принадлежал к школе... Но для того, чтобы определить, кого из своих учителей он предпочитал, следовало бы изучить шеститомный свод законов новой науки, одним из соавторов которого был он сам. А такое предприятие, право же, не каждому под силу...

Красов был еще достаточно молод, когда этот шеститомный труд вышел в свет. Однако в университетский курс физики включен он не был. Мысли и воззрения, изложенные в этом труде, были новы даже для профессоров. А какой уважающий себя профессор будет читать свой курс по чужому учебнику?

Но Красов и сам занимал по совместительству с научной работой профессорскую должность на кафедре теоретической физики физико-технического факультета. Несколько его друзей, принимавших участие в создании этой новой энциклопедии ядерной физики, тоже были профессорами.

Так возникли домашние, внеуниверситетские «курсы новейшей физики».

К этому времени Михаил Борисович достиг постепенно такого положения, что ощутил настоящую потребность иметь свою собственную школу. Без учеников он обходиться уже не мог! Поэтому он внимательно присматривался к каждому своему студенту.

К концу первого, иногда второго курса профессорá физико-технического факультета уже различали студентов не только по костюму и прическе. Это лишь вначале кажется, что все студенты на одно лицо.

Начинаются зачеты, экзамены, курсовые работы. И вот молодые люди, только что бывшие похожими друг на друга, как капли воды, постепенно приобретают индивидуальные черты. И тогда можно полушутя-полусерьезно сказать:

— Послушайте, Ярослав Ярославович, а ведь вам не составило бы, вероятно, труда, усвоить первый том «Новейшей физики»?

К удивлению Михаила Борисовича, Чудаков, заинтересовавший профессора тонкостью только что законченного опыта, спокойно ответил:

— Я прочитал все шесть томов этого курса.

Михаил Борисович взглянул на студента внимательнее.

Чудаков выглядел недоростком — маленький, чернявый, по-мальчишески подвижный. Вероятно, война помешала его физическому развитию. Профессор перелистал «зачётку». Там были весьма ничтожные сведения. Ярослав Ярославович. Год рождения 1932. Сын рабочего. Москвич. Наверно, отец ушел на фронт в самые первые дни войны. Сколько могла зарабатывать мать? Пятьсот — семьсот рублей. Этого, конечно, не хватало даже на хлеб. Правда, детям в школе давали бесплатные завтраки. Но Михаил Борисович помнит, как они выглядели: дочь однажды принесла из школы такой завтрак — ломтик черного хлеба, смазанный каким-то повидлом. Михаил Борисович раз и навсегда приказал Нонне отда-

вать завтраки соседке по парте. Но из дома в школу с собой ничего не брать. Впрочем, это было уже в сорок третьем, когда появились академические пайки. До этого Нонна съедала свой школьный завтрак, наверно, с не меньшим удовольствием, чем Ярослав Чудаков. Но приносить из дома в школу то, что готовила Нонне мать, просто не следовало. И Нонна поняла отца. Приходила голодная, но веселая. «Я отдала свой завтрак Аннушке. Сегодня была ее очередь...»

— Какая очередь?

— Папа, Аннушка у нас староста. Это она решила, что мой завтрак будут получать по очереди...

Мать кипятилась. Но Михаил Борисович понимал Нонну. Иногда говорил:

— Завтра пригласишь на обед двух подруг. Обедать будете отдельно. Кормить станешь сама. Мама скажет, что и где взять.

Эти обеды происходили обычно по субботам. И тоже странность — каждый раз Нонна приводила других девочек. Мать снова сердилась: «У тебя нет подруг!» Дочь отвечала снисходительно: «Мы дружим всем классом!» «Что же, вы решаете на классном собрании, кто должен идти к тебе в гости?» «Нет, мама, это решает Аннушка. Она лучше знает, кто как живет, кто получил «похоронную», у кого наградили отца или мать...» «Причем тут матери?» «Ах, мама, у нас три девочки в классе, мамы которых на войне. Кто врач, кто инженер. А всего в школе таких девочек двенадцать». «Разве это война? Это ужас!» — восклицала мать.

Тогда она еще не очень верила, что газеты печатают правду о фашистах. В конце двадцатых годов она жила вместе с Михаилом Борисовичем в Германии: Михаил Борисович проходил практику у профессора Вернера Гейзенберга; немцы ей очень нравились, возможно, что с одним или двумя у нее были даже романы.

От этого предположения у Михаила Борисовича до сих пор побаливало сердце. Михаил Борисович был тогда слишком занят,— профессор Гейзенберг не давал спуску своим бакалаврам. Брониславе было скучно. А молодых немцев в этом университетском городе болталось сколько угодно. Язык она знала отлично. Это как раз и заставило Михаила Борисовича ходатайствовать, чтобы молодую жену направили с ним,— будет переводчицей при муже. Ничего из затеи с переводами не вышло: Брониславе скоро надоело выслушивать и переводить мудреные речи физиков. Хорошо еще, что знаки и символы в науке интернациональны. Ну, а через два или три месяца Михаил Борисович и сам о б р е л слух на чужую речь. Как ни удивительно, это именно так и было. Он вдруг стал слышать разговоры соседей. До этого все слова сливались в неразличимый гул. И вдруг он услышал о Брониславе то, что раньше проходило мимо его сознания, как гудение: «Фраукотораялюбитнемцев».

Он столь глубоко задумался, держа перед собой «зачетку», что только покашливание студента вывело его из забытья. Расписавшись, он вернул «зачетку» и сказал:

— А не могли бы вы, Ярослав Ярославович, как-нибудь заглянуть ко мне? Мне хотелось бы услышать ваше мнение об этих сборниках и обменяться мыслями о новых путях науки...

Не видно было, чтобы студент смутился, услышав такое приглашение. И ответил Чудаков несколько насмешливо:

— Не думаю, Михаил Борисович, что такой обмен будет для вас интересен. Так же, как в сказке: нашел человек золотой слиток с лошадиную голову и обменял на обыкновенный пшик...

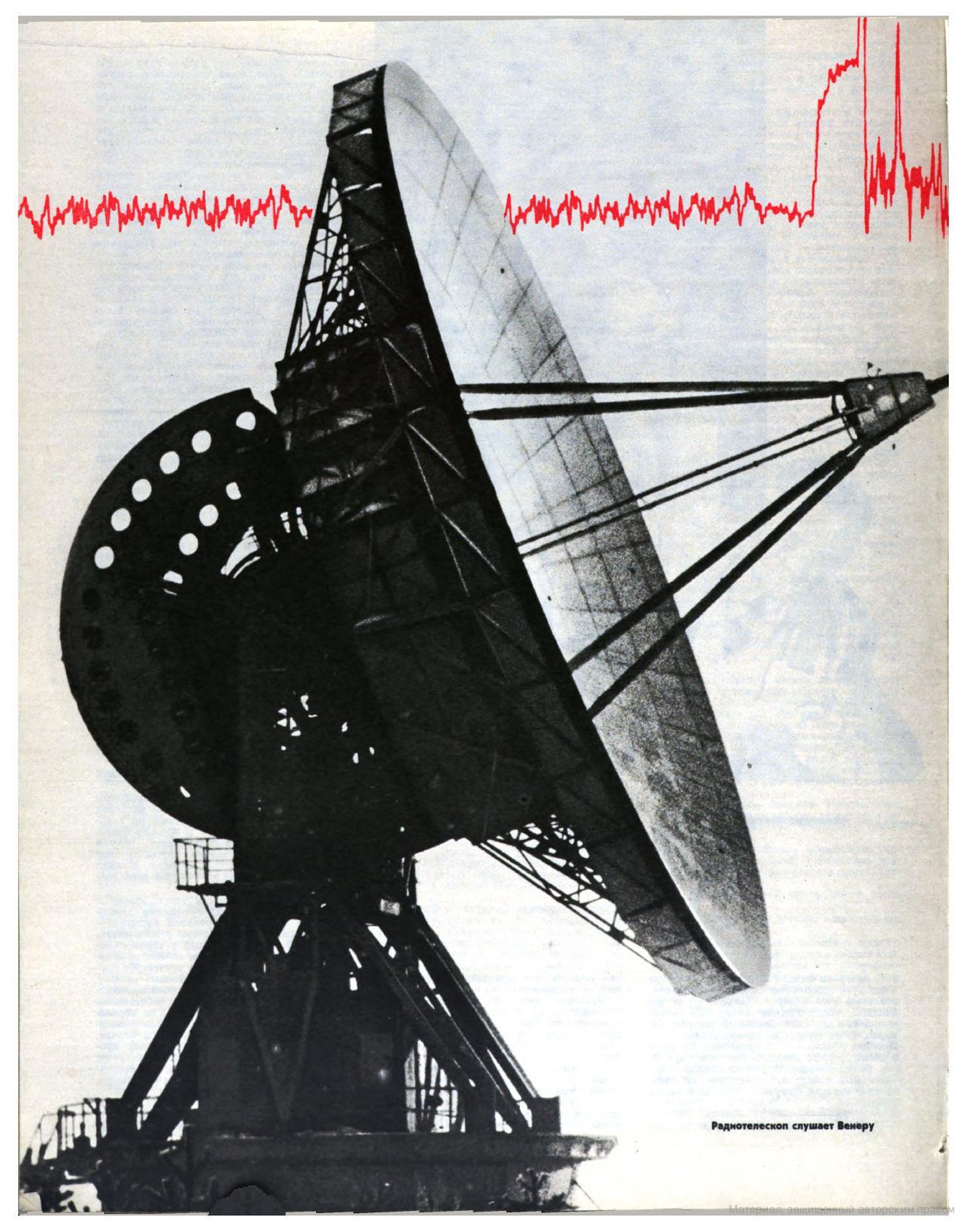
Михаила Борисовича несколько покоробило от этой манеры разговаривать присказками, однако он с обычной любезной улыбкой спросил:

— Что вы имеете в виду под такой странной аналогией?

— О, это просто притча о невыгодном обмене. В конце концов, бывший владелец золота получает иглу без ушка, но с советом — накалить иголку и пробить ушко. А когда он бросает раскаленную иглу в воду, то слышит только издевательское «пшик». Но я обязательно зайду, Михаил Борисович, у меня на этот случай даже ваш телефон записан.

Чудаков попрощался и ушел, этакий с виду недоросток, с мальчишескими движениями, в странном спортивном костюме — лыжные шаровары, стянутые у щиколоток, и толстый свитер, стянутый у горла,— мешок на мешке. А что, если он явится в таком наряде? Бронислава не протестует против свободы в одежде, но только на пикниках, где и профессора частенько одеваются так же, как этот Чудаков. В собственном доме она подобной небрежности не переносит. Впрочем, если Чудаков заранее записал телефон Михаила Борисовича, значит, подозревал, что привлечет внимание профессора. А если это так, то, наверно, учтет и все остальное. Должно быть, расспрашивал студентов, уже побывавших у Михаила Борисовича.

(Продолжение следует.)

Радиотелескоп слушает Венеру

Солнечный ветер

Ким БАКШИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Его называют просто крест: «Пришел с креста», «Работаю на кресте». С севера на юг, с запада на восток распластался он по серпуховской заснеженной земле. Две пересекающиеся линии антенн — километр на километр — это и есть крупнейший в мире радиотелескоп, работающий в метровом диапазоне волн. Недалеко от него еще один радиоглаз. Внешне он напоминает обычный электробытовой рефлектор, но чаша его громадна — 22 метра.

Загадки Венеры. Плотное одеяло облаков скрывает ее поверхность от глаз наблюдателей. Но радиоглаз видит и сквозь облака. В Серпухове, на Радиоастрономической станции Физического института АН СССР, была измерена температура поверхности Венеры. Эксперимент, проведенный недавно А. Д. Кузьминым и американским радиоастрономом Б. Кларком, показал, что температура Венеры у экватора — около 400 градусов, в полярных областях — примерно 250 градусов. Радиоизмерения дают возможность составить некоторое представление о том, как выглядит Венера,— раскаленная пустыня, пески, асфальты. Приходится отказаться от созданного фантастами облика утренней звезды.

Каков химический состав венерианской атмосферы? Каково давление «воздуха» у поверхности планеты? Каковы география и геология Венеры? Множество загадок. Советская автоматическая станция «Венера-3» открыла новый этап космических исследований — непосредственное освоение Венеры. Радиоастрономию же хочется сравнить с лоцманом. Она прокладывает путь к планетам.

...Недалеко от строя высотных антенн большого телескопа стоит незаметный домик, напоминающий контору. На порожке сидит сторож с палкой. Ничто не подготавливает к тому удивительному ощущению, которое охватывает, когда входишь внутрь: словно ступил в центр управления фантастическим межпланетным лайнером: полукруглый пульт—система кнопок, циферблатов, дисков, сигнальных лампочек; строгие ряды металлических шкафов с радиоаппаратурой. Самописцы рисуют на бесконечных рулонах дрожащие линии.

Что движет самописцы? Радиоволны, идущие из Космоса. Их порождают расширяющиеся галактики, вспыхивающие сверхновые звезды. Частицы разряженного межзвездного вещества, замедляя свой бег или, наоборот, разгоняясь, также посылают радиосигналы.

Недавно в Серпухове Р. Л. Сороченко и Э. В. Бородзич с помощью 22-метрового телескопа обнаружили радиоследы горячего, возбужденного водорода туманностей. Этот же результат получен в Пулкове.

Трудности космических путешествий вовсе не сводятся только к земному старту или к мягкой посадке на небесное тело. Между Землей и Венерой, например, пролегли миллионы километров пространства. Чем заполнено оно? Какое влияние оно может оказать на межпланетный полет? Эти вопросы имеют огромное научное значение и прямое отношение к надежности радиосвязи, к устойчивости работы бортовых приборов и аппаратуры, а в случае мощных солнечных вспышек — и к здоровью будущих экипажей.

Руководитель серпуховской Радиоастрономической станции доктор физико-математических наук В. В. Виткевич рассказывает об околосолнечном пространстве.

Солнце в радиолучах кажется огромным, раза в полтора-два

Крупнейший в мире радиотелескоп

В. В. Виткевич

больше, чем в обычном свете. Его окружает открытая в Серпухове оболочка из плазмы — сверхкорона, которая включает в себя орбиту Меркурия. Недавно установлено, что она простирается до Земли и за нее, постепенно переходя в межпланетную плазму.

Радиоастрономы станции, а позднее и английские ученые обнаружили, что, проходя через неоднородные облака плазмы, составляющие сверхкорону, радиоволны далеких галактик рассеиваются, а в некоторых случаях «мерцают». Собственно, это и дало возможность обнаружить следы сверхкороны в околоземной среде, составить представление о размерах плазменных облаков, о концентрации в них частиц плазмы (она сравнительно небольшая, неопасная для здоровья космонавтов).

Серпуховские радиоастрономы исследуют солнечный ветер — поток плазмы, равномерно идущий во все стороны от Солнца. Он дует поистине с космической скоростью — 300—500 километров в секунду. Он обдувает и нашу Землю. Природа этого явления — пока загадка для ученых.

Рустам Дагкесаманский, молодой астрофизик, предупреждает:

— Сейчас пройдет Кассиопея-А.

Медленно поворачивается лента. Чуть подрагивает носик самописца, оставляя на бумаге жирный красный след.

Неужели та самая Кассиопея, сверхслабая звездочка, необычайно вспыхнувшая на небосклоне в 1700 году, принесшая на Землю такой поток космических лучей, что его следы ученые недавно обнаружили на древесине?

Перо самописца вздрогнуло и поползло вверх. Словно невидимая рука рисует крутой, с острыми скалами горный пик. Десять тысяч лет назад на Кассиопее родилась радиоволна, и вот сейчас здесь, на Земле, она оставляет свой автограф.

Что произошло почти 12 тысяч лет назад на Кассиопее-А? Что вызвало чудовищный взрыв? Почему до сих пор эта, снова ставшая тусклой, звездочка в радиодиапазоне конкурирует с нашим близким соседом — Солнцем?

Рустам Дагкесаманский пожимает плечами.

В зал входит озябший сторож, одобрительно кивает головой на плывущую бумажную ленту.

— Идет дело?

Самописец снова чертит ровную, чуть колеблющуюся линию, напоминающую биотоки спящего мозга. Видимо, мы проходим спокойный участок Вселенной. Я надеваю наушники. В них однообразный, монотонный шум.

Радиоастрономы называют его белым. По аналогии со светом. Белый свет — сложный. В нем все цвета радуги. Так и белый шум. Он как шорох дождя: тысячи капель шелестят, стучат, булькают. Что смешалось в этом шорохе Космоса? Может быть, мы еще не умеем слушать его, различать в нем отдельные голоса?..

...Гигантские антенны ночной стражей стоят в небе, положив на плечи серпы-параболы. Очередная смена радиофизиков идет на крест. Это слово звучит как-то странно в применении к радиотелескопу. Что ж, это тот случай, когда крест служит силе, а не слабости человеческого разума.

технология красоты

О. КУПРИН

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Их резиденция — на Выставке достижений народного хозяйства, в трехэтажном доме с колоннами. Судя по объявлениям, развешанным в вестибюле, они любят настольный теннис и туристические походы.

Нетрудно догадаться, что обитатели этого дома молоды. Слово «молодость» у нас стало синонимом всего передового, прогрессивного. Здесь оно очень кстати, потому что речь пойдет о художниках-конструкторах.

В 1962 году, когда создали Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики, в нем числилось три человека, а всего в стране было не более пятидесяти специалистов художественного конструирования.

Начало было весьма бурным, и сейчас трехэтажный дом на ВДНХ стал тесным, хотя есть у института и другие помещения, тоже, впрочем, далеко не просторные. Художников-конструкторов у нас в стране сейчас уже не десятки, а тысячи.

Директор института Юрий Борисович Соловьев считает, что художник-конструктор должен обладать по крайней мере четырьмя качествами. Во-первых, быть хорошим художником. Во-вторых, инженером, а если не инженером, то уж как минимум отлично знать производство. В-третьих, он непременно должен быть в душе изобретателем, чтобы суметь внести в свой проект изюминку. И, в-четвертых, человековедом, прекрасно знающим потребности своих современников, их психологию и т. д. Иначе нельзя. Техническую эстетику недаром называют наукой заботы о человеке.

Чтобы расшифровать последний тезис, давайте отправимся в отдел художественного конструирования культурно-бытовых изделий. Встречает нас Александр Васильевич Рябушин, руководитель сектора комплексного оборудования жилищ.

— Вот посмотрите.— Он показывает картинку, висящую на стене, и я узнаю кухню в своей квартире: газовая плита, холодильник, стол; все разнокалиберное, одно выше, другое ниже.— А вот что предлагаем мы.— Другая картинка: плита, стол, холодильник образовали нечто единое и выстроились вдоль стены. Красиво и, вероятно, очень удобно. Хозяйки придут в восторг, но, увы, не достанут всего этого.

— Картинка!..— вздыхаю я.— Нарисовано здорово.

— Представьте,— говорит Рябушин,— газовые плиты выпускают более тридцати предприятий, холодильники делают примерно столько же заводов. И все разные. И пусть себе делают, только не такие. Мы разработали несколько габаритов оборудования так, чтобы можно было поставить его единым кухонным фронтом. Мы не лезем дотошно в механику, нас интересует прежде всего общая композиция кухни. Наша задача — добиться очень простой вещи: изделие должно полностью соответствовать своему назначению, быть удобным. И, разумеется, красивым.

Я еще раз смотрю на картинку. Точно сказано: кухонный фронт. Последовательность такая: холодильник, мойка, стол, плита. Почему именно такая? Потому что именно так удобно, это доказано исследованиями.

Об исследованиях стоит сказать подробнее, они весьма любопытны. Есть такой прибор — шагомер, своего рода спидометр, только не для машины, а для человека. Если выразить процесс приготовления обеда в малогабаритной кухне мерами длины, то получится километр, даже чуть побольше. Сейчас конструкторы мечтают сделать «рукомер», чтобы высчитать путь руки, которая «создает» плов или элементарную манную кашу. Пока «рукомер» не создан, найден иной выход из положения. К рукам повара прикрепляют маленькие лампочки и фиксируют на кинопленке полеты рук кулинара от холодильника к мойке, от мойки к плите и т. д., вплоть до пути приготовленного блюда на обеденный стол.

Руководитель группы художественного конструирования бытовой радиоаппаратуры Станислав Борисович Петров рассказывал о работах своих коллег:

— В современной квартире количество радиоаппаратов увеличивается, и они начинают требовать себе все больше и больше места. Мы хотим сдержать радионатиск на жизненное пространство человека. Зачем, например, в одной комнате иметь три динамика — у приемника, магнитофона, телевизора? Нужен один, зато хороший. Мы разработали такую систему...

Система эта, по-моему, правильная. Человек купил, предположим, репродуктор. Но одной программы ему стало мало, и он решил приобрести приемник. Ему говорят: покупай приставку. Добавил приставку к репродуктору — получился приемник. Потом — приставка магнитофонная, затем — для проигрывания пластинок. Но все они не нарушат общей гармонии. А скомпонованная таким образом система займет меньше места и дешевле обойдется.

— А как к этим новинкам относится промышленность? — спрашиваю я.

— Сейчас это отношение на стадии скептицизма и отдельных робких признаний.

— Какие стадии пройдены?

— Началось все с возмущения, затем пошли насмешки, потом скептицизм и, наконец, признание.

Впрочем, признание — это еще не окончательная победа. Получить его сегодня стало гораздо легче, чем вчера.

Начальник отдела художественного конструирования средств транспорта Юрий Аронович Долматовский подвел меня к красивому автомобилю. Это такси, сделанное по последнему слову науки, комфорта, красоты. Машина чуть поменьше «Волги», но кузов гораздо более вместительный. Пассажирский салон отделен от кабины водителя глухим стеклом, разговаривать с шофером надо по радио. Двери раздвижные, открываются и закрываются автоматически. Есть в машине много других любопытных новинок. Но уже не первый год такое такси ходит в ранге опытного образца, хотя оно давно признано,— в январе прошлого года весьма авторитетная организация решила выпустить опытную партию таких машин и подготовиться к массовому их производству.

Зато мотороллер «Вятка», крестник института, бегает по стране уже в ранге массового изделия. В Минске и в Ижевске начинают делать мотоциклы, разработанные художниками-конструкторами, на очереди еще одна модель «Вятки».

В кабинете Ю. Долматовского висит лист белого картона. На нем автобусы, автофургоны, автопогрузчики — желтые, оранжевые, зеленые.

— Мы разработали наиболее рациональную окраску аэродромного транспорта,— говорит Юрий Аронович.— Кое-где это уже имеется.

Раньше аэродромный автотранспорт красили кто во что горазд, в зависимости от вкусов местных руководителей. Много было сторонников белого цвета — опрятно и видно издалека. А зимой? Кроме того, медики против: белый цвет обладает повышенной способностью отражения — до 85 процентов. Солнечным днем они будут слепить шоферов и летчиков, как фары, направленные ночью в лицо. Художники-конструкторы установили: все машины, обслуживающие пассажиров, должны быть лимонно-желтого цвета. Такие увидишь издали, они красиво выглядят на фоне белых самолетов и серого поля аэродрома.

Я долго ходил по коридорам института технической эстетики. Сквозь стеклянные двери было видно, как люди создают очередные новинки, которые украсят наш быт, облегчат наш труд. Они готовили макеты удобных и экономичных станков, спорили о принципах профессионального мышления художника-конструктора, изучали требования потребителей, разрабатывали красивые материалы для упаковки и делали еще много очень нужных вещей.

Мы часто говорим о том, что человек должен быть всесторонне развитым. А тут сама профессия требует этого: будь художником и инженером, изобретателем и психологом.

Первая «примерка» для будущего автомобиля. Конструкторы Вадим Котов [на первом плане] и Николай Разничев.

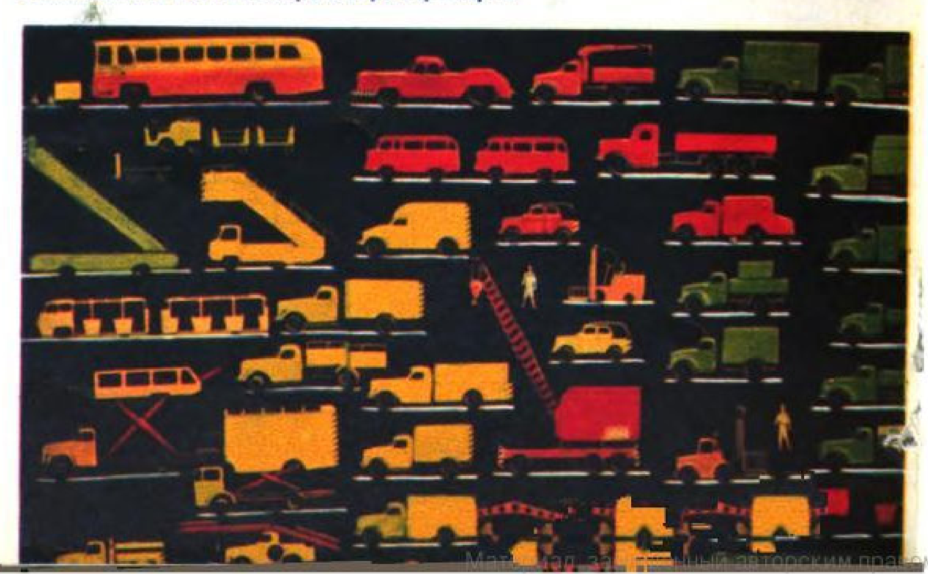
Лиля Лукьянченко. Она работает в отделе художественного конструирования упаковки.

Пока только поиск.

У Альберта Сытова задание конкретное: ковочный молот по заказу Воронежа.

Таким должен стать автотранспорт аэропорта.

Ирина Обухова. Ее забота — лаки и краски.

Новое такси. Не первый год оно ходит в ранге опытного образца.

Соблюдая обычаи горцев

Фазу АЛИЕВА

* * *

Соблюдая обычаи горцев,
Чтобы выбрать хорошего зятя,
Моя мать полено могучее
Повелела тебе разрубить.

Соблюдая обычаи горцев,
Чтобы выбрать хорошего зятя,
Мой отец скакуна могучего
Повелел тебе укротить.

Без труда твои сильные руки
Разнесли то поленище в щепки,
Без труда твои ловкие руки
Укротили шального коня.

Сильный горец, бесстрашный горец,
Я признаться должна тебе честно,
Что ты так хорошо поработал
Для родителей — не для меня.

Ведь один очень умный горец
Укротил мое дикое сердце
Точно так же, как ты перед тестем
Укротил удалого коня.

* * *

Лошадь барьеры берет,
Перескакивает через пропасть.
Лошади этой почет,
А хозяину лошади — гордость.

Но молодая река
Даже коня отважней:
Скачет издалека,
Чтобы разбиться однажды.

А молодая река —
Вся материнство и женственность.
А молодая река —
Вся неоглядная жертвенность.

Скачет,
Не зная узды,
Скачет,
Ушами не прядает
И, не моргнув, с высоты
В пропасть глубокую падает.

Падает.
И водопад
В боли ее рождается.
Речка летит наугад,
Речка на все решается.

Над голубым столбом
Светлые-светлые капельки,
Ну, а на платье моем
Темные-темные крапинки.

Тот водопад спешит
С новою речкой встретиться.
С ней водопад спешит
Прямо к работницам-мельницам.

Лето.
Страда.
Азарт.
Реки молочные хлеба.
В пропасть летит водопад,
Точно взлетает в небо.

Перевела с аварского
Инна Лиснянская.

Восьмистишия

* * *

Хоть в золотой кувшин налей воды,
Сбивай ее хоть двадцать лет, хоть тридцать,—
Вода не может в масло превратиться.
Напрасны будут все твои труды.
Так и со мной. Хоть золотой зови,
Озолоти дарами и словами,—
Не вызовешь из сердца жаркий пламень.
В нем не было и нет к тебе любви.

* * *

Я знаю, что осталось позади.
Не знаю, что там будет впереди,
Дошла я до какого километра
В невычисленном жизненном пути?
Иль только начала я жизнь свою?
Иль шаг — и я у смерти на краю?
Иль ровно полпути я прошагала?
Как мне узнать, где я сейчас стою?

* * *

— Кто поднял тебя на такую вершину,
Мужчина?
— Жена.
Умной была она.

— Кто бросил тебя в эту пропасть,
Мужчина?
— Жена.
Глупой была она.

* * *

Привыкший к поклоненью и услугам,
Однажды слиток золотой изрек:
«Ты кланяться мне должен, черный уголь!»
Но золоту ответил уголек:
«Не зазнавайся, золото, не надо.
Ты — мертвое без плавки и литья.
Чтоб сделать вещь или отлить награду,
Еще тебя расплавить должен я».

* * *

Взрослела я. В мои семнадцать лет
Мне бабушка погладила лицо
И по наследству отдала кольцо,
Которое ей подарил мой дед.
На золоте узоры были ярки,
Уж не сегодня ль мастер сделал их?
О, если бы наследственным подарком
Пришел к потомкам хоть один мой стих!

* * *

О дерево, поведай мне: и ты
Обречено страдать во время родов?
Так почему ж не потрясет природу
Твой крик, когда рожаешь ты цветы?
О дерево, а плачешь ли и ты,
Как скорбно плачут матери о детях?
Что ж я не слышу плач и стоны эти,
Когда на землю падают плоды?

* * *

Иголкой рыть колодец — мало толку:
Она тонка, она скользит в руке.
Но разве можно запретить иголке
Завидовать лопате иль кирке?
Ослу быть скакуном, конечно, трудно.
Но разве можно наложить запрет,
Чтобы осел не посылал свой трубный,
Истошный рев свой скакуну вослед?

* * *

Зарево в небе, как знамя,
Горит, не сгорая,
Зарево в небе, как знамя,
Не угасает.
Мне показалось, что это солдат,
За него умирая,
Отдал полотнище красное небу,
И небо его не бросает.

* * *

Змея опасна и вредна.
Но со змеею справлюсь я.
Я вижу, что она змея.
Вся пестрота ее видна.
Вот люди есть, как ни смотри,
На вид они — друзья твои.
Но пестрота у них внутри.
Они опаснее змеи.

* * *

В стихах ты меня называешь порой
Высокой горой, недоступной горой.
Спасибо. Приятна твоя похвала.
Но нет недоступной горы для орла
И как бы гора ни была высока,
Орел залетел бы и за облака,
Гнездо себе свил бы и счастье
обрел,—
Когда бы он был настоящий орел.

Перевел с аварского
Владимир Туркин.

Евгения Козлова интересует обтекаемость будущей машины.

Бранко ЧОПИЧ

Расск

Свидание с Луной

Мне шел лишь пятый год, а в моем маленьком мире появились первые запреты и условности. Это можно, а это нельзя. Это хорошо, а то плохо, так разрешается говорить, а так нельзя. Взрослые шипели на меня со всех сторон, как стая злых гусей, и даже грозились побить.

— Вот всыплют тебе, малыш, вмиг перестанешь приставать ко всем со своими глупостями.

А как не приставать, если глупости эти слетались ко мне с самого утра, как воробьи, клевали меня, и я не мог не задавать вопросов. Это мир вокруг меня был полон всевозможных чудес и глупостей, а не я.

Строгостей становилось меньше, когда в нашем доме гостил старый седельник, неугомонный бродяга Петрак. Не успевал он появиться у нас во дворе, как уже кричал моему деду:

— Ты все еще жив, старая кляча? Молодец, Рада, молодец!

«Ого-го, ничего себе! — удивлялся я.— Если он деда обзывает старой клячей, что ожидает других? Теперь уже все в доме забудут обо мне, и я смогу улизнуть в орешник на той стороне потока».

Когда Петрак бывал у нас, мне разрешалось многое: я лазил по деревьям, то и дело навещал чердак и гулял вдоль речушки, добираясь до маленькой мельницы, притаившейся в тени густой дубравы. И мог бы, наверное, дойти до Америки, если бы знал туда дорогу и не боялся собак.

— Погоди, малыш, вот уйдет Петрак...—грозили мне взрослые, когда я совсем отбивался от рук.

«Дни Петрака», которые наступали обычно ранней осенью, всегда праздничные, светлые, наполненные неуловимыми шорохами, захватывали и ошеломляли меня так, что я не знал, куда пойти сперва: в кукурузные заросли, вниз по потоку или вверх по горному склону. В эти дни я мог, сидя на иве и любуясь безмолвной игрой серебристой стайки рыбешек в воде, увидеть вдруг перед собой раскидистую крону каштана с лопнувшими, перезрелыми плодами и кинуться в каштановую рощу, забыв о каких-то там рыбешках.

Я бродил так целыми днями, а когда наступали вечерние сумерки и, окружив меня, прогоняли домой, начиналось новое наваждение — Луна.

Она выплывала из-за деревьев на горе, ослепительная, близкая и таинственно безмолвная, как золотая рыбка. И я трепетал, немея от плутоватого желания:

«А что, если мне попробовать поймать ее?»

По ночам я вдруг вздрагивал и просыпался: весь двор был как в огне, а «ослепительная гостья» лукаво заглядывала в окно и, наклонившись ко мне, шептала:

— Пойдем со мной!

И я вставал, завороженный и невесомый, чтобы следовать за ней, но меня отрезвлял голос деда, который, казалось, никогда не спал.

— Ты куда, внучек?

Всегда они так, взрослые. Только взлетишь очарованный куда-то ввысь, они окликнут тебя — и бац... ты на земле.

Хорошо, что хоть раз в году к нам приходил Петрак, тогда можно было позволить себе даже... свидание с Луной.

Гнали у нас как-то из ранних слив ракию[1] до глубокой ночи. Я, конечно, был рад-радехонек. Под котлом пылал огонь, дядя Ниджа, хвативший лишку, давно вовсю храпел, а у очага в каретнике сидели мой дед да Петрак. Дед следил за огнем, а Петрак лишь составлял ему компанию, так как не любил вмешиваться в работу, не имевшую какого-либо отношения к лошадям. Пили бы ракию кони — другое дело.

Я болтался тут же, больше мешал, чем помогал, и прислушивался к их разговору. Осмелев, я подсел к ним и даже решился задавать вопросы. Старики в разговоре помянули Луну.

— Дедушка, а Луну граблями зацепить можно? — спросил я неожиданно.

— Хм, и взбредет же человеку в голову,— заметил дед снисходительно и, не обращая больше на меня внимания, сказал Петраку:

— Луну захотел граблями зацепить!

Петрак глубоко вздохнул и, взглянув на меня поверх стакана, буркнул:

— Прав малыш.

— В чем это прав?

— Пусть попробует. Если бы я в свое время тоже попробовал, то, может, сейчас бы мне другие птицы пели.

— Какие такие птицы? Ты что, тоже захмелел, как мой Ниджа?

— Нет, брат,— грустно возразил старик.— Как сейчас помню. Луна появилась над рощей метрах в ста от нашего дома, и мои ноги сами пошли к ней навстречу. «Ты куда?» — заорал отец, хватаясь то ли за щипцы, то ли за кнут... Не знаю. В общем, взял что под руку попало и отходил меня. Сызмальства он душу из меня выбил. И если бы хоть раз я вырвался и ушел, мой дорогой Рада...

— Ну вот еще... Нечего мне внука портить!

— Эх, Рада, Рада... Раз для нас с тобой поздно, пусть ребенок попробует. Вставай, малыш, бери грабли и пойдем с тобой. Луна вот-вот из-за горы вынырнет.

Я бросился в угол за граблями, за теми, у которых ручка подлиннее, а старик встал, медленно выпрямил ноги и, разогнув спину, обратился к пораженному деду:

— Мы пошли, а ты стереги свой котел, мельничная кляча.

Дед оторопел так, что не мог ни шелохнуться, ни проронить слова. Он безмолвно держал в руке пустой стакан и с недоумением глядел нам вслед: шутят они, что ли?

А мы медленно поднимались вверх по загадочно мрачному склону горы. Багровое небо напоминало нам о таинственной близости небесного путешественника — Луны. «Ничего, с нами грабли,— утешал себя я.— Зацепим ее, потянем — и она наша».

Из низины, где одиноко мерцал огонь, послышался голос деда:

— Эй, дурачки, возвращайтесь!

Мне стало жаль огонька в долине, жаль кричавшего нам деда, но зарево надо мной ширилось и пылало все ярче, а мой спутник храбрился, громко ругаясь:

— Да замолчи ты там, старый осел!

Мы бодро подвигались вперед. Я, по правде говоря, немного трусил: чем кончится встреча с такой большущей Луной? А дед, как назло, опять подал голос:

— Э-ге-гей, фантазеры, ослы безмозглые, озябнете там!

— В хлеву бы у себя мычал, старый вол! — отвечал ему Петрак.

На сердце у меня было все еще тоскливо.

[1] Ракия — водка из фруктов.

а з ы

Фото Б. Виленкина.

Я думал о долине, покинутом там дедушке, но как только за раскидистыми кронами деревьев, совсем рядом, показался огненный диск Луны, я забыл обо всем и взволнованно пробормотал:

— Вот она!

— Теперь, брат, не зевай!

Пока мы преодолевали последние метры крутого подъема, старик держал меня за руку. Как только мы взобрались на самый верх горы, Луна вдруг отскочила от стоявших перед нами деревьев и повисла, невинно спокойная, маленькая и блестящая, над соседним склоном.

— Неужели убежала? — удивленно воскликнул старик.— Грабель, видать, испугалась, обманщица!

Петрак прижал меня крепко к себе и, чтобы я не огорчался, продолжал ободряюще:

— Факт, убежала, разбойница. Ну и пусть. Ты вот попробуй найди мне в селе внизу хоть одного мальчишку, которого бы Луна испугалась. Не найдешь. Она только от тебя улизнула, ну и от меня тоже.

А я стоял в лунном сиянии и смотрел на чужой для меня, холодный, нелюдимый край. И мне стало жутко и грустно... Хорошо, что рядом со мной находился смелый, независимый человек, добрый и милый старик, который бы обязательно загрустил и пошел искать меня, если бы я отправился за Луной.

Происшествие в милиции

В кабинет начальника сельского отделения милиции ворвалась полоумная Савка с годовалым ребенком на руках и с порога, не здороваясь, подняла крик:

— Нате, даром его отдаю, не могу я больше с ним мучиться! Это Иошан, бесстыдник, сработал его. Богатый человек, а спутался с придурковатой Савкой и теперь близко ее к своему дому не подпускает.

Полоумная женщина, очевидно, повторяла то, что говорили о Иошане сельские кумушки: вдовец, исправный хозяин, сгреб дурочку в кукурузном поле и нагрузил ребенком. Ну, разве это дело?

Начальник милиции был явно озадачен. Если бы перед ним стоял человек, который хоть мало-мальски знал, что такое законы и порядок, с ним можно было бы говорить разумно, а так, что возьмешь с неграмотной дурочки? Все смеются над ней, ругают и гонят отовсюду, а если она и в милиции не услышит доброго слова, куда ей деваться?

— Что же мы, Савка, делать будем?

— Не хочу я больше таскаться с ребенком Иошана! — упрямо повторяла женщина.— Он, понимаешь, в сапогах, в новом плаще, а у его сына даже пеленок нет. Берите, не нуждаюсь я в его ребенке, и все!

— Почему ты не пожалуешься на Иошана?

— Сами вы на него жалуйтесь. Возьмите ребенка и жалуйтесь. Иошан, понимаешь, в сапогах...

Полоумная прицепилась к сапогам Иошана и ничего, кроме них, не видела и не слышала. В своем озлоблении она забыла, что ребенок принадлежит и ей, и упрямо твердила:

— Не хочу больше, не хочу, пусть забирает ребенка.

Озадаченный создавшимся положением, начальник вышел во двор, чтобы позвать повариху. Ей, как женщине, было бы легче найти с Савкой общий язык. Но поварихи не оказалось на месте: у нее был выходной день, и она, как нарочно, отправилась в село к кому-то в гости.

— Что же мне с Савкой делать? — пробормотал начальник.

Озабоченно хмурясь, он направился в кабинет, но еще на пороге остановился, ошеломленный: на столе лежал сверток с ребенком. Матери в кабинете не было: она исчезла.

— Вот тебе на, убежала!

Начальник мгновенно перебрал в памяти все инструкции и параграфы, относящиеся к подобным случаям, но от этого ему легче не стало. Ведь дуракам закон не писан. Что ей сделаешь? Понимать надо.

Ребенок был из спокойных. С полоумной матерью он привык, видать, к неудобствам, и его нисколько не смущало, что лежит он один на милицейском столе. Правда, было жестковато, но терпимо. Начальник склонился над полураспеленавшимся младенцем, посмотрел на его курносый нос, на ручку, сжатую в кулачок, и удивленно пробормотал:

— И вот из такой игрушки вырастет полноправный гражданин. Ведь горя с ним потом не оберешься. Начнет пьянствовать, дебоширить, а то и в кассу руку запустит. Эх, кабы люди всю жизнь детьми оставались!

Рисунки Ю. Черепанова.

Сверток зашевелился. Начальник дотронулся до него пальцем и улыбнулся.

— Что, оставила тебя мать? Пусть, значит, нянчится с тобой народная милиция, если другие не хотят?

Сказав это, он вдруг сник и заметно погрустнел. Казалось, он стал даже меньше ростом.

— Меня, брат, мачеха сквозь игольное ушко протаскивала. Своей матери я не помню. Твоя хоть тронутая, а сообразила оставить тебя в надежном месте.

Он прошелся по комнате и сел за стол.

— Что ж, приступим к составлению протокола. Итак, двенадцатого июня сего года в данное отделение милиции явилась без вызова гражданка Савка Батич и... да, нечего нам с тобой друг друга обманывать, навязала она тебя нам на шею, и все тут.

Малыш улыбался, словно понимал, о чем идет речь. В конце своеобразного монолога в кабинет вошел лохматый, давно не бритый пожилой человек. В руке он держал метлу, а на его босых ногах блестели офицерские шпоры. Пришелец с любопытством уставился на малыша, затем перевел взгляд на начальство, потом опять на ребенка и принялся растерянно озираться по сторонам в поисках третьего лица.

— Нет ее, Видак, убежала она! — объяснил начальник.— Пока я выходил на минуту, сумасшедшая Савка оставила его и исчезла. Она говорит, что это ребенок Иошана. Еще подумают, ребенок наш — милицейский.

— А что, и подумают,—с готовностью согласился Видак,— старый конокрад, давнишний знакомый милиции, а в свое время и жандармерии. Он был задержан по подозрению за соучастие в краже лошадей, уже несколько дней находился в отделении и настолько освоился, что стал здесь почти своим человеком. Он свободно бродил по территории отделения, выполняя кое-какую работу.

— Куда мне пристроить ребенка до прихода кухарки? — ломал себе голову начальник.— Мне только еще не хватало детей в кабинете. И кормить его пора, как видно. Поди угадай, умеет ли он сам есть или нет?

— Не умеет,—уверенно заявил конокрад.— Ты, начальник, у меня спроси. Я семерых, слава богу, вырастил.

Начальник с надеждой взглянул на косматого арестанта и улыбнулся.

— Займись, приятель, нашим гостем до вечера. Нехорошо заставлять маленького товарища голодать.

Широкое лицо Видака расплылось в улыбке, будто его невесть как похвалили.

— Давай его сюда, товарищ начальник, и не сомневайся. Я моего Иована, что теперь в Земуне работает, три месяца собственноручно выхаживал, пока мать болела.

— Ну вот и занимайся, брат, общественно полезным трудом, хватит с тебя твоих художеств.

Видак приблизился к столу и принялся распеленывать ребенка, причмокивая губами и строя рожи.

— Ттт... Бросила тебя твоя дурочка? Кто же ты будешь, парень аль девка? Э, да ты парень. Ишь ты!

Видак взял малыша на руки и отнес его в тенистую беседку. Вскоре там воцарился полный беспорядок. На столе валялись хлеб, колбаса, ложки, полотенце, тут же стояло ведро с водой и кастрюля с молоком. Конокрад держал малыша на коленях, мял в стакане ложкой кусочки хлебного мякиша и говорил:

— Э, мой дорогой... Звать-то тебя как? Не знаешь? Ну, скажем... Воскресий! Так вот, мой дорогой Воскресий... Задержали меня, стало быть, и, как это по-служебному говорят, доставили сюда. Ну, а по-простому, запрятали меня в каталажку. Коней я этих, конечно, видел, как и ты. Застало меня начальство на поле в шпорах и говорит: «Почему ты надел шпоры на босу ногу, если честным делом занят?» Они эти шпоры называют «усугубляющим вину обстоятельством». Вот так-то, Воскресий.

В отделении с появлением ребенка воцарилась какая-то необычная, праздничная атмосфера. Молодой милиционер, почти мальчик, докладывал начальству с сияющей физиономией:

— Сейчас он купает его в корыте и развлекает разговорами.

— Что же он ему говорит? — поинтересовался начальник.

— Говорит, что украдут они с Воскресием где-нибудь в нашей округе самых лучших лошадей и продадут их в Карловаце на ярмарке. Милицию они с ним обезоружат, а тебя прирежут.

— Вот прохвост! А что это еще за Воскресий?

— Наш малыш. Видак его так окрестил.

Начальник встал, одернул китель и, не найдя фуражки, вышел с непокрытой головой из кабинета. По залитому солнцем двору, держась за указательный палец Видака, неуверенно топал малыш. На голове его покачивалась огромная фуражка начальника. Она мешала ему идти, но конокрад подбадривал малыша:

— Вот так держись, товарищ начальник! И не бойся ты того дяди, мы его вмиг прирежем.

— Хорошо же ты воспитываешь молодежь! — заметил укоризненно начальник.— А ну, изреки еще что-нибудь!

Разминая спину, конокрад мягко, чуть грустно отвечал:

— Что поделаешь, и мне так в детстве приговаривали, лаская.

К вечеру из багряного зарева вынырнула вдруг придурковатая Савка и накинулась на конокрада:

— Отдай это сюда! Ты смотри на него!

— Отдать моего Воскресия? — воскликнул Видак.

— Твой батька Воскресий, а это мой Милан! — возмутилась Савка.

— Неужели заберешь у нас малыша? — спросил удивленно начальник.

— А вы как думали? Это мой сын, а если вам надо, то вы сами себе сделайте. Вы народ досужий.

Рассерженная вконец, Савка, не простившись, отправилась со двора. Она прижимала к груди ношу так, словно боялась, что ее отнимут у нее.

— Заходи, Савка, нам с тобой делить нечего,— бросил ей вдогонку начальник.

Обобранный конокрад опустил голову, посмотрел на свои шпоры и задумчиво сказал:

— Каждому бог подарил немного радости. И придурку тоже. Эх, Воскресий, Воскресий, позабавил ты нас сегодня, спасибо тебе, как брату!

Перевел с сербскохорватского
Д. Мансфельд.

ТАМ, НА ВАСЮГАНЕ

Роман Георгия Маркова «Отец и сын» посвящен событиям, отделенным от наших дней четырьмя десятилетиями. Но в каждой странице его бьется живой, напряженный пульс современности. Так бывает лишь тогда, когда художник силою своего таланта не просто воссоздает картины минувшего, а осмысливает их во всей противоречивой сложности сталкивающихся социальных сил времени. Однако даже самый верный социальный прицел, самый правильный замысел не приводят к художественным открытиям, не открывают читателю подлинной правды жизни, если писатель не владеет в совершенстве материалом, не знает своих героев до тонкости, не умеет глубоко проникнуть в их внутренний мир.

Георгий Марков знает о своих героях все. Мотивы их поведения и мельчайшие детали быта, нюансы тонких душевных движений и исторически точные приметы времени, изображенные в романе, составляют картину столь верную и законченную, что невозможно представить себе иное ее решение.

...Глухая тайга. Высокий берег таежной красавицы реки Васюган. Здесь в 1921 году большевик Роман Бастрыков создает первую в Сибири крестьянскую коммуну. Бывший партизанский командир, герой гражданской войны вместе со своими товарищами ведет суровую, требующую не меньше мужества и стойкости, чем война, борьбу с таежной природой и рабской психологией, яростным сопротивлением классового врага и трудностями утверждения новых общественных отношений, новой морали. Роман Бастрыков — уполномоченный Советской власти на Васюгане. Советская власть победила. Но прежний хозяин Васюгана, матерый кулак Порфирий Исаев, не может примириться с этим. Вместе с посланцами белогвардейского генерала Пепеляева, затаившимися в его усадьбе белыми офицерами, Исаев убивает Бастрыкова и двух его товарищей, большевиков-коммунаров. Распадается обезглавленная васюганская коммуна. Вновь «княжит» на Васюгане всесильный «Порфишка», как называют Исаева коренные жители Васюгана — ханты...

Но у Романа Бастрыкова остался сын Алешка. «Горемыкой» окрестили в родной деревне, куда вернулись бывшие коммунары, круглого сироту: мать убита белогвардейцами в гражданскую войну, отец сражен белогвардейско-кулацкими пулями. Трудное, полное невзгод и лишений детство выпало на долю Алешки. Тяжелый труд закалил парня, налил силой его мускулы, сделал мастером на все руки. И вот уже к Алешке протягиваются цепкие кулацкие лапы. Перед ним открывается перспектива войти в семью богатея — мельника Брызгалова, стать со временем наследником всех его богатств. Но комсомолец Алексей Бастрыков, сын большевика, батрак, выбирает другую долю, ту долю, которая определена его классовым сознанием.

Разумеется, Исаевы, Брызгаловы, Колупаевы, у которых батрачил Алексей, исторически обречены. Неодолимая поступь социалистического переустройства все равно смела бы их с пути. Но то обстоятельство, что именно Алексею Бастрыкову — сыну Романа выпало на долю принять участие во многих событиях, связанных с ниспровержением этих кулацких семейств и разоблачением белых офицеров — убийц отца, не случайно. Это не искусственный сюжетный поворот, изобретенный автором романа. Логика жизни, логика классовой борьбы, верно переданная писателем, диктует судьбы героев. Не только Алексей находит свое место в жизни, но и Надя Исаева — внучка Порфирия, превращенная им в батрачку, и Матрена Степина — дочь убитого большевика-коммунара.

Писателю удалось передать всю напряженность, весь яростный накал борьбы классов, отразившийся в личных судьбах героев.

Нельзя не отметить сочный, отражающий сибирский колорит, мастерский язык романа, нельзя не отметить великолепные пейзажи, передающие величественную красоту сибирских краев. Можно с уверенностью сказать, что роман Георгия Маркова принадлежит к числу тех произведений, которым суждена долгая жизнь в литературе.

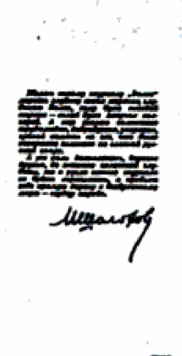
Юрий ИДАШКИН

Георгий Марков. Отец и сын. Роман. «Молодая гвардия». Москва. 1965.

«ВОЛГЕ» — ШИРОКОГО ТЕЧЕНИЯ!

«Желаю новому журналу «Волга» мерить глубину своих страниц глубиною Волги, силу духа каждой строки — силой духа могучих волгарей. А еще желаю волжского трудолюбия, добродушия, упорства, цепкой памяти на все, что было совершено великого на славной русской земле.

А уж коль докопаетесь, дорогие друзья, до истинно волжской глубины, то и русло вашего журнала не будет пересыхать, а пробьет себе прямую дорогу к безбрежному морю — сердцу народа».

Это приветствие, написанное Михаилом Александровичем Шолоховым, вынесено на обложку первого номера нового журнала «Волга», органа Союза писателей Российской Федерации.

Как бы в ответ на доброе и вместе с тем ко многому обязывающее пожелание главный редактор журнала «Волга» Николай Елисеевич Шундик говорит:

— Волгу называют главной улицей России, имея в виду не только ее географическое положение. Песни о Волге запевает народ наш всякий раз, как только возникает потребность выразить любовь к родной земле, чувство гордости за историю российского государства. И журнал наш должен не забывать о прекрасной волжской старине от времен вольницы до времен организованной пролетарской воли. Он призван отражать героическую судьбу Волги, начиная с установления Советской власти, воинскую славу волгарей, трудовую доблесть гидростроителей, всей рабочей Волги, приволжских хлеборобов. На страницах журнала должна найти место и Волга университетская, студенческая, ученая.

Конечно, мы не хотим замыкаться в географических рамках: журнал наш — всероссийский, и он будет обращаться к самым различным явлениям жизни страны. В нем увидят свет статьи ученых о проблемах современной геологии, селекции, генетики. Выступающих в журнале литературных критиков волнуют вопросы, связанные с общим литературным процессом. Большое место в журнале уделяется литературным публикациям и произведениям мемуарного характера. Так, в первом номере «Волги» напечатана неопубликованная повесть Всеволода Иванова «Опаловая лента», а в третьем номере — воспоминания Всеволода Вишневского, Лидии Сейфуллиной, Михаила Кольцова и других писателей о Ларисе Рейснер.

Призванный объединить литературные силы одиннадцати приволжских областей и шести автономных республик Поволжья, журнал «Волга» с самого первого номера представляет читателям прозаиков и поэтов Мордовии, Чувашии, Татарии, Астрахани и Калинина, Саратова и Ярославля, Куйбышева, Ульяновска, Горького и других городов.

Проблемам Прикаспия посвящена повесть Григория Володина «Человеку нужен лебедь», напечатанная в первом номере журнала. О пареньке, после десятилетки пришедшем на строительство железной дороги, рассказывает повесть «На меридиане моей любви» — первое крупное прозаическое произведение горьковчанина В. Кузьмина, опубликованное во втором номере. В следующем номере будет напечатана повесть В. Лебедева «Волгарь на чужбине» об А. М. Горьком.

Мы надеемся на новый роман Николая Кочина «Нижегородский откос», на новые романы о Великой Отечественной войне Александра Патреева и Григория Коновалова.

От имени редколлегии журнала Н. Е. Шундик высказывает глубокую благодарность читателям Поволжья, которые поверили в свой журнал, еще не зная его. Сорокатысячный тираж журнала — яркое свидетельство этого доверия.

— «Волга с родников начинается»,— повторяет народный афоризм Николай Елисеевич.— А заветные эти родники таятся в умах и сердцах писателей России, в делах наших читателей, главных героев произведений, которым суждено вдохнуть жизнь в журнал с глубоко символическим названием — «Волга».

Н. ТОЛЧЕНОВА

РЕЖИССЕР И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Едва войдя в Малый через служебный подъезд на театральной площади с ее простором, светом, шумом и говором толпы, движущейся бесконечными потоками из соседних улиц вокруг старинного здания, вдруг сразу попадаешь в его неожиданно строгую, гулкую тишину. Тайные отголоски промчавшегося столетия словно живут здесь на лестницах и переходах.

Извилистые, сумрачные коридоры приведут вас к святая святых — плотно прикрытым дверям актерских гримуборных; на дощечках краткие надписи: Гоголева. Зеркалова. Ильинский. Царев. Жаров. Бабочкин. Нифонтова. Шатрова. Анненков. Садовский. Щепкина...

Невольно замедляешь шаг возле этих дверей. На каждой из них можно бы сделать еще и другие — мемориальные, памятные дощечки; в небольших комнатах проходили сокровенные минуты жизни замечательных русских актеров, когда они перед самым выходом на сцену оставались наедине с собой,—Ленский и Ермолова, Федотова и Южин, Правдин, Яблочкина, Остужев, Массалитинова, Пашенная, Рыжова, Турчанинова... С портретов глядят лица корифеев русского искусства. Постоишь возле них, побудешь в их родных стенах, которым словно и износа нет... А во все окна видны люди. Одни торопятся, другие идут не спеша, жестикулируют, беседуют и смеются, либо спорят, ссорятся; теряют и находят друг друга; иногда останавливаются у парадных дверей театра, возле большой театральной афиши, видимо, решая, какой спектакль посмотреть.

Рано утром и поздно вечером по внутренним коридорам и лестницам Малого проходит торопливой походкой человек. Если взглянуть сзади на его совсем седую голову и плечи, будто несущие с напряжением невидимую тяжесть, то покажется, что он уже не очень молод. Но когда увидишь лицо, улыбку, блестящие доверчивые темные глаза, сразу поймешь, что ошибся. Узнав же еще больше этого человека — и его самого и его неистощимое трудолюбие,— уверишься уже в том, что отнюдь не молодость и не беспечность молодости помогают ему прочно входить в жизнь Малого театра, сделать ее своей собственной жизнью.

Это главный режиссер Малого театра Евгений Рубенович Симонов. Забота, которая незримо лежит на его плечах, скажем прямо, совсем не легкая забота. Хотя Симонов—что в нем представляется, пожалуй, самым характерным — отнюдь и не ищет для себя легкой жизни в творчестве.

Ведь это же сказать только: Малый!..

Первейший театр России, зажигавший людям добрые свои огни и вчера, и позавчера, и пятьдесят, и сто лет назад... Театр сегодня. Театр завтра. Театр всегда...

Для взыскательного, ищущего и думающего режиссера, умеющего и сознавать и чувствовать все это, Малый театр самой историей поставлен над преходящими веяниями моды. И в классике и в современности он ищет такие жизненные явления, которые выражали бы значительные признаки времени, связывая настоящее и будущее.

Осенью 1917 года, в неспокойные дни, когда на улицах Москвы то тут, то там гремели выстрелы, Малый показывал премьеру — «Шутники» Островского. Поразительно играл Правдин затравленного толстосумами маленького чиновника — это над ним они творили свои злые «шутки»... Разумеется, в пьесе ничего не говорилось о революции. Но спектакль нес зрителям ясное ощущение, что время «шутников» ушло.

Среди публики были важные, хорошо одетые люди; с брезгливым удивлением щурились они на программки и афиши, необычно выглядевшие без слов «госпожа» и «господин» перед фамилиями актеров. Это «нововведение» вот так органично связалось для Малого театра с «Шутниками», с Островским...

Потом начались двадцатые годы. Борьба продолжалась. Так называемые «левые», улюлюкая, клеймили Малый как пристанище рутины и консерватизма именно за классику. За Островского, Шиллера, Шекспира... Кругом «гремели» названия новых театров: «Семперанте», «Пролеткульт», «Теремаст»... А Малый

Идет репетиция. Фото Д. Ухтомского.

работал, будто накапливая силы для таких основополагающих созданий социалистического реализма, для таких, овеянных романтикой революции, событийных спектаклей, как «Любовь Яровая» и «Огненный мост» с Пашенной. Отсюда начинается уже новая, советская классика, с такими, например, высочайшими ее взлетами, как «Слава» с Блюменталь-Тамариной, «Нашествие» или всем известная «Васса Железнова»...

Да разве перечтешь то, что «сработано» Малым!

Вообще Малый — это театр-труженик; его деятели испокон веков относятся к творчеству без громких слов, со спокойным и глубоким чувством долга прежде всего. Хотя никогда не исключают из творческого обихода сердечный энтузиазм, страсть и порыв, вдохновение.

Удивительно ли, что новый главреж Малого, не желая ничего в нем «перестраивать», приемлет с уважением великий опыт предшественников... Он словно слышит, как сами стены Малого говорят ему о нерасторжимости прошлого с настоящим и будущим, о преемственности истории, о живой связи судьбы человеческой и судьбы народной.

Человек и его судьба — основная тема реалистического творчества Малого во все годы существования театра. Важнейшую тему эту, глубоко понятую в свете социалистического реализма и взятую как источник романтизма подлинного, высокого, внушающего веру в жизнь, Евгений Симонов считает главным делом и своего собственного, личного, творческого существования. Такое счастливое совпадение, разумеется, вовсе не исключает различия отдельных творческих индивидуальностей, несовпадающих человеческих симпатий, вкусов, взаимоотношений, склонностей — всего того, чем отличается коллектив Малого, давно сложившийся, отлично знающий себе цену.

Умение зажигаться «интересностью» творческой задачи и зажигать этой задачей коллектив, увлекать сценическим действием и вовлекать его в действие — вот с чем пришел в Малый театр Евгений Симонов. К этому времени он уже сложился как мастер, художник, воспитанный сызмала на благодатной почве вахтанговцев.

Вспомним хотя бы некоторые постановки молодого Симонова, осуществленные им на вахтанговской сцене. Вспомним вдохновенное, искреннее прочтение арбузовского «Города на заре», ту подлинную патетику, особенно заразительную в сочетании с психологическими глубинами, об утрате которой не зря скорбят сейчас иные театры... А чеканный, строгий рисунок, лаконизм и страстность пушкинских «Маленьких трагедий»! Духовная глубина, приподнятость и вместе с тем изящество, филигранность отделки деталей в одном из любимых спектаклей Москвы—«Филумена Мартурано»; великолепно играющие его Цецилия Мансурова и Рубен Симонов за десять лет постоянных аншлагов словно не постарели ни на один день... И, наконец, недавняя «Западня», где не просто ожили далекие образы Золя и рисунки Домье, но с необыкновенной, сегодняшней трепетностью всколыхнулась главная тема большого искусства — человечность и бесчеловечие в острейшей схватке...

И, однако, все это было совсем-совсем другое, чем то, что принял отныне как свое, родное Евгений Симонов на сцене Малого.

В чем другое? Почему другое?.. Вряд ли кто сумеет исчерпывающе и до конца ответить на такой вопрос. Хотя ведь нельзя спутать прозу двух крупных прозаиков или поэзию двух больших поэтов. Вот так же невозможно обойти, не заметить и глубинное, стилевое несходство манеры, различие всего образного строя Малого и вахтанговского, как, впрочем, и любых других театров. Самый мир спектакля, выстроенный вахтанговцами, всегда будет иной, особый, чем мир спектакля в Малом. Может быть, вахтанговцы показывают жизнь более трепетной и воздушной, красочной. На сцене же Малого она не только выглядит вещественнее — весомей и плотней,— ей свойственна и бо́льшая эпичность, бо́льшая глубина философского раздумья. Но и общего у этих двух театров гораздо больше, чем может показаться: каждый из них — театр актера. Театр крупного образа. Театр героя-жизнеустроителя. Несходство же сценических «миров», вероятно, возникает от несходства людей, эти миры населяющих. От различия талантов и дарований. Но ведь опять же — ни на одних весах талант не взвесишь, ни одним аршином его не смеряешь. А талантов Малому и сегодня не занимать!

Работать с таким коллективом — не значит ли это одновременно учиться у него?

Ну что ж, пудинг познается, когда его пробуют, гласит любимая поговорка Энгельса. Решив познать себя вместе с Малым театром и Малый театр вместе с собой, Евгений Рубенович сразу по приходе предложил коллективу режиссерский план постановки «Горя от ума».

Это было три года назад.

Возможно, сегодня художественный руководитель Малого театра, отчетливо представляющий сценические возможности всех актеров без исключения, решал бы по-другому те или иные детали постановки, на которой тогда сказалась — не могла не сказаться! — и самая новизна обстановки и увлеченность горячей режиссерской души...

Однако справедливо ли отвергать вообще художественную ценность решения грибоедовского спектакля?

Конечно, нет!

Некоторых критиков в симоновском спектакле «Горе от ума» рассердило то, что здесь они встретились со знакомыми литературными типами, которых «проходили в школе». Но ведь превратить героев русской классики в незнакомых «типов» трудно, да и вовсе не нужно! Критерий для суждения о спектакле один: обретают ли знакомые «типы» жизнь и душу, человеческое своеобразие? А вот этого-то уж никак не отнимешь у Ильинского — Фамусова, Софьи — Корниенко, Лизаньки — Блохиной, Молчалина — Коршунова... Они предстают как герои крупные, объемные, вобравшие в себя эпоху, ее характеры.

Конечно, видеть приметы героев, трактовать их внутренний облик можно по-разному: в искусстве ни о чем теперь столько не спорят, как о вкусах. Но вот ведь еще что существенно: чей вкус предпочесть? Одни хотят видеть смятенного, растерянного Чацкого, каким показывают его, скажем, в спектакле Г. Товстоногова. А другие согласны с решением Е. Симонова; у него Чацкий на рассвете зимнего утра приходит к декабристам, бессмертным в веках русским людям...

Очевидно, все тут зависит от отношения к традициям; от того, что видится человеку за этими традициями...

А вот можно ли принять такую мысль, что одного только профессионализма, пусть самого высочайшего, мало для создания спектакля?

Можно.

Для создания спектакля мало быть только профессионалом. Мало быть даже художником. Причем талантливым.

Все дело в том, на что направлен талант. Чему он посвящает себя, какому делу служит...

Работая в Москве, в Малом театре, над постановкой «Дон Карлоса», знаменитый режиссер Константин Александрович Марджанишвили (Котэ Марджанов) в феврале 1933 года — незадолго до своей смерти — писал домой в Тбилиси юному и способному художнику Петру Оцхели: «Как бы верно ты ни изобразил природу, человека, нас привлекает не сюжет, не доскональная точность, а твое личное, что ты вложил в свое творение. Вот тут-то и рождается для художника опасность. Какими глазами смотрит художник на мир, драматическое произведение, событие?..»

Какими глазами смотрит художник на мир!.. Отношение художника к окружающему... Сила личного, гражданственного утверждения добра, либо решительное отрицание зла, заключающихся в каждом событии, в каждом явлении этого мира, а следовательно, и в драматургии,— вот ведь что окрашивает режиссерское прочтение пьесы. Вот что определяет — в конечном-то счете! — облик, звучание спектакля, его сценическую удачу либо неудачу.

Взгляд на мир, на жизнь, иначе говоря, мировоззрение художника, есть существо всякого творчества вообще, та его заветная душа, которая придает скрытую силу не только произведению искусства, но и нашей ответной «отдаче»,—рождает контакт творца и зрителя...

Понятно, что «высочайший профессионализм» в наше время просто невозможен для безликой и равнодушной приспособленческой режиссуры.

Сейчас со многими молодыми режиссерами можно спорить о том, какой они видят жизнь вокруг себя, какое ощущение этой жизни несут на сцену... Но каждый режиссер, именующий себя художником, разговаривает со зрителем о действительности по-своему, современный ли ставит он спектакль, или берет классическую пьесу о далеком прошлом.

На афише Малого много разных названий. Идет классика. Широко идут советские пьесы. Их ставят разные режиссеры, и ставят по-разному.

Спорить о них можно, да, наверное, и нужно. Но, думается, не возникает необходимости в споре о проблеме, главной для любого художника,— проблеме мировоззрения...

Какими же глазами смотрит на мир в спектаклях, поставленных уже им самим на сцене Малого театра, Евгений Симонов?

Мировоззренческая отчетливость, ясность взгляда сделали такими крупными, значительными «Страницы дневника» и «Умные вещи». Это спектакли непроходные в творческой биографии не только Евгения Симонова. Они останутся и в летописи Малого театра. Спектакли новые, в смысле — новаторские; выразительные по форме, по традиционной будто бы простоте, они полны мысли и поэзии. Обращаясь к зрителю негромко и доверительно, Симонов, как каждый чуткий режиссер, помогает этими спектаклями рождению нового зрительского восприятия, нового, более тонкого зрения.

Непростой для сценической интерпретации пьесе А. Корнейчука, полной размышлений, внутренних вопросов и таких ответов, которые позволяют художнику выразить свою точку зрения активно, действенно, Е. Симонов дал сильное, одухотворенное сценическое рождение. Он поставил «Страницы дневника» — крупно, очень отчетливо и вместе с тем глубоко. Так, что каждая судьба, получая художественную завершенность, насыщена эмоцией — не всегда высказанными вслух, но сильными переживаниями. Затрагивая сердце зрителя, все герои ведут сложный поиск своих путей, по-своему помогая друг другу; их — такие разные—надежды и стремления не диссонируют... Писательский дневник, серьезно и задумчиво прозвучавший со сцены Малого, требует внимания к людям: их видишь необычно, в новом свете. Трагическая ситуация, в которой действуют, например, герои М. Жарова и Л. Юдиной, позволила этим актерам наделить своих персонажей необыкновенной силой сопротивления, силой души. И ясно видишь, что это сила души советского человека, нашего современника...

Спектакль же «Умные вещи» — быть может, самое лучшее, самое интересное сценическое

Николай БРАУН

Финская

Земля Финляндии

Рыли землю, котлован для дома,
А земля — гранит,
Сплошной гранит,
Не лопатой рыли и не ломом,
Здесь вовсю работал динамит.

И земли упрямая порода
Отбивала бешенство атак.
Вся она в характере народа,
Вся как будто собрана в кулак.

Сосны здесь вбивают корни в камень,
Валунами вздыблены поля,
Кажется, железными руками
Здесь из камня поднята земля,

Чтобы вспыхнуть чудом нив и пашен,
Чтобы встали полукружья гор,
Поднимая каменные чаши
Синевой наполненных озер.

Рыли землю.
Рвали динамитом.
И не сказкой древности седой,
Дом вставал, как песня, над гранитом,
Песня о Суоми молодой.

Язык друга

Мартти Ларни

Мы говорим на языке,
Что в словарях не обозначен:
Глаза в глаза,
Рука к руке,
И невозможно нам иначе.

В твоих глазах — глаза народа,
Его судьба,
Его невзгода,
Твоя рука—его рука.
Его душа и мне близка.
Хоть я в твоем сегодня доме,
А словно вышел на простор.
Твой взор, как небо над Суоми,
Как чистота ее озер.

Он весь в таких лучах смешинок
Искрится, юмор затаив,
Как будто я под треск лучины
Внимаю родичам твоим.

Но туча небо тенью застит,
И вот я вижу: сам народ
Идет за синей птицей счастья
И неба милости не ждет.

И если ласково, чуть грубо
Мне руку жмет твоя рука,—
В ней — и характер лесоруба,
В ней—и упорство рыбака.

Рисунки П. Караченцова.

тетрадь

И нам не нужен переводчик,
И нет яснее языка,
И наш словарь предельно точен:
Глаза — в глаза,
К руке — рука.

Женщина с кошкой

(У картины художника Галлен Каллелы)

Она стоит у изгороди в поле.
Над нею — неба сумрачный навес.
Вдали — жилье. Кругом — земли
раздолье.
Земля, земля — по самый край небес.

Земля...
Своей неотвратимой властью
Она томит, влечет, страшит, гнетет.
И гнет горбы. И хлеб сулит, как
счастье.
И так из века в век, из рода в род.

И вот ее хозяйка.
Эти руки
Крупны, и узловаты, и грубы,
В неизгладимых шрамах рабской муки,
И все ж х о з я й к и руки, не рабы.

И ног босых кряжистая опора,
Квадратные, тяжелые ступни,—
Не как рабы, угрюмо и покорно,
Как властелины, здесь стоят они.

И вот лицо.
Его не просто кистью,
Не просто красок радугу раскрыв,
Писал художник, не холодной мыслью,
Запечатлев души своей порыв,

Он, одержимый силою прозренья,
Народу прямо в душу заглянул —
И вот не слепок и не отраженье,
Нет, сам народ на этот холст шагнул.

И на лице глубокие морщины
Здесь, как дороги прадедов, сошлись,
И этот взгляд, где все души глубины,
Всю боль и скорбь — все отразила кисть.

А луч тепла во взгляде, наклоненном
Над этой кошкою у ног босых,—
Как луч души, любовью озаренной,—
Еще один души народа штрих.

Статуя лошади и жеребенка на площади в Хельсинки

Не слыхал никто, как звонко ржала,
Как звала тревожно сосунка...
Может, с водопоя прибежала,
С дальней речки,
С тихого лужка,

Прямо в город, каменный и грозный,
Где и стойла нет для лошадей,
И застыла в парке черной бронзой
У одной из людных площадей.

И пахнуло полем и отрадой
Луговых цветов,
Лесных дорог,
И застыл с разбегу с нею рядом
Тонконогий черный сосунок.

А вокруг паслись дома, не кони,
Шли машин железные стада...
И два сердца в каменном загоне
Стали мертвой бронзой навсегда.

Но когда утихнет город сонный,
И стада машин угонят прочь,
Оживает бронза с легким звоном,
И полей дыханьем дышит ночь.

Станция Лужайка

Граница.
Станция Лужайка
Среди веселого лужка.
Без виз над нею вешней стайкой
Плывут неспешно облака.

Граница.
Зона разделенья.
Лесная просека. Река.
Граница.
Зона отчужденья.
И тень замка.
И тень штыка.

Земля, рассеченная на два,
Как будто чуждых два крыла,
Не знает розни,
Бредит жатвой
И жаждет вешнего тепла.

Не отчужденье,
Но рожденье
Родства нам надо б так беречь,
Чтоб стала зона отчужденья
Зеленой зоной братских встреч.

создание Симонова из всего того, что осуществлено им сегодня.

Притча Маршака, будто бы неприхотливо вьющая свои сказочные узоры, получает на сцене Малого театра щедрую радость выражения. И это не только актерская пластика. Не только песня и танцы. Не только фантазия художника, нашедшего на редкость живую и точную цветовую гамму. За пестротой смешных дымковских игрушек оживает буйство человеческих страстей; вживаясь в замысел Маршака, вбирая и осваивая его, Симонов оживил умную, мудрую Русь, народ, непоколебимо противостоящий порокам алчности, полный заразительной веры в жизнь, добрый и сильный, пытливо заглядывающий из своего вчерашнего дня в день завтрашний.

Среди молодых и не очень уж молодых дарований, к которым приковано внимание критики и зрителей в последнее время, режиссерский талант Евгения Симонова привлекает именно определенностью взгляда. Точностью внутреннего отношения художника ко всему тому, что происходит вокруг него в жизни, иначе говоря, ясностью мировоззрения.

Позиция Симонова в искусстве — позиция недвусмысленной, советской гражданственности. Позиция партийности творчества.

ОТ «СИНЕЙ БЛУЗЫ» ДО «ТРЕТЬЕЙ, ПАТЕТИЧЕСКОЙ»

Сцена из 2-го действия спектакля «Третья, патетическая». Ирина — Р. Киреева, в роли В. И. Ленина — Б. Истомин.

— В 1925 году я был курьером в Кремле. Мне не довелось встречать Ленина, но я видел людей, которые работали вместе с Владимиром Ильичем...— так начал свой рассказ о создании образа Ленина первый исполнитель этой роли на самодеятельной сцене Борис Петрович Истомин.

— Десять лет назад я впервые загримировался Лениным,— продолжает Истомин свой рассказ.— Мы ставили тогда пьесу Погодина «Кремлевские куранты».

Наибольшего успеха в роли Ленина Борис Петрович достиг в «Третьей, патетической» Погодина. Оба спектакля о Ленине созданы театральным коллективом клуба Министерства финансов.

Больше сорока лет финансовый работник Б. П. Истомин отдал самодеятельному искусству. Театр, где он выступает, тоже существует свыше сорока лет. Драматический коллектив этого театра прошел интересный творческий путь от первых представлений «Синей блузы» до «Третьей, патетической». Вся его жизнь не случайно связана с традициями Художественного театра: руководителями коллектива были известные режиссеры и актеры М. Кедров, Н. Горчаков, О. Абдулов, А. Андерс.

Долгие годы выступал на сцене МХАТа и Л. Еремеев, нынешний руководитель театра. Вместе со своими самодеятельными актерами он создал спектакли: «Третья, патетическая», «Егор Булычов», «Дядюшкин сон», «Мать своих детей», «Невольницы». Их смотрели не только сотрудники министерства; постановки пользовались успехом у широкого зрителя, о чем свидетельствуют многочисленные письма, поздравления, приглашения... Театр охотно откликается на них и выезжает со своими спектаклями в воинские части, колхозы, бывает на заводах Москвы и области.

Работа над серьезным, значительным репертуаром заставляет много читать, заниматься. Готовясь к «Третьей, патетической», артисты не раз ездили в Горки Ленинские и даже репетировали там.

Недавно коллективу присвоено высокое звание народного театра.

Павел СИТАЛЕВ

«ПРИНЯТЬ МЕРЫ К ДАЛЬНЕЙШЕМУ УЛУЧШЕНИЮ САНАТОРНО-КУРОРТНОГО ЛЕЧЕНИЯ И ОРГАНИЗОВАННОГО ОТДЫХА ТРУДЯЩИХСЯ, РАСШИРИТЬ СЕТЬ САНАТОРИЕВ, ПАНСИОНАТОВ, ДОМОВ ОТДЫХА, ТУРИСТСКИХ БАЗ...».

(Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану)

Нас трое: читатель, журналист и первый секретарь Сочинского горкома партии С. МЕДУНОВ

ПРИЕЗЖАЙТЕ, УБЕДИТЕСЬ...

Один из трех участвует в беседе заочно — это читатель. Вот его письмо: «Я сибиряк. Отдыхал в Сочи в декабре минувшего года — такая уж у нас, геологов, профессия: отпуск получаем только зимой. В Сочи я не был лет пять. И на меня большое впечатление произвели перемены на этом курорте. Незадолго до моего отъезда ему торжественно вручили переходящее красное знамя ВЦСПС — он занял первое место во всесоюзном соревновании курортов. От души поздравляю сочинцев. Хотелось бы, чтобы «Огонек» познакомил читателей с этим лучшим в стране курортом и рассказал, как он будет развиваться дальше. Ведь это интересует всех... Инженер-геолог Ф. Самарин».

Письмо геолога корреспондент «Огонька» Л. Леров показал первому секретарю Сочинского горкома партии Сергею Федоровичу Медунову. И вместе с письмом — две просьбы редакции: первая — передать труженикам курорта и от нас, огоньковцев, поздравление с победой во всесоюзном соревновании курортов, вторая — ответить читателю.

— Несколько лет назад вы, Сергей Федорович, выступили в «Огоньке» со статьей, в которой речь шла о многих проблемах курортного хозяйства. Как эти проблемы решались и решаются, какие заботы тревожат сейчас людей, которые обслуживают нас на отдыхе!

— Позвольте прежде всего, так сказать, отчитаться — сообщить некоторые итоги нашей семилетки. Никогда еще за всю свою большую историю Сочи не развивались столь стремительно, как за годы семилетки. Это была пора освоения «курортной целины», интенсивного строительства санаториев, пансионатов, гостиниц, ресторанов, лечебных корпусов. В Больших Сочи за семилетку количество мест в здравницах возросло на 10 300. Много ли? Судите сами: это в полтора раза больше того, чем располагают все здравницы Кисловодска.

— Коль скоро зашел разговор о строительстве, хочу напомнить вам об одной из проблем, поднятых вами в «Огоньке»,— многоэтажность. Тогда вы лишь в порядке постановки вопроса говорили, что надо бы пересмотреть проекты. Ну и как, пересмотрели!

— Вы напомнили о проблеме, очень острой для Сочи и, думаю, вообще для приморских курортов. Вокруг нее не раз скрещивались копья. Принято было считать, что район Сочи сейсмически неблагонадежен. «Десять этажей? В Сочи? Да вы с ума сошли. Ни в коем случае. Максимум пять!» Попытки прорвать блокаду скептиков долгое время не приносили успеха. Наши предложения перейти на высотное строительство кое-кто встречал если не в штыки, то весьма предостерегающе: «Смотрите, как бы чего не вышло...»

Спор решен жизнью, смелым проектом зодчих и строителей, проектом, уже воплощенным в бетон, стекло, пластик. Летом минувшего года десятиэтажный приморский корпус санатория «Сочи» принял первых отдыхающих. Я хотел бы подробнее рассказать об этом корпусе, так как, на мой взгляд, он в какой-то мере может выполнять роль того направляющего, который облегчит дальнейшие поиски наиболее удачного архитектурного образа приморского санатория.

...Так вот представьте себе такую ситуацию: вы входите в санаторий, предъявляете путевку, и дежурная сестра любезно приглашает вас... спуститься на восьмой этаж. Вы улыбаетесь этой милой шутке. Но сестра не шутит. Она действительно предлагает вам не подняться, а спуститься на восьмой этаж, ибо сейчас вы находитесь на девятом, хотя не поднимались от земли ни на одну ступеньку, пребывая в холле вестибюля. Здание словно поставлено с ног на голову, с входом сверху. Такова принципиально новая композиционно-планировочная схема корпуса. Что это — архитектурное штукарство, желание оригинальничать? Нет, это результаты долгих поисков правильного решения очень актуальной для приморских курортов проблемы. Это попытка внести существенный корректив в годами сложившуюся «географию» приморских санаториев.

Я не знаю, кто установил такой порядок, но он существовал издавна — черноморские здравницы расположены, как правило, высоко над морем, в 100—150 метрах, а иногда и дальше, от берега. Всем известно, сколь утомительно в жару добираться от своего корпуса до пляжа. Но дело не только в этом. На курорте лечит и море, лечит его ритмичный шум, лечат те мельчайшие, распыленные в воздухе частицы морской воды, которые несут с собой соли йода, брома, железа, кальция, несут фитонциды, выделяемые морскими водорослями. Ученые давно установили, что основные морские лечебные факторы активно действуют главным образом в прибрежной полосе шириною до 200 метров на высоте не более 60 метров над уровнем моря. И тем не менее ставили санаторные корпуса в горах, наверху, вдали от моря.

— Почему! Какими соображениями руководствовались!

— Это история длительного спора — что является для Сочи, как выражаются специалисты, градообразующим началом: море или мацеста? Мы решительно возражали против тенденции некоторых медиков подчинить всю географию курортного строительства мацесте, строить только в горах, рядом с целебными источниками. «Медицинская газета» обрушилась на нас с резкой критикой за эти возражения. И тем не менее мы остались верны своей точке зрения: никаких крайностей. Наши гости требуют от хозяев и моря и мацесты. Сочи — это и климатический и бальнеологический курорт. Здравницы, а в особенности пансионаты, дома отдыха, гостиницы надо строить на берегу моря, создав при этом максимум благоприятных возможностей для приема мацесты.

Но в условиях Сочи строить, да еще многоэтажные здания, на берегу моря не так просто — зачастую это означает возводить корпус на склоне горы, спускающейся к морю. Тут требуется смелость зодчего и большое инженерное искусство. И группа архитекторов Центрального научно-исследовательского института экспериментального проектирования зрелищных предприятий и спортивных сооружений пошла на такой смелый эксперимент. Десятиэтажный корпус вырос на самом берегу моря, у подножия крутого откоса. Отметка пола десятого этажа несколько ниже самой верхней отметки склона. Вот почему из вестибюля вы не поднимаетесь, а спускаетесь на первый этаж, к самому берегу моря. Впрочем, выходя на балкон из любой комнаты (они тут все смотрят на море, все одинаковые, на 2 человека, и со всеми удобствами), вы оказываетесь в зоне самого активного действия целебных сил моря. И еще одно важное преимущество: максимально приблизив санаторий к морю, зодчие полностью сохранили территорию парка, зеленые массивы берега.

В этом корпусе все — и общая композиция здания, и конструкции, и система обслуживания, и видовая галерея, опоясывающая фасад, и витые наружные лестницы, и вынесенные вперед видовые площадки, напоминающие капитанские мостики,— все тут подчинено главному замыслу: максимальная связь с морем. «Это океанский лайнер, только лишенный его недостатков: не качает и земля всегда рядом» — так образно сформулировал общее восприятие здания доктор архитектуры В. К. Олтаржевский, эксперт проекта.

Специалисты утверждают, что новый корпус следует отнести к числу наиболее удачных произведений советской архитектуры. Нельзя с этим не согласиться. И мы приняли такое решение: народ должен знать авторов этого произведения. На мраморном блоке будет высечена надпись: «Сооружено по проекту авторской группы архитектора Шварцбрейма Ю. Л. коллективом треста № 1 «Главсочиспецстрой» под руководством заслуженного строителя Терехова И. В., при участии директора санатория Смелякова И. С.».

Приморский корпус — только старт высотного строительства на курорте. По такому же принципу — максимальная близость к морю—сооружаются 13-этажный санаторий ВТО, городок в Адлере.

Ввысь поднимаются этажи гостиниц. О них хочется сказать особо. В Сочи за 23 года, предшествовавших семилетке, не было построено ни одной гостиницы. За 1959—1965 годы возведено 9 гостиниц на 3 279 мест. Сейчас сочинские новостройки № 1 — это гостиницы: «Магнолия»—9 этажей, «Ленинградская» — 11 и, наконец, 19-этажная «Жемчужина», которая, на наш взгляд, будет соответствовать своему поэтическому названию. Она действительно «ляжет» драгоценным камнем в субтропическое «ожерелье». Здесь предусмотрено все, что может предложить современная служба гостиничного хозяйства.

Нас очень радует широкий размах строительства курортных гостиниц. Наконец-то и их противни-

На самом берегу моря поднялся десятиэтажный санаторный корпус. Его так и назвали — «Приморский». На снимке внизу: Вход в необычный вестибюль этого корпуса — он на девятом этаже, хотя расположен на уровне земли.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

К услугам отдыхающих...

Купальный сезон продолжается и зимой: один из сочинских бассейнов — вода черноморская, температура летняя...

ки поняли: людям удобно и государству выгодно.

— А были противники?

— Были, и весьма серьезные,— в плановых органах. Главный их довод: «Смотрите, понастроите гостиниц и прогорите — зимой-то они будут пустовать». На первый взгляд соображение веское. Но это если подходить к курорту со старых позиций — зимой жизнь тут должна замереть. А почему? Кто установил такой закон? В стране огромное число людей, которым, скажем, мацеста, минеральные воды, грязи нужны как воздух. Они едут сюда с одной только целью — лечиться. А не все могут попасть к нам летом. К сожалению, до последнего времени мы мало заботились о ликвидации хотя бы частичной сезонности. В январе прошлого года бюро горкома партии вынесло большое решение по этому поводу: курорту и зимой жить полнокровной жизнью! Более того, люди, приезжающие к нам зимой без санаторной путевки, по курсовке, должны получить некоторые преимущества. Зимой они имеют все основания расположиться с куда большими удобствами, чем летом, в пору перенаселения курорта. И вот тут-то решающее слово получает «товарищ гостиница». Мы установили такой порядок: кто приезжает к нам зимой на отдых и лечение по курсовкам, тот размещается не на частной квартире, как это было прежде, а в гостинице. Все они на зиму превращены в пансионаты. Обладатель курсовки живет в комфортабельном номере, питается в ресторане гостиницы, лечится в ближайшей курортной поликлинике или пользуется санаторной базой. Дешево и удобно! А кто приехал к нам зимой вообще без всякой путевки, тот может получить номер в гостинице со скидкой на 20 процентов в сравнении с летним тарифом.

— Удался ли этот эксперимент с точки зрения экономической?

— Безусловно. Мнение директоров всех наших гостиниц выражается одним очень популярным сегодня словом: выгодно! Сейчас все убедились: сооружение гостиниц в Сочи — дело прибыльное. И строительство это принимает все больший размах: в ближайшие два года число мест в гостиницах курорта увеличится на пять тысяч, то есть почти удвоится.

Следовало бы внести некоторые коррективы в проекты курортных гостиниц. Предусмотреть в гостиничном комплексе поликлинику и водный бассейн. Ведь зимою можно купаться и в «маленьком» Черном море — в морском плавательном бассейне. В свое время раздавались голоса: «Это-де, мол, роскошь». Чепуха! Никакая это не роскошь. Расчетливые хозяева гостиниц лучших курортов Европы с карандашом в руке подсчитали: стоимость бассейна с лихвой окупается за счет возможности эксплуатации гостиницы круглый год. Мы тоже сделали соответствующие экономические расчеты и доказали, что строительство водных бассейнов — это не транжирство.

Три года назад в Сочи было всего два бассейна, а сейчас двенадцать. Количество их растет с каждым годом. Нами взят курс на то, чтобы в проектах новых здравниц, больших гостиниц обязательно предусматривать сооружение морских бассейнов. Таким образом, курорт скоро покроется целой сетью «малых морей».

— Но, видимо, при всем том, что делается для зимнего отдыха на курорте, проблема напряженности летнего сезона не снимается. Как в минувшем году Большие Сочи справились с обслуживанием приезжавших летом без путевок?

— Обслуживание этой группы — дело самое трудное, но и самое важное для нас. Тем более, что год от года число таких гостей растет. В 1962 году у нас отдыхал миллион человек. Мы тогда считали, что это чуть ли не рекорд. А в минувшем году приняли один миллион семьсот тысяч. Из них миллион сто тысяч приехали к нам без всяких путевок. И мы гордимся тем, что ни одному из них не было отказано в лечении, если, конечно, он нуждался в нем. Такого еще не бывало в истории нашего курорта. На вокзале, в морском и аэропорту круглосуточно дежурили агенты курортных и квартирных бюро. Гость, предъявивший санаторную карту, тут же получал курсовку на лечение.

Известно, что врачебный кабинет № 1 — это пляж. Кто лет пять назад отдыхал в Сочи без санаторной путевки, тот знает, что люди иногда на рассвете бежали на пляж занять там место, лежак. Теперь это уже не проблема. Мы оборудовали несколько новых и притом весьма благоустроенных лечебных пляжей. Желающие могли купить на весь месяц абонемент — за ними закреплялись места на пляже, в аэрарии, шкафчик для хранения одежды. Вы могли оставаться на берегу моря столько, сколько рекомендовано врачом. Тут же вам предложат завтрак, обед, ужин.

Четыреста ресторанов, кафе, закусочных к услугам гостей курорта. Мы постепенно отказываемся от так называемых «фестивальных» столовых облегченного типа. Строим недорогие, но современные рестораны, отделанные стеклом, пластиком, керамикой, мозаикой, оснащенные новейшей техникой. В порядке эксперимента минувшим летом ресторан «Лазурный» работал до 2 часов ночи, а при гостинице «Кавказ» открыли ночной бар. Не все шло сначала так, как нам хотелось. Но, в общем-то, эксперимент удался. К чему я клоню? Самое опасное в обслуживании курортников — стандарт, боязнь поиска новшеств: «Ах, как бы чего не вышло!» У нас отдыхал космонавт А. А. Леонов. Как-то разговорились с ним о типе загородного ресторана, где-нибудь на большой лесной поляне, с эстрадой, баром, танцевальной площадкой, экзотическими беседками, озаренными причудливыми фонарями. Леонов — ведь он и художник — тут же набросал эскизный проект такого ресторана, очень простого и оригинального. Стулья — это пни. Стол — пень и доска на нем. В отдалении — нечто вроде вигвамов, шалашей из веток: это для тех, кто хочет, например, в дружеской компании вечер провести. А коль угодно, занимайте место вокруг эстрады. Мы уже выбрали поляну для такого ресторана и хотим назвать его «Леоновская полянка».

Есть у нас и другие проекты кафе, ресторанов, весьма оригинальных по форме...

— А каково будет «содержание»? Что подадут к столу? В частности, как обстоит дело с ранними овощами, диетическим питанием?

— Хочу надеяться, что содержание будет соответствовать форме. За последние годы мы в 12—15 раз увеличили производство ранних овощей. В 1960 году мы сами выращивали 500 тонн овощей. Теперь на тех же землях получаем 7 тысяч тонн.

Нас, однако, еще не все удовлетворяет в организации питания курортников. Требуется куда большее разнообразие в меню. Мы, например, собираемся широко поставить производство шампиньонов, хотим подавать к столу свежего японского перепела, мясо которого является прекрасным диетическим блюдом. Мы познакомились с опытным хозяйством Майкопа, где довольно успешно выращивают таких перепелов. Всего 40 дней требуется для того, чтобы вылупившаяся из яйца птица попала в жаровню ресторана. Что же, организуем такое хозяйство и у себя, откроем ресторан «Перепел».

— По-прежнему ли остро стоит проблема кадров службы быта на курорте?

— Да. Но есть тут и приятные перемены. Частичная ликвидация сезонности в деятельности курорта хоть в какой-то мере ослабляет текучесть кадров. В прошлые годы с наступлением весны к нам, словно перелетные птицы, «прилетали» из дальних краев повара, официанты, работники гостиниц. Да мы и сами их всячески зазывали, хотя знали, что среди них немало гастролеров, обуреваемых одной только заботой — подработать за сезон. С таких, конечно, и спрос был невелик.

Теперь обстановка несколько иная. Гостиницы, ее рестораны работают с полной нагрузкой круглый год. По мере роста числа зимних курортников появляется возможность иметь более постоянные кадры работников, обслуживающих вас в ресторане, гостинице, магазине. В нынешнем году в гостиницах, например, полностью сохранился тот же штат, что был летом.

Именно такие постоянные кадры готовят созданные нами специальные учебные заведения — политехникум, где учатся будущие повара и официанты, торговая школа, выпускающая опытных продавцов, медицинское училище. Мы требуем, чтобы программа их занятий учитывала всю специфику работы на курорте, где грубое слово может ранить, а душевное — лечит, где быть любезным совершенно обязательно. Есть у медиков такое крылатое выражение: «Веселые всегда выздоравливают». Будут ли наши гости всегда веселыми — это во многом зависит от нас.

Не могу не поделиться тревогой по поводу серьезного пробела в подготовке кадров для курорта — это изучение иностранных языков.

В минувшем году у нас лечились и отдыхали около 60 тысяч иностранцев из 100 стран. Мы считаем, что этого мало для такого курорта, как Большие Сочи. Он имеет все основания стать крупнейшим международным курортом, а значит, и солидным поставщиком валюты в кассу страны. У нас многое уже делается и многое намечается сделать для этого. Строим первоклассные отели, рестораны, ночные бары, которые, в общем-то, рассчитаны в первую очередь на иностранцев; развиваем индустрию сувениров; хотим завести для иностранных туристов большое фореловодческое хозяйство — ловите форель, заходите в ресторан, и вам тут же приготовят уху на любой вкус... Подобных возможностей у нас много, и, к стыду своему, надо признаться, что далеко не все мы по-хозяйски используем. Но я с тревогой думаю: а кто и как будет обслуживать иностранных гостей в гостинице, ресторане, поликлинике, водолечебнице? Нужно позаботиться о подготовке таких людей. Это должны быть в своей области специалисты высшего класса, обязательно владеющие двумя-тремя языками. И платить им надо соответственно их знаниям. Тут обычная поварская или торговая школа не годится. В США, например, при одном из университетов есть специальная школа управления гостиницами. Молодежь там учится четыре года, изучает языки, психологию, кулинарию, общую биологию, лечебное питание, риторику, право, журналистику, эстетику и, конечно, оборудование гостиниц. Не следует ли и нам подумать о таких школах? Одному «Интуристу» они не под силу. Проблема эта общегосударственная, хотя и мы у себя, в своей пятилетке, кое-что собираемся предусмотреть на сей счет.

— Нельзя ли, Сергей Федорович, несколько подробнее о пятилетке курорта?

— Многие показатели еще уточняются, но основные направления уже определились. Собственно, я о них уже сказал: строить преимущественно в прибрежной полосе, строить преимущественно многоэтажные здания. Большие Сочи становятся самым длинным городом мира — около 150 километров. И вся эта прибрежная полоса будет застроена зданиями в 7—14 этажей, причем зданиями не однотипными. Мы располагаем целой серией проектов многоэтажных здравниц и жилых домов. Это позволит внести в архитектурный силуэт курорта разнообразие, свойственную субтропикам яркость, пестроту, позволит заняться художественным оформлением как одного здания, так и всего комплекса. Я имею в виду малые архитектурные формы, скульптуру, цвет, мозаику, фонтаны, художественное освещение.

Большие Сочи могут и должны стать местом, где проводятся международные кинофестивали, симпозиумы, спортивные состязания, смотры талантов. Пройдет время — и распахнутся двери фестивального киноконцертного зала, который сможет принять три тысячи зрителей. Сооружается большой стадион, цирк на две тысячи мест.

Наших гостей, несомненно, порадуют такие новинки, как горнолыжные станции и туристские приюты в горах. Представляете, в сентябре — октябре, «пожарившись» неделю на берегу моря, человек отправляется в Красную Поляну, подвесной дорогой взлетает на Аигбу и...— на лыжи! К его услугам — отель, ресторан, горное солнце.

...И в заключение я позволю сказать несколько слов нашему третьему «собеседнику» — инженеру Ф. Самарину: спасибо за поздравление. Я рассказал вам о наших заботах, тревогах, надеждах, планах. Сумеем ли мы воплотить эти планы в жизнь? Постараемся. Приезжайте, убедитесь...

— Бонжур, мсье! — приветствовал нас рабочий бензозаправочной колонки.

Он был темноволос, смугл, со смеющимися черными глазами и той своеобразной живостью, которая позволяет безошибочно угадывать потомков галлов. Протирая стекла автомобиля, он насвистывал мотив популярной французской песенки, а объясняя, как проехать дальше, так выразительно жестикулировал, что не понять его было решительно невозможно.

И все же мы были не во Франции, а в стране, которая находится за тысячи миль от нее, по другую сторону Атлантического океана. Наш путь лежал через «французскую Канаду» — так часто называют провинцию Квебек, где живут четыре с половиной миллиона канадцев французского происхождения.

КВЕБЕК НОЧЬЮ И ДНЕМ

Постепенно сгущаясь, сумерки обволакивали величественную реку Святого Лаврентия. На крутом берегу реки возвышались крепостные стены Квебека — столицы провинции Квебек и самого старого города Канады.

Город зажег тысячи разноцветных огней и стал похож на красивую сказку с дворцами, принцами, добрыми и злыми феями. С высоты террасы Дюфферина виднелись посеребренные луной крутые крыши домов, стоящие на якоре океанские корабли и снующие поперек Святого Лаврентия юркие суденышки.

Днем обнаружилось, что Квебек — это, в сущности, не один, а два города, каждый с резко очерченной границей. Верхний город разбросан на холмах за крепостной стеной. Здесь находятся здания провинциального парламента в стиле французского ренессанса XVII века, величественные католические соборы, старинная цитадель с чугунными пушками и огромное зеленое поле-парк, известное под названием равнин Авраама. А над всем господствует гигантский замок с зелеными башнями. Замок — это вполне современный фешенебельный отель «Шато Фронтенак». Средневековая оправа оставлена для привлечения туристов.

В Нижнем городе, зажатом между обрывом и Святым Лаврентием, ютится квебекская беднота. Сюда тоже заглядывают туристы: как-никак именно здесь родилась Канада. На кривых, грязных улочках-коридорах, сохранившихся со времен первых французских поселенцев, нам то и дело попадались шикарные автомобили с номерными знаками из Нью-Йорка, Огайо, Иллинойса.

Случайно мы стали свидетелями такой сцены. Произошла она на узенькой улочке Сю ле Кэп, чуть ли не самой древней в Квебеке.

В улочку внезапно въехал нежно-голубой «линкольн». Заняв почти всю ее ширину, автомобиль резко затормозил и стал двигаться медленно-медленно — только так и можно было пробираться через нее. И тут откуда ни возьмись к «линкольну» бросилось около десятка грязных ребятишек; облепив автомобиль, как мухи, они запели нестройными голосами. Дети просили милостыню. Пожилой румяный джентльмен швырнул ребятишкам несколько монет. В этом ему сразу же пришлось раскаяться: заметив, что их товарищам повезло, к машине подбежали новые попрошайки.

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

У «Шато Фронтенак» на высоком постаменте стоит бронзовый Сэмюэль де Шамплейн, устремив гордый взгляд на город, которому он положил начало.

Сын моряка, унаследовавший от отца страсть к путешествиям, Шамплейн добился больших успехов в искусстве картографии и навигации. Верой и правдой служил он французской короне: исследовал торговые пути, руководил военными операциями против индейцев, закладывал основы меховой империи. Но Шамплейн видел дальше своих хозяев, обуреваемых исключительно жаждой легкой добычи. Он полюбил необъятные просторы Канады, ее могучие леса, реки, озера. «Чем дальше проникаешь в глубь страны,— писал Шамплейн в своем путевом журнале,— тем она становится прекраснее. Это совсем новый мир, прекрасный в своем совершенстве».

Не все соотечественники Шамплейна разделяли точку зрения неутомимого исследователя. «Несколько акров снега»,— презрительно бросил по адресу Канады великий Вольтер. Он добавлял, что Канада — жалкая страна, покрытая льдом восемь месяцев в году, где живут дикари, медведи и бобры.

Чтобы не быть поглощенной Англией, активно расширявшей свои владения на американском континенте, Новой Франции нужен был постоянный приток колонистов, а он, как назло, был необыкновенно мал. В отчаянной попытке решить проблему колонизации собственными силами интендант Талон издал закон, запрещавший неженатым мужчинам охотиться, ловить рыбу или уходить в леса. В 1682 году аристократка мадам де Мэнтенон, отобрав по своему вкусу тысячу девушек, отправила их из Франции в Квебек. Все было напрасно. К 1760 году в Новой Франции насчитывалось немногим более 60 тысяч поселенцев, в то время как население английских колоний в Америке составляло 1 миллион 300 тысяч.

Ларчик открывался просто. Франция пришла в долину Святого Лаврентия со своими феодальными порядками.

Феодальная эксплуатация стальным обручем сковывала развитие Новой Франции, препятствуя притоку новых переселенцев. К тому же торговые компании интересовала не колонизация земель, а сказочные доходы от пушнины, которая покупалась или выменивалась у индейцев. Как писал один современник, «купцов вполне устраивает, когда они получают меха и прибыль, не производя в то же время никаких затрат на обработку земли, заселение и развитие страны».

Остается упомянуть чудовищную коррупцию, разъедавшую «маленький Версаль» французской колонии. Когда однажды срочно потребовалось возвести укрепления в Квебеке, оказалось невозможным достать повозки: все они были заняты на строительстве особняка для мадам Пеан, любовницы интенданта Биго.

Захват Англией французских колоний стал вопросом времени. В 1759 году их час пробил. Темной сентябрьской ночью английский генерал Улф высадил десант на берегу Святого Лаврентия. Солдаты Улфа забрались на обрывистую скалу у Квебека и зашли в тыл ничего не подозревавшим французам, которыми командовал генерал маркиз де Монкальм. Утром на равнинах Авраама произошло кровопролитное сражение, стоившее жизни обоим генералам. Умирая, тридцатилетний Улф подарил британской короне победу и вместе с ней Новую Францию.

С тех пор утекло немало воды. На живописных равнинах Авраама, где некогда гремел жаркий бой, сейчас мирно гуляют мамы с малышами да щелкают фотоаппаратами любопытные туристы. В губернаторском саду Квебека в честь победителя Улфа и побежденного Монкальма воздвигнут высокий каменный обелиск с трогательной надписью по-латыни, призывающей забыть распри прошлого: «Доблесть принесла им общую смерть, история — общую славу, а потомки — общий памятник».

И все же отголоски далекой битвы дают о себе знать и по сей день. Завоевание Канады Англией положило начало экономическому, политическому и социальному неравенству провинции Квебек в рамках сложившейся позднее канадской федерации. Оно превратило канадцев французского происхождения в граждан «второго сорта». В стране возникла национальная проблема, которая сейчас настолько обострилась, что поставила под угрозу само существование Канады как единого государства.

ДОРОГА, ДОРОГА...

Покинув столицу «французской Канады», мы продолжаем ехать по левому берегу Святого Лаврентия. Совершенно неожиданно река становится широкой, как море. Сейчас мы видим, почему Квебек называют «североамериканским Гибралтаром». Само название этого города, как нам сказали позднее, на языке индей-

Леон БАГРАМОВ

Фото автора.

ОТ КВЕБЕКА ДО МОНРЕАЛЯ

Монреаль. Смешение стилей.

цев-алгонкинов означает «место, где сужаются воды».

Берег поднимается все выше и выше, а дорога постепенно уходит от берега, начиная петлять по холмам, одетым в хвойные леса. Мы на южной оконечности Лаврентийского плоскогорья. Когда-то здесь трудился ледник, о чем напоминают округлые вершины холмов, называемые бараньими лбами, озера, заполнившие горные впадины, речные пороги и серые валуны, собранные с полей в аккуратные кучи. Впрочем, крестьяне нашли валунам практическое применение: то и дело наряду с деревянными нам попадаются каменные изгороди.

Изгороди — это границы крестьянских земельных полосок. По обеим сторонам дороги находятся жилища фермеров, одно- или двухэтажные деревянные дома, окруженные хозяйственными постройками. Постройки — амбар, хлев, навесы — стоят не вместе, а на некотором расстоянии друг от друга: предохранительная мера на случай пожара.

Но что это? Окна и двери дома заколочены, амбар и коровник пусты, на всем печать запустения и разрухи. Здесь наверняка не было пожара, а жизнь, кажется, ушла безвозвратно. Стены дома молчат, но разве нужны слова, чтобы понять трагедию людей, в отчаянии бросивших то, что создавалось годами, и убежавших куда глаза глядят, в надежде, что где-то должно быть лучше.

За первой заброшенной фермой последовала вторая, потом третья, четвертая, десятая, двадцатая... А потом мы узнали, что за десять лет почти четверть миллиона человек в Квебеке покинули свои фермы, а две пятых тех, кто остался, проедают свои хозяйства и подведены к грани разорения. Если бы не современное залитое гудроном шоссе, не мчащиеся по нему с головокружительной скоростью шикарные лимузины туристов, не ярко раскрашенные бензоколонки «Эссо», «Шелл», «Шамплейн», можно подумать, что проносящиеся за окном убогие деревушки принадлежат далекому прошлому. И как бы в подтверждение наших мыслей мы видим запряженную в плуг лошадь и идущего за ней крестьянина — картину, которую в других местах страны встречаешь лишь на музейных полотнах.

Квебекская деревня едва ли не самая бедная и отсталая в Канаде. В других районах страны, скажем, на западе, в прериях, господствует специализированная товарная ферма, а здесь — масса смешанных крестьянских хозяйств, которые потребляют большую часть того, что производят. Не хватает земли, не хватает машин и, самое главное, денег.

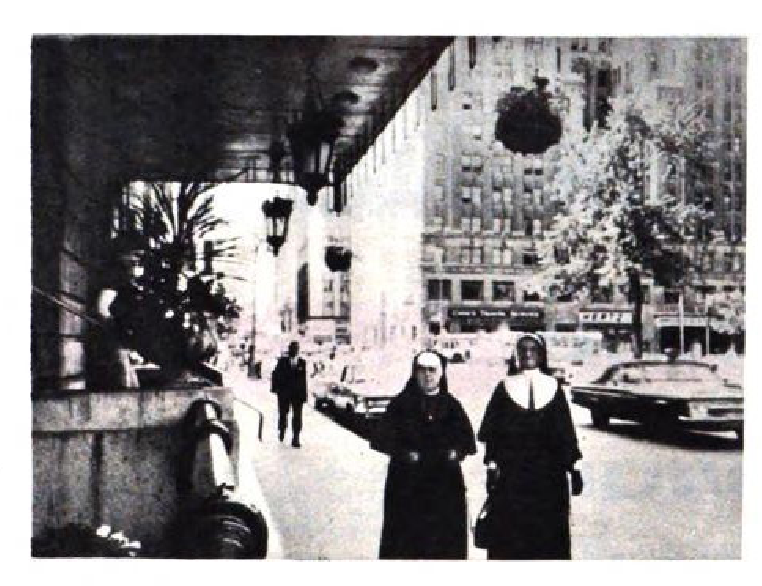
Влияние католической церкви в Квебеке до сих пор также огромно. Английский журналист Алистер Хорн говорит, что, возможно, нигде в современном мире католическая церковь не пользуется бóльшим влиянием, чем в Квебеке, где она является «верховной властью».

Над каждой деревушкой обязательно маячит сверкающий на солнце церковный шпиль. Названия деревушек — Святая Софья, Святой Алексис, Святой Фабиан, Святая Анна — неизменно свидетельствуют о преданности католическому богу. То тут, то там вдоль дороги видны изображения распятого Христа и всевозможных святых. По радио слышатся звуки бравурной мелодии, и вдруг без всякого перехода ее сменяет молитвенный речитатив.

Пришедшее к власти либеральное правительство Пирсона заявило о принятии чрезвычайных мер для преодоления «кризиса конфедерации». С великой помпой было объявлено о создании... Королевской комиссии по вопросам двуязычия и двойной культуры. Немедленно по стране распространился слух, что для умиротворения строптивых квебекцев всех остальных канадцев чуть ли не в принудительном порядке заставят изучать французский язык. Это вызвало новые толки, пересуды и недовольство.

Квебек. Сю ле Кэп — улица в Нижнем городе.

«Святые сестры».

ЧЕГО ХОТЯТ ФРАНКО-КАНАДЦЫ!

Проблема «французской Канады» привлекла наше внимание задолго до того, как мы пересекли границу Квебека. Да и трудно было ею не заинтересоваться: вряд ли о чем-либо другом в Канаде столько пишут и спорят.

Помню, как, подобно автоматной очереди, одно за другим в печати появились сенсационные репортажи о деятельности террористов из «Фронта освобождения Квебека». Попытка пустить под откос поезд с премьером Дифенбейкером. Взрыв памятников генералу Уолфу и королеве Виктории в Квебек-сити. Несколько убийств с помощью самодельных бомб.

— И чего они хотят, эти франко-канадцы? — то и дело с досадой спрашивал сбитый с толку обыватель «английской Канады».

Было ясно: кто-то намеренно запутывает квебекскую проблему. Хотелось послушать «противную сторону». Случай представился нам в Монреале, где мы познакомились с юношей, назвавшим себя Шарлем. Худое, одухотворенное молодое лицо, нос с горбинкой, мягкие карие глаза. Пальцы рук тонкие и длинные; такие, говорят, должны принадлежать либо художникам, либо музыкантам. Но Шарль не был ни тем, ни другим, он был статистиком. Сухие колонки цифр Шарль запоминал не хуже, чем музыкант ноты.

Мы сидели в кафе. В конце концов наш разговор коснулся движения, которое развернулось в Квебеке, к этой теме неизбежно приводит беседа с любым франко-канадцем.

— Мы все еще колония,— грустно улыбнулся Шарль,— только теперь уже не только англичан, но и американцев. Думаете, я преувеличиваю? — И юноша деловито привел по памяти несколько цифр, иллюстрирующих господство в экономике Квебека англо-канадского и американского капитала. Это были очень внушительные цифры, помнится, для некоторых промышленных отраслей они составляли 80 процентов.

Средняя зарплата в Квебеке значительно ниже, а безработица — выше, чем по всей Канаде, постановка народного образования и социальное обслуживание хуже, а возможности продвижения по службе ограничены.

У нас в Квебеке роли распределены четко,— продолжал Шарль.— Англо-канадцы и их американские партнеры — наверху, а наш брат, франко-канадцы,— внизу. Первые владеют и управляют заводами, шахтами и банками, вторые делают всю черновую работу. Когда же мы возмущаемся,— голос юноши начал выдавать сдержанное волнение,— нам указывают на место. Говорят: управлять могут люди со специальной подготовкой, а у вас ее нет. Президент канадских национальных дорог Дональд Гордон заявил, что канадцев французского происхождения нет на руководящих постах его ведомства потому, что они не обладают достаточной квалификацией. К сожалению, у Гордона в Оттаве слишком много единомышленников. Они достаточно осторожны, чтобы не высказывать свои мысли публично, но их действия говорят лучше всяких слов. Взять хотя бы историю с Королевской комиссией по двуязычию и двойной культуре. Кому нужна вся эта трескотня? Пусть дадут нам равноправие, и взаимопонимание придет само собой.

В Оттаве никак не хотят понять, что Квебек не просто провинция,— говорил Шарль.— Франко-канадцы — одна из двух населяющих страну наций. Правда, по «Закону о Британской Северной Америке», который с 1867 года играет у нас роль конституции, мы получили определенные права на управление Канадой. Но это на бумаге. Не часто в Оттаве встретишь на высоком посту франко-канадца, зато среди лифтеров — их больше половины.

Мы ждем уж слишком долго, двести лет. Теперь время действовать. Кое-что мы уже сделали. Например, создали министерство образования. Вам может показаться это мелочью, а для нас это революция. Ведь до сих пор образование в Квебеке полностью находилось в руках церкви, которую совсем не беспокоило то, что у нас в провинции не выпускаются свои инженеры, ученые, экономисты. Конечно, образование — только начало, которое даст возможность создать национальные кадры для промышленности. А свои кадры нам нужны позарез, без них мы никогда не добьемся равноправия.

Как добиться равноправия, как сбросить петлю, наброшенную на Квебек американскими и англо-канадскими монополиями, Шарль толком не представлял. Но он одобрял национализацию гидроэнергетических компаний, которую провело провинциальное правительство, и с увлечением рассказывал нам, что оно собирается увеличить налоги на крупные монополии, чтобы таким путем изыскать средства на развитие Квебека. Нам казалось, Шарль многого не понимал, и прежде всего того, что националистические круги франко-канадской буржуазии озабочены не столько развитием Квебека, сколько тем, чтобы получить «свою долю».

Когда речь зашла о сепаратистах, выдвинувших лозунг «независимого Квебека», юноша на минуту задумался. Конечно, франко-канадцы должны иметь право свободно решать этот вопрос, но лично он против отделения Квебека от остальной Канады.

— Тогда янки съедят нас по кускам.

Юноша умолк, потом проговорил задумчиво:

— Мы хотим чувствовать себя равноправными канадцами. Возвратить себе то, что у нас отняли, быть хозяевами в собственном доме.

ЛЕТОПИСЬ ПЯТИЛЕТКИ: ПЕРВЫЕ СТРОКИ

Есть в городе Фрунзе, на улице Карла Маркса, здание, внешне непримечательное. Но, войдя в него, вы сразу попадаете в атмосферу необычайного оживления: трещат телефоны, стучат телетайпы, со сверкающего барабана сушильной машины сходят десятки фотографий. Здесь помещается Киргизское телеграфное агентство — КИРТАГ. Сюда стекается информация обо всем, что сейчас происходит в областях и районах республики. Отсюда мы ведем наш репортаж. Если вчитаться в скупые телеграфные сообщения, то почти в каждом из них можно заметить часто повторяющиеся слова «первое», «новое»; это не случайно: идет первый год новой пятилетки, и поэтому все в ней и первое и новое.

Телетайпная лента в предельно сжатой форме рассказывает о предсъездовских делах республики:

...Ошский шелковый комбинат имени ВЛКСМ дал новой пятилетке первый миллион метров тканей, среди них пользующиеся особенным спросом у населения — «Памир», «Восход», «Поплин ошский», «Весна»...

...Начался сев яровых в Чуйской долине. Легли в землю семена будущего урожая, первого урожая пятилетки...

...В Кеминском районе начал действовать первый в стране сельский фототелеграф — все почтовые отделения здесь подключены к новой линии связи. Сеть фототелеграфа продолжает расширяться: идет установка аппаратуры в Чуйском и Калининском районах.

...Завершено строительство первой очереди Найманского водохранилища на юге республики. Гигантская чаша приняла первые миллионы кубометров воды.

...На засушливых землях Туя — Моюнской степи вскоре зазеленеют хлопковые плантации, сады, виноградники.

...Фрунзенская научно-исследовательская лаборатория радиоактивных изотопов рассчитывает в этом году внедрить в производство 85 приборов радиоизотопной автоматики, 100 ультразвуковых генераторов.

...Трикотажная промышленность республики отправила заказчикам первый миллион изделий...

...Бригада плавильщиков Южного горно-металлургического комбината, руководимая Героем Социалистического Труда Сайдуллой Тишеевым, крепко держит свое слово: идет металл сверх плана, идет металл отличного качества. Киргизская сурьма принята за эталон на международном рынке...

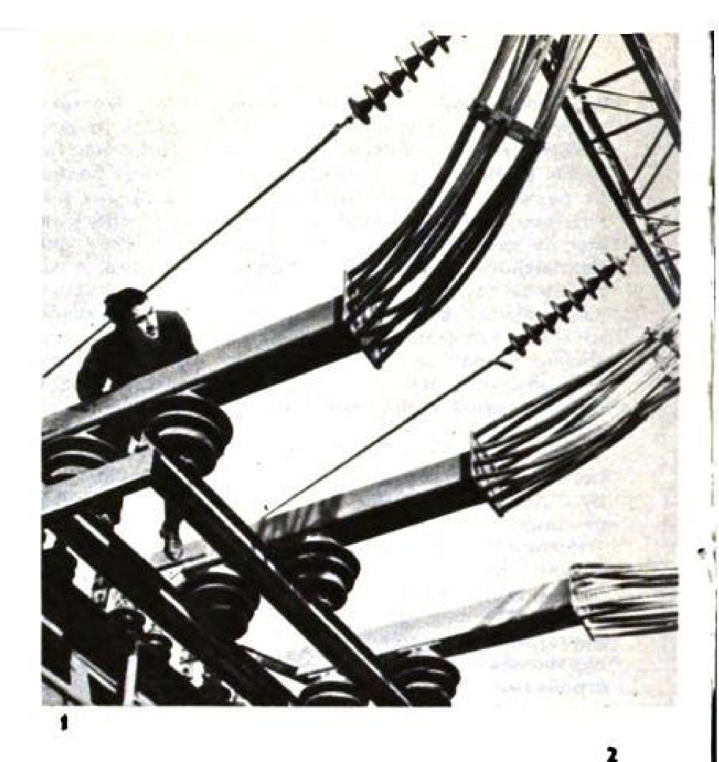
Звонят из аэропорта: «Срочно получите пакеты с пленкой от ваших фотокорреспондентов...»

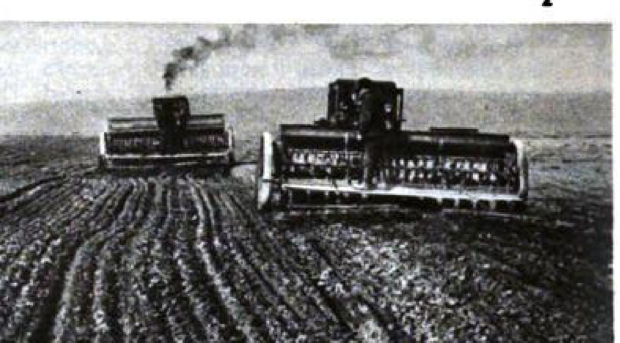
Приходят сотрудники из редакций газет: «Дайте снимки для очередного номера...»

А где-то, как всегда в пути, люди с блокнотами и фотоаппаратами. Карабкаются по горам, пробираясь к чабанам на дальние пастбища, поднимаются по лесам новостроек. Они делают первые записи в летописи пятилетки... Снимки фотокорреспондентов КИРТАГа мы публикуем сегодня в «Огоньке».

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото А. Клейменова, А. Расшихина, Э. Вильчинского, Б. Есеналиева.

1

2

Эстафета столиц

НАЧАЛО СМОТРИ НА СТР.

ФРУНЗЕ • ЕРЕВАН

ДЕБЕД УСТРЕМИЛСЯ ВВЕРХ

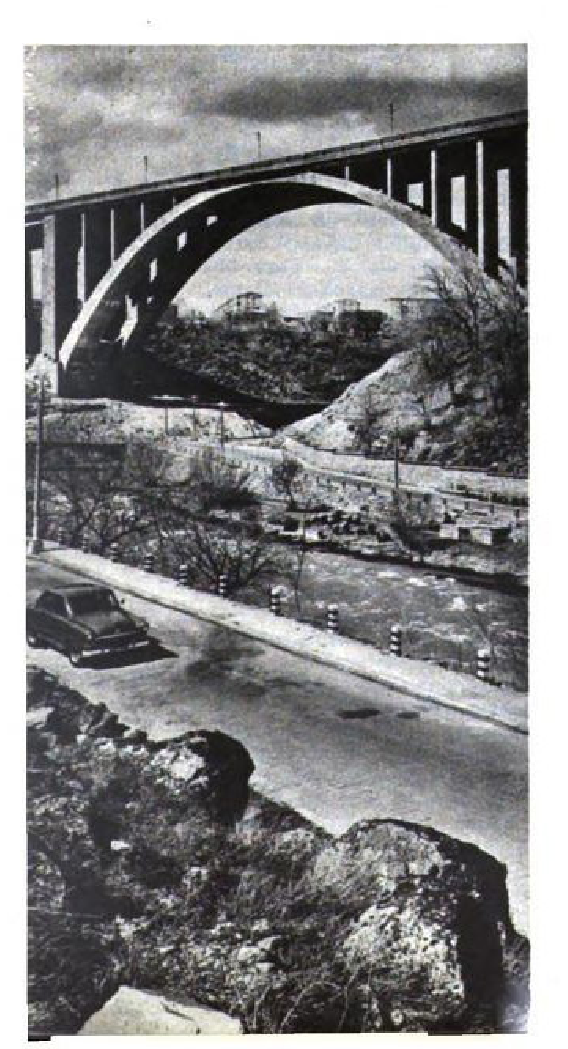
Пришел сюда, на берега северной армянской реки Дебед, коммунист Баграт Абрамович Вартанян и основал тут большое плодоводческое хозяйство — совхоз «Зейтун». За ним появились другие совхозы — «Лалвар», «Победа». Берега реки украсились кипарисами, пальмами, пробковыми деревьями, зацвели миндаль, гранат, инжир, оливковые рощи. Оранжевый, напоенный солнечным ароматом персик сорта «нарнджи» сразу же стал завоевывать известность на международных выставках.

Но коммунист Баграт Вартанян все чаще поглядывал на сухие, поросшие колючкой склоны гор и мысленно поднимал воды Дебеда к ним, наверх. Мечта о преобразовании этого безводного нагорья не раз приводила его в Ереван, в Министерство мелиорации и водного хозяйства Армянской ССР.

И вот сбылась мечта: вступила в строй Ноемберянская многоступенчатая водонапорная станция. Сотни электронасосов с уступа на уступ подняли воды Дебеда вверх, на высоту четырехсот метров. Воду получили 4 тысячи гектаров земель. Через несколько лет здесь будут собирать в год до тридцати тысяч тонн замечательных горных плодов. В них — труд гидротехников и садоводов, тепло беспокойного сердца коммуниста Баграта Абрамовича Вартаняна.

Беник СЕЙРАНЯН,
писатель

НАД ОБЛОМКАМИ СТАРИНЫ

Еще стучит молодой каменотес Геворк Оганесян своим молоточком, высекая фигурный барельеф на портале Театра имени Сундукяна, еще учатся армянские каменщики у Сергея Григоряна мастерству кладки и резьбы по камню. Все это еще есть и будет всегда. Но главными лицами на строительных площадках уже становятся крановщики, сварщики, монтажники. Вот один из крановщиков — Степан Мартиросян. Он строит 16-этажную гостиницу на улице Саят-Нова. Высоченный кран действует четко, бесперебойно, делая в день в полтора раза больше намеченного.

В голубом небе Еревана — частокол башенных кранов. Местами он особенно густ. Это районы массовых застроек, многочисленные здешние «Черемушки».

Нет еще года, как на высокое Норкское плато поднялись первые бульдозеры,— сегодня здесь уже справляют новоселье сотни семейств. Сорок домов готово, на очереди еще 260. По новой магистрали, связывающей Норк с центром, ходят автобусы, скоро пойдут троллейбусы.

Конд — район старого Еревана, хаотически застроенного маленькими глинобитными домиками. Но вот и над этими «обломками старины» поднялись каркасы десятиэтажных жилых домов. В Ереване сооружается до тридцати высотных зданий.

Но и не это главная новинка. Вместе с ленинградцами ереванские строители стали применять метод сооружения зданий начиная с кровли. Так строятся дома на улице Комитаса. Значит, кое-где и башенные краны отойдут на задний план. Их заменяют гидро- и электродомкраты, поднимающие один за другим готовые этажи.

Гаро ТЕВОСЯН

На снимке: В окрестностях Еревана.

Фото Е. ХАЛДЕЯ.

ДВОРЕЦ КРЕП

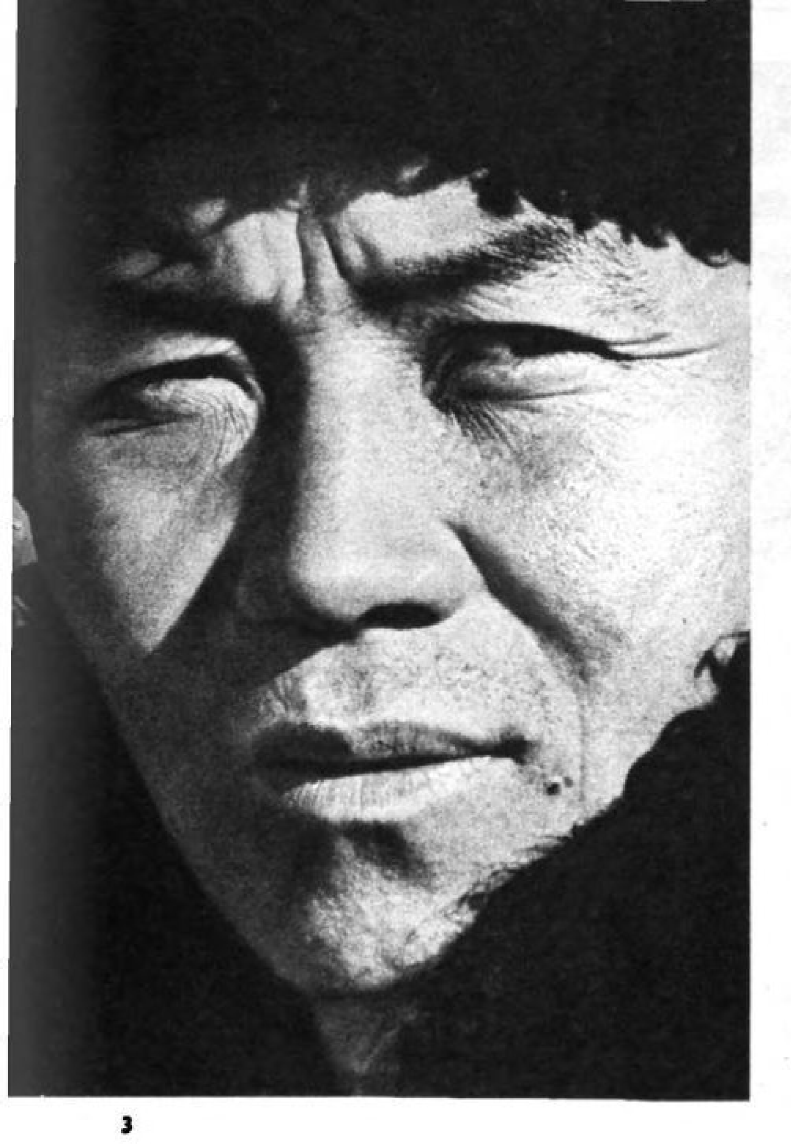
В Ереване, на возвышенности, которая называется Крепостью Ласточки, построят Дворец спорта на 10 тысяч зрителей. Самое интересное в проекте дворца — хоккейное поле размерами 30 на 61 метр. Здесь будут проводиться соревнования по всем видам спорта. Эта же арена может быть использована как зал для торжественных заседаний или концертов. В таких случаях из-под главных трибун, расположенных на 2,5 метра выше поля, можно будет выдвинуть дополнительные трибуны на шесть тысяч мест и образовать партер.

Подниматься во дворец зрители будут по подземным эскалаторам.

Строительство начнется в конце этого года.

Г. ХАЧАТУРЯН,
инженер

На снимке: Макет Дворца спорта.
Фото Р. Амбарцумяна.

3

4

5

1. Фрунзенская ТЭЦ. Монтаж оборудования шестого агрегата.

2. Первыми начали в республике сев яровых механизаторы совхоза имени Калинина, Чуйского района.

3. Горячая пора наступила у старшего чабана колхоза «Чаек» Героя Социалистического Труда Рахматалы Сартбаева. Начался окот овец. Зорко следит за своей отарой прославленный чабан.

4. Чумышская плотина Дружбы орошает поля двух республик — Киргизии и Казахстана.

5. Чабан Маштай Кудаев читает свои стихи перед многотысячной аудиторией телезрителей. Недавно его приняли в Союз писателей.

6. Единственный поставщик снежных барсов в зоопарки мира — фрунзенская зообаза. Этот красавец отправился в далекое зарубежное путешествие на комфортабельном лайнере «ИЛ-18».

6

ФРУНЗЕ — ЕРЕВАН

МНОГОЕ ЕЩЕ НАДО УСПЕТЬ...

Ереванцам, и не только им, хорошо знаком этот домик с высокой остекленной крышей на Московской улице. Здесь живет прославленный армянский художник Мартирос Сарьян, здесь находится его мастерская. Сейчас тут работают каменщики — пристраивают новый корпус, в котором разместится картинная галерея Сарьяна.

Мартирос Сергеевич — радушный хозяин. Он умеет так приветить гостя, что уже с первой минуты чувствуешь себя непринужденно. Вот что он ответил на просьбу «Огонька» рассказать о своих работах и планах.

— Мне восемьдесят шесть лет, а старость ведь не самая лучшая пора человеческого бытия. Здоровье уже не то, надо подчиняться режиму. Но я благодарен судьбе за то, что она не лишила меня главного — радостей и мук творчества. Еще сохраняет твердость рука, еще видит глаз, по-прежнему, а может быть, и сильнее, волнуют душу запахи и краски природы. Хочу жить, хочу работать. Встаю рано, тружусь в меру сил, иногда несколько часов в день. Главным образом за мольбертом. Ну и за письменным столом — заканчиваю мемуары, отвечаю многочисленным своим корреспондентам. Есть и депутатские обязанности.

Над чем сейчас работаю? Совсем недавно послал в Москву для выставки в Академии художеств три новые работы: портрет живущего в Америке армянского писателя Карапета Ситала, натюрморт и портрет внучки.

На днях в Ереване откроется новое здание армянского Драматического театра имени Сундукяна. В его вестибюле — мое большое, на всю стену панно, посвященное любимой моей Армении. Она же, Армения,— тема витража-триптиха, который по моим эскизам изготовляется в Риге для реконструируемого Малого концертного зала Армянской филармонии.

Недавно начал писать портрет зарубежной армянской певицы Лусин Амара и вот этот натюрморт — овощи, фрукты. Многое, очень многое надо еще успеть сделать...

АРМЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В НИДЕРЛАНДЫ

Перешагнув через 27 веков, три чаши, принадлежавшие, как свидетельствуют клинописные надписи на них, урартским царям Менуа, Аргишти и Сардуру, готовятся совершить путешествие в Европу. Их путь лежит в Нидерланды, на выставку «Археология СССР».

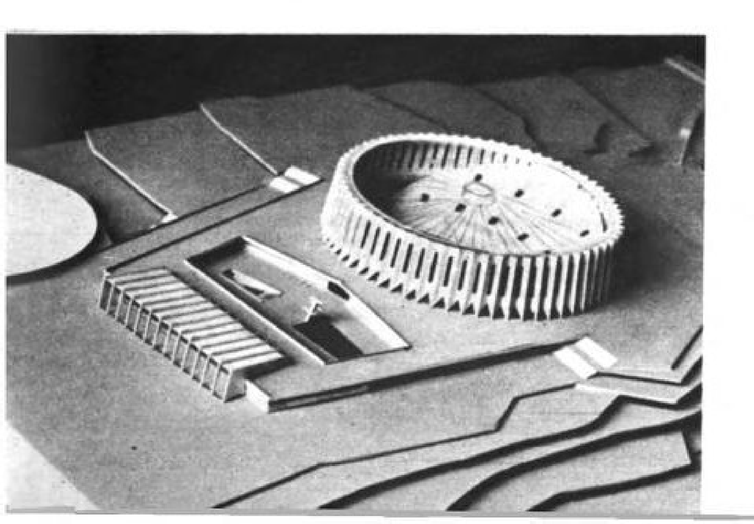
Вместе с урартской посудой далекое путешествие совершат около ста предметов, дошедших до нас из глубины веков.

На снимке: бронзовая птица на богато орнаментированной подставке (XIV век до н. э.), найденная на Армянском нагорье.

Фото В. Немрута (ТАСС).

ОСТИ ЛАСТОЧКИ

«МЕЧТА» НА КОЛЕСАХ

Говорят, что мечта имеет крылья. Образец некой «мечты», появившейся в Ереване, передвигается на резиновых покрышках. Это небольшой опытный автофургон, созданный на заводе, которого пока еще нет. Завод строится. Люди, которые будут на нем работать, еще учатся в Риге и Ульяновске. А в одном из строящихся корпусов уже налаживается производство новых машин с закрытым цельнометаллическим кузовом, приспособленным к перевозке продуктов и разных товаров.

Ереванский автофургон небольшой, но быстроходный. Он будет брать тонну груза и развивать скорость 100—110 километров в час. И будет носить новую марку Ереванского автомобильного завода — «ЕРАЗ», что в переводе с армянского значит — мечта.

ПРАХ Н. П. ОГАРЕВА ПРЕДАН РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Конец «вечному изгнанию». Урна с прахом Огарева доставлена в Москву. Встреча на Шереметьевском аэродроме столицы.

Фото Б. Виленкина и А. Награльяна.

В Москву из Лондона доставлена урна с прахом Николая Платоновича Огарева. Выдающийся революционный демократ, поэт и публицист, друг и соратник Герцена, вместе с ним издававший за границей знаменитый «Колокол», Огарев был приговорен царским правительством к «вечному изгнанию» из пределов России. Огарев уехал в революционную эмиграцию в Лондон в 1856 году, умер в Гринвиче в 1877 году. Теперь урна с прахом Огарева предана родной земле... Новая могила одного из издателей «Колокола» находится у стен древнего Новодевичьего монастыря. Это почти напротив того места на бывших Воробьевых, ныне Ленинских, горах, тех «святых холмов» Москвы, где на заре своей жизни Огарев и Герцен поклялись «посвятить всю жизнь народу и его освобождению».

* * *

Урну с прахом Огарева доставила в Москву делегация Союза писателей СССР в составе В. Лидина и С. Макашина. Члены делегации принимали участие во всех церемониях в Гринвиче и Лондоне, связанных с миссией их поездки. Вместе с тем они знакомились с памятными местами английской столицы, связанными с жизнью и деятельностью в ней Герцена и Огарева.

Мэри Сетерленд, верный друг поэта, у его могилы в Гринвиче. Фотография конца 1870-х годов.

Н. П. ОГАРЕВ

Смолкает «Колокол» на время,
Но быстро тягостное бремя
Промчится как ненужный сон
И снова наш раздастся звон,
И снова с родины далекой
Привет услышится широкий,
И может в наш последний час
Еще светло дойдет до нас —
Как Русь торжественно и стройно,
И непорывисто смела,
С сознаньем доблести спокойной
Звонит во все колокола.

Из стихотворения «До свиданья» (1 июля 1867 г.), которое отмечало перерыв в издании «Колокола» (с июля 1867 г. до января 1868 г.)

ОБЛОЖИВШИСЬ СЛОВАРЯМИ

Прочитайте в номере первом «Нового мира» статью Нат. Ильиной об очерках Михаила Алексеева, напечатанных в «Молодой гвардии» (№ 9, 1965), и вы поймете, как чиста и возвышенна нравственность наших народолюбов, как дивно они знают русский язык и с каким усердием бьют себя в грудь, демонстрируя чистоту и незамутненность своих патриотических и всяких иных чувствований. Правда, гнев на Алексеева и негодование Нат. Ильиной облачены плотным покрывалом иронии.

Должен сказать, что этой манерой она овладела в совершенстве. Ее ирония внешне спокойна, объективна, глубоко запрятана.

Над чем же иронизирует Нат. Ильина? Какие бы криминальные цитаты из «Повести о моих друзьях-непоседах» Михаила Алексеева мы ни приводили, как бы ни гневались на писателя за его неудачу в описании портретов и характеров своих друзей, как бы ни проигрывали его очерки в сравнении с «Записками об ужении рыбы» Аксакова, «Записками охотника» Тургенева (и такое деликатное сравнение в статье Нат. Ильиной наличествует!), как бы взыскательны мы ни были, мы обязаны сказать, что очерки Алексеева — это очерки о русской природе, и русском слове, и русском писателе в его отношении к своей земле. Этому посвящено девять десятых очерков. Эта тема идет через всю повесть. В центре повести стоит страшный образ хищника «Мильена», страшный тем более, что с виду он мил, добродушен и приветлив. Алексеев, создав этот образ, выразил свою боль и тревогу: гибнет родная природа. Но этого крика Нат. Ильина не услышала, центрального образа повести она вообще не заметила.

«Мильен» не заинтересовал Нат. Ильину, волнующий рассказ лесничихи — тоже, поэтическое место о ландыше она пропустила, на рассказе о гибели садов не остановила взора, размышления писателя о родном крае, о Есенине не расшевелили ее народолюбивого сердца — ко всему осталась глуха и слепа Нат. Ильина. Но там, где речь идет о шкалике, душа Нат. Ильиной «встрепенется, как пробудившийся орел», и она начинает свои подсчеты, выкладки и сентенции. Специализация для критика довольно странная. И если, подражая Нат. Ильиной, делать предположения или «внезапно задуматься», как она выражается, то невольно придешь к выводу, что при редакции «Нового мира» создан некий счетно-вычислительный центр и что отныне журнал издается обществом трезвости.

Подсчитав шкалики, Нат. Ильина перешла к пространным рассуждениям о происхождении слов «Севастополь», «Мелитополь», «Десна» и уличила Алексеева в невежестве.

Но почему же все-таки Алексеев невежда? Да потому, что он утверждает: вне зависимости от «изначального смысла» слов «Волга», «Десна», «Днепр», «тополь» «ракита» — пусть мы не знаем их изначального значения! — все равно мы отлично чувствуем «пленительную красоту» этих слов. За это Алексееву выдано было: «невежда» и «невежество». Причем особенно Нат. Ильину изумило то, что в слове «Севастополь» Алексееву слышится «тополь» и он не может уйти от этого «колдовства». Чтобы помочь писателю избавиться от чар, Нат. Ильина посоветовала Алексееву в подобных случаях обращаться к словарям и даже была настолько любезна, что вызвалась сама навести справки. И что бы вы думали! Оказалось, «десна» означает «правая», а окончание «поль» идет от греческого «полис» (город, государство). Какие глубокие познания у критика «Нового мира»! И, заметьте, все это, по собственному признанию Нат. Ильиной, «со школьной скамьи». И школьные познания заставили критика сделать столь строгое внушение Алексееву за «смелые игры со словами».

Прекрасно. Научно. Но более всего, конечно, благородно.

Что ж на это сказать нам, невеждам? Мы, невежды, никогда не сомневались в том, что Нат. Ильина была способным ребенком. И все свои знания, полученные на школьной скамье, она привнесла в советскую критику. В каждой ее статье дает себя знать, кроме благородства, школьная парта и указка. Перед всем этим мы, невежды, невольно робеем. Но давайте преодолеем робость и поговорим откровенно с нашими судьями.

Если бы это было позволено, я задал бы критику «Нового мира» только один вопрос: а после школьной скамьи вы что-нибудь добавили к своим знаниям? Ведь вопросы о поэтической жизни слова, об ассоциациях, которые оно вызывает, о психологии творчества, о жизни слова в иноязычной стихии — все это вопросы очень сложные, и «школьная скамья» не является в решении их последней инстанцией.

«Десна» — «правая». Великолепно. Но с этими сведениями мы тут же споткнемся: ведь Десна не правый, а левый приток Днепра. Откуда же Десна получила свое название? Нат. Ильина не опровергла Алексеева даже с точки зрения этимологической, не говоря о поэзии слова, о чем вел речь писатель. Его поэтическому сознанию «Десна» говорит многое. «Притягательная сила этого слова,— пишет Алексеев,— в его звучании, мягком, каком-то поистине солнечном». Какое там солнечное, возмущается критик. Правый, и дело с концом. Так меня на школьной скамье учили, и так в словарях! А Алексеев — невежда!

Не поторопились ли вы с приговором, Нат.

В ДВЕНАДЦАТЫЙ РАЗ

В двенадцатый раз отправились в трудный путь советские хоккеисты. Время четырех китов, на которых держался мир любительского хоккея, кажется, миновало. Пример тому — сенсационный проигрыш «Тре Крунур» сборной Германской Демократической Республики. Насколько неожиданным был этот результат, свидетельствует интервью, которое дал тренер сборной команды Советского Союза А. В. Тарасов. На вопрос журналистов о самом опасном сопернике Тарасов назвал молодую шведскую команду, по его мнению, удивительно умело прослоенную асами.

А тремя часами позже рефери из СССР Старовойтов и Сеглин поставили свои подписи под протоколами, где черным по белому засвидетельствовано, что неоднократные обладатели золотых медалей — хоккеисты Швеции проиграли со счетом 1 : 4!.. Зато канадцы, порастерявшие за последние годы свою былую славу, настроены оптимистично.

Нарушена традиция, что последними на чемпионате мира скрещивают клюшки сборные СССР и Канады. В Любляне наш последний соперник — команда Чехословакии. Львята (на свитерах чехословацких спортсменов — стоящий на задних лапах лев) повзрослели и превратились в молодых, полных уверенности и задора львов. С возрастом пришла и сдержанность. И в отличие от прошлогоднего чемпионата львы уже не спешат опережать события и предсказывать победителя, рассудив, что лучшая победа — на ледяном поле.

13 марта серебряные трубы огромной электрической «Омеги», ведущие счет времени, запоют в последний раз под сводами ледового дворца, и мир узнает чемпиона мира 1966 года.

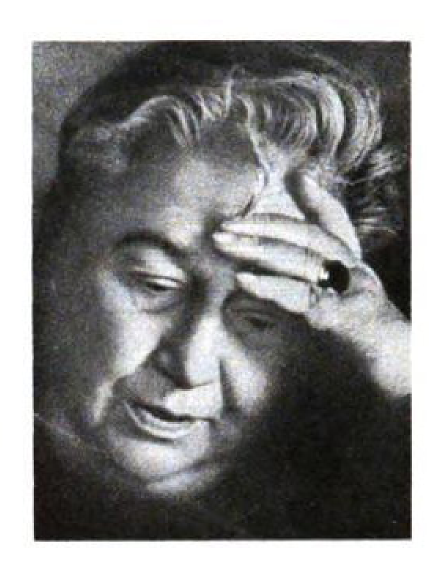
И. ЗАСЕДА

Любляна, по телефону.

Атакует Вячеслав Старшинов.

Фото ТАСС.

ПАМЯТИ АННЫ АХМАТОВОЙ

Тяжело легла на сердце горечь утраты — ушла из жизни выдающаяся русская советская поэтесса Анна Андреевна Ахматова. Ее творчество, которому она отдала более полувека,— это целая эпоха в русской поэзии.

Анна Ахматова прошла большой и сложный путь — от первых стихов о любви до произведений, проникнутых высоким духом гражданственности и патриотизма. Все мы помним мужественный голос поэтессы, звучавший во славу Советской Родины в годы Великой Отечественной войны. Многие тысячи сердец откликались на страстный призыв к миру между народами, наполнявший послевоенную лирику Ахматовой.

Творчество замечательной поэтессы, благородство чувств, свойственных ее музе, завоевали признание и любовь читателей нескольких поколений не только в нашей стране, но и во всем мире.

Имя Анны Ахматовой, ее прекрасные стихи будут жить и для будущих поколений, для всех, кому дорого светлое поэтическое слово.

Ильина? Не поспешили ли? И давно ли вы в словари свои смотрели? А не вредно бы... Ведь в санскрите слово, родственное по звучанию с «десной», означает не только «правый», но и «южный» и «ловкий». То же в ирландском: означает и «правый» и «южный».

Иначе говоря, поэтическое восприятие слова Алексеевым оказалось более точным, емким, и оно лучше объяснило происхождение названия реки, чем все словари Нат. Ильиной и все парты, на которых она сидела. Таковы возможности подлинной поэзии и настоящего знания языка в отличие от изучения его со словарем.

Что сказать о «Севастополе»? Только одно: для слуха Нат. Ильиной слово осталось греческим. Для Алексеева же корень этого слова врос в почву русского языка, укрепился в ней и дал новые поэтические «побеги». То есть началась его новая жизнь в новой среде. Это то, о чем применительно к пересаженному дереву скажут «принялось». Без этих новых образований, «побегов» и ассоциаций слово можно считать не принявшимся на новой почве, а погибшим. И в этом абсолютный закон поэтической жизни слова, открытый задолго до Алексеева. И то, что строгий критик порицает как «смелые авторские игры со словами», характерно вообще для народно-поэтического сознания и речи, создающейся не по словарям.

Возьмите прославленное пушкинское:

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Для сердца великого русского поэта слово «Москва» звучало как русское слово, в котором многое слилось (гениальное понимание поэтической этимологии слова) и многое отозвалось.

Смеем заверить Нат. Ильину, что это звучание слова открылось Пушкину не через заглядывание в словари. Что же касается Нат. Ильиной, то для нее «Москва» — это, в отличие от Пушкина, «грязная вода», «телка» и в лучшем случае — «медведица», ибо так означено в словарях, и слово это, конечно, не русское. Что ж, придется по методу новомировской критики и Пушкина объявить невеждой?..

Нат. Ильина дает нам «смелые уроки» не только по языку, а и в области морали, патриотизма и в чем угодно. Прочитала она у Алексеева фразу «он сделает из тебя полезную для общества вещь» — и новый взрыв негодования.

«Читатель растерян... Пусть самокритика, пусть недовольство собой, пусть автор просит учителя, чтобы тот сделал из него человека,— это еще можно понять. Но вещь? Но уподобление себя неодушевленной детали, которую надо обтачивать на станке?»

Читатель видит, что для критика «Нового мира» употребление слова в переносном значении — «вещь» (!), совершенно недоступная для понимания. Нат. Ильина знает только одно значение слова, в узких прозаических границах. Но и в плоскостных, прозаических границах полнота смысловых возможностей слова для нее — тайна за семью печатями. Так и получилось со словом «вещь», словом очень широкого диапазона. И дело здесь уже не в оторванности от народно-поэтической стихии, а в чем-то другом. Ведь загляни Нат. Ильина в свои словари, она без труда обнаружила бы там слово «нечто» как один из синонимов слова «вещь». И это действительно не только для русского языка. Латинское «res» имеет по крайней мере четыре значения: «вещь», «дело», «событие», «обстоятельство». И если образованная Нат. Ильина ненароком откроет знаменитый трактат — поэму Лукреция «О природе вещей»,— то в числе других «вещей» она там легко обнаружит и... человека!

«Читатель растерян...», как выражается критик «Нового мира». Только растерян он не по вине Михаила Алексеева. И это еще не предел читательской растерянности. Ведь Рене Декарт, не собиравшийся унижать род людской, однако говорил, что человек — вещь мыслящая.

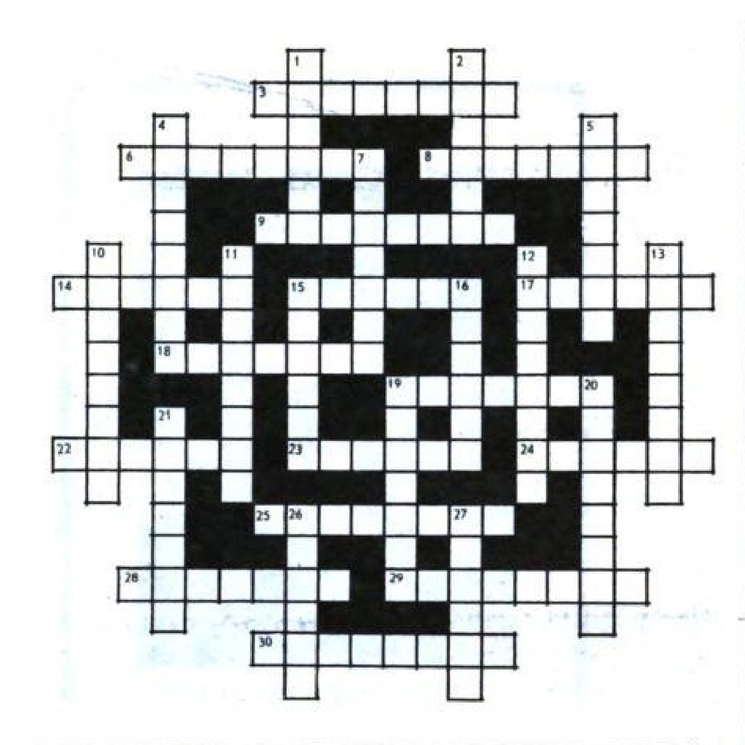
Так, значит, дело не в незнании, а в чем-то другом. В чем же? Растерянный читатель, конечно, не поймет, что это за «вещь» — статья Нат. Ильиной. Но нерастерявшийся читатель, не давший себя запугать словарями и школьной ученостью, начинает, полагаем, понимать, в чем дело. Истины ради скажем, что дело здесь не только в Нат. Ильиной: вспомним прошлогоднюю статью Юрия Буртина в «Новом мире» о повести Алексеева «Хлеб — имя существительное». Она написана в той же манере и той же тональности. И это наводит «внезапно задумавшегося читателя» уже на очень грустные размышления.

Вот как цитирует Алексеева Нат. Ильина. Почему поехали в деревню? Да потому, что будто бы «...в деревне только еще и можно встретить подлинно народные характеры, подлинные типы, а как же ему, литератору, без этих самых характеров, без этих самых типов!» Выписано точно. Но Нат. Ильина по рассеянности, вероятно, забыла прибавить, что Алексеев думающих так литераторов как раз и не советует брать с собой в деревню. А возьмешь — раскаешься и скажешь: «Черт меня дернул!»

Но полно, по рассеянности ли это сделано? Ведь фраза, имеющая у Алексеева диаметрально противоположный смысл и не от автора сказанная, повторена у Ильиной дважды (248 и 250 стр.) и каждый раз преподнесена как авторская!

Нат. Ильина заподозрила группу русских писателей в равнодушии к народу, в незнании крестьянской жизни, в неумении сойтись с народом, в самодовольстве, в саморекламе и прочих грехах и пороках. Кого же это? Да прежде всего детей саратовских, брянских, ярославских мужиков. Они у нее на подозрении. На подозрении те, кто ходил за сохой, мыкал нужду, еле спасся от лютой смерти в голодный год, кого не миновала судьба в лихолетье, кто отстоял свою страну и всем смертям назло прошел солдатом и с солдатами от Сталинграда до Берлина. Вот кто на подозрении у критика «Нового мира», вот кого взяла на карандаш Нат. Ильина! И за что? Почему? Да только за то, что человек, написавший книгу, решил рассказать, кто ему из простых людей, из крестьян, односельчан помогал в этом трудном деле. Рассказал, не задаваясь, скромно, и главное — с чувством великой благодарности и любви к людям, пришедшим к нему на помощь своим метким, точным, богатым словом. И эта благодарность своим соавторам привела буквально в неистовство критика «Нового мира».

В. АРХИПОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Инструмент живописца. 6. Лабораторный прибор для получения тонких срезов тканей животных. 8. Роман Д. Олдриджа. 9. Областной центр в РСФСР. 14. Украинский поэт. 15. Плоскостное однотонное изображение человека или предмета. 17. Приток Дона. 18. Персонаж комедии масок. 19. Порт на озере Мичиган. 22. Герой трилогии Бомарше. 23. Специалист, готовящий спортсменов к соревнованиям. 24. Синий краситель. 25. Духовой музыкальный инструмент. 28. Вулканическая горная порода. 29. Режиссер, народный артист СССР. 30. Спортивная игра.

По вертикали:

1. Коробчатая деталь двигателя внутреннего сгорания. 2. Курорт в Крыму. 4. Многогранник. 5. Зимнее двоеборье. 7. Горный массив в Савойских Альпах. 10. Функция человеческого мозга. 11. Гриб. 12. Наука о жизни, о живой природе. 13. Водная птица. 15. Древнегреческий философ. 16. Химический элемент. 19. Остров в архипелаге Филиппин. 20. Машина для получения переменного тока. 21. Знак препинания. 26. Тетрадь для рисунков, фотографий. 27. Русский механик и машиностроитель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

1. «Саламбо». 3. Шампиньон. 8. Жерико. 9. Глобус. 12. Молния. 13. Скула. 14. Кубена. 18. Статуя. 19. Резина. 20. Арктур. 22. Децима. 26. Неодим. 27. Атлас. 28. Попона. 31. Воргес. 32. Тритон. 33. Ставангер. 34. Шагрень.

По вертикали:

1. «Старик». 2. Оборот. 4. Проект. 5. Нагель. 6. Ретина. 7. Сухуми. 10. Хлестаков. 11. Сепаратор. 12. Мегафон. 15. Атакама. 16. Журуа. 17. Фенек. 21. Климов. 23. Изотоп. 24. Утесов. 25. Кафтан. 29. Ягдташ. 30. «Жизель».

На первой странице обложки: Делегат XXIII съезда КПСС, Герой Социалистического Труда Иван Петрович Аренто — бригадир оленеводов совхоза «Канчаланский» в Магаданской области.

Фото Г. Копосова.

На последней странице обложки: Рисунок Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10549. Подписано к печати 9/III 1966 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 5,0. Усл. изд. л. 7.
Заказ № 614. Тираж 2 000 000. Изд. № 245.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПАТАГОНСКИЙ КЛЫКАЧ

Советские специалисты, плававшие на научно-промысловом судне «Академик Н. М. Книпович», выловили в антарктических водах редкую рыбу — патагонского клыкача.

Впервые клыкача добыли иностранные ученые в конце прошлого века. Но единственный экземпляр этой редкой рыбы тогда пропал: его смыло с палубы судна штормовой волной. Описание было сделано по фотографии.

На сей раз клыкач доставлен в полной сохранности. Его вес — 25 килограммов, длина — 135 сантиметров. У рыбы большая пасть с сильными клыковидными зубами.

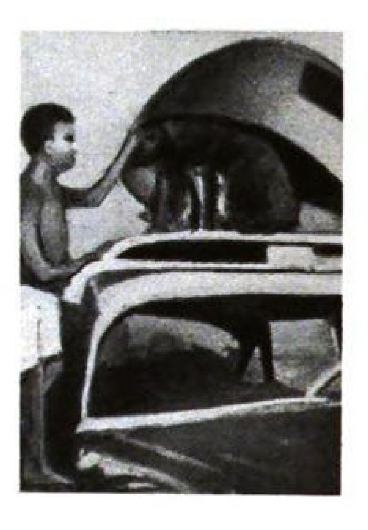
В. КРИВОШЕИН
Фото С. Григорьяна.

ЧЕМПИОНКА СРЕДИ КОЛБАС

Авторы этой колбасы (длина — 135 сантиметров, диаметр — 50 сантиметров, вес — 105 килограммов) — чехословацкие мастера из Остравы. Взять ее в руки — задача, посильная лишь для немногих тяжелоатлетов.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

ПЕС НА МАШИНЕ

Джон Кетанен, студент из штата Аризона (США), пристроил к своему автомобилю будку для собаки. Теперь охотничий пес сопровождает своего хозяина, сидя на крыше машины. Джон Кетанен собирается взять патент на свое изобретение.

ТОЛЬКО ДО ДНА

В одном из местечек ГДР сохранился обычай встречать приезжих особым образом. Гостю подносят вино в чарке в виде огромной деревянной ложки с цепью, которую надевают на шею.

ЗОЛОТАЯ РОЗОЧКА

Так называется этот головной убор, который демонстрирует модница из ФРГ.

НЕОЖИДАННАЯ ГОСТЬЯ

Треск разбитого стекла в морозное утро разбудил семью милиционера Йовича, живущего в селе около города Сараево (Югославия). Перед встревоженными обитателями дома предстала в углу комнаты дрожащая молодая серна. Спасаясь от стаи волков, животное влетело в окно квартиры Йовича. После двухдневного отдыха ее выпустили в лес.

ПОДВОДНЫЕ РЫБОЛОВЫ

Ежегодно зимой на острове Мали Лошинь (Югославия) проводятся состязания по подводной охоте. В этом году на соревнования собрались лучшие спортсмены Европы. Победителями оказались французы.

СТЕКЛЯННЫЙ КОСТЮМ

Последний крик американской моды — прозрачное платье. Этот наряд модельеры считают очень практичным.

РИСУЕТ ЙОЖЕФ СЮР-САБО

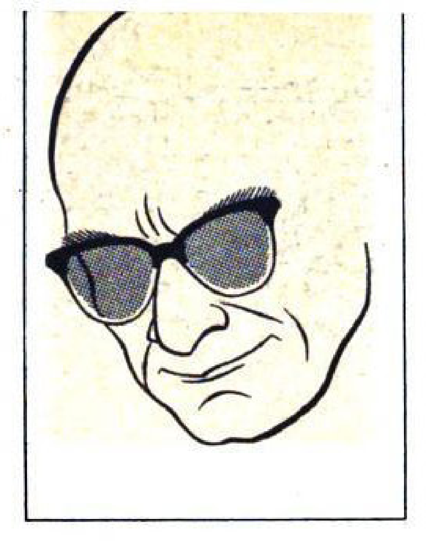
Художник-карикатурист Йожеф Сюр-Сабо очень популярен не только у себя в народной Венгрии, но и далеко за ее пределами.

Нужно обладать большой фантазией, чтобы из номера в номер давать сатирические рисунки в венгерский юмористический журнал «Лудаш Мати», где он постоянно сотрудничает.

Родился Йожеф Сюр-Сабо в 1902 году. Закончил школу прикладного искусства, а затем высшую школу изобразительного искусства. Как живописец он принимал участие в отечественных и зарубежных выставках. Однако предпочтение отдал сатирическому рисунку.

Сегодня мы знакомим читателей «Огонька» с несколькими карикатурами замечательного венгерского художника, которому мы от души желаем новых успехов в его трудном, но благородном деле.

Н. ЕЛИНСОН

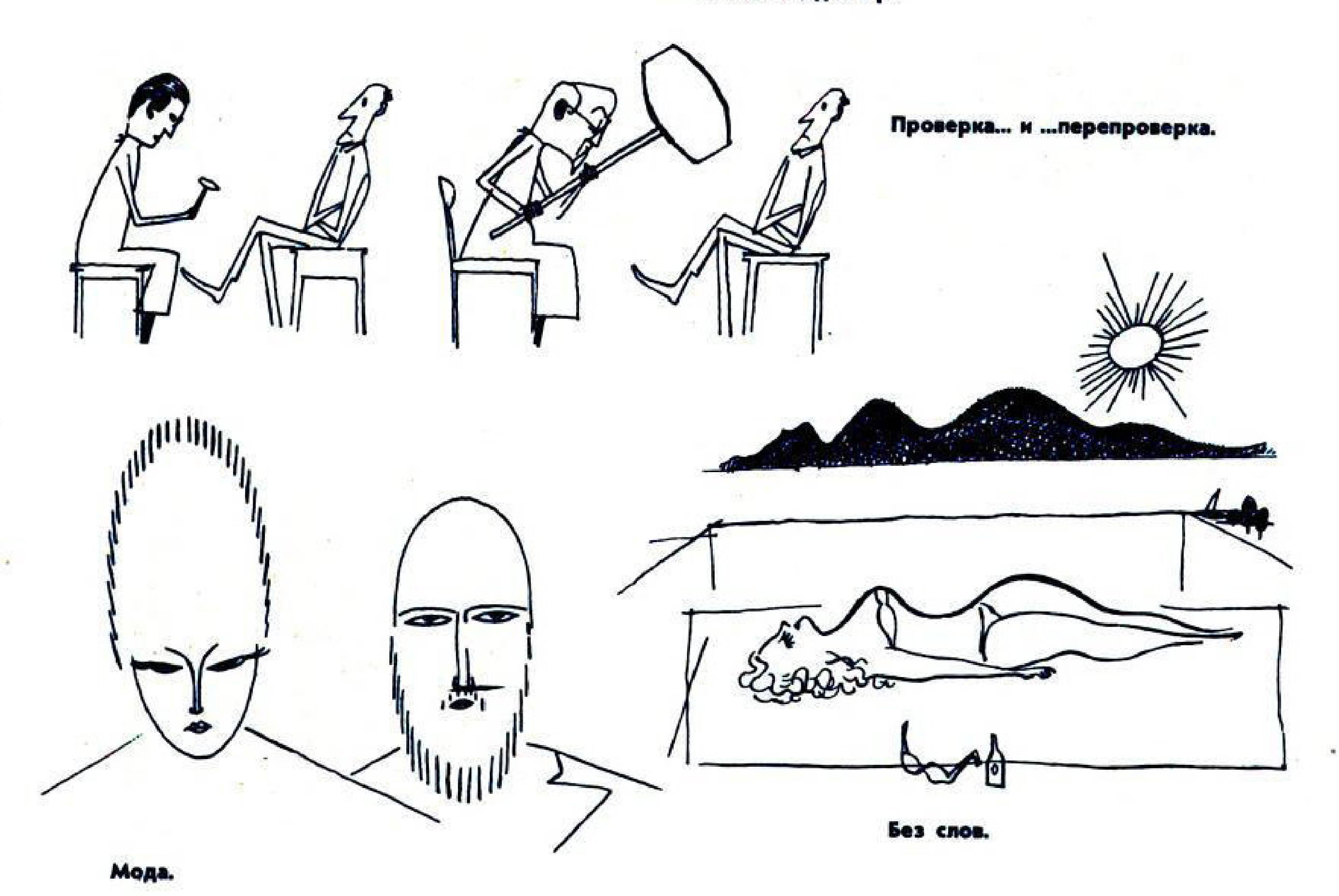

Йожеф Сюр-Сабо.
Дружеский шарж
Н. Елинсона.

Без слов.

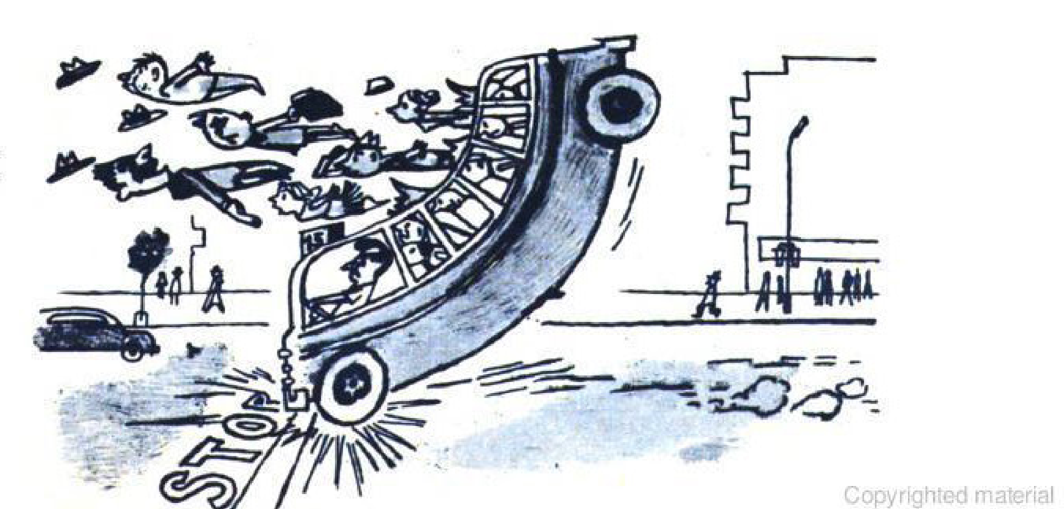
— Тетя Ковач, что случилось! Я не видел вас уже две недели.
— Я болела, доктор.

Проверка... и ...перепроверка.

Мода.

Без слов.

— Ты смотри, приятель, какие замечательные тормоза стали делать!

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663